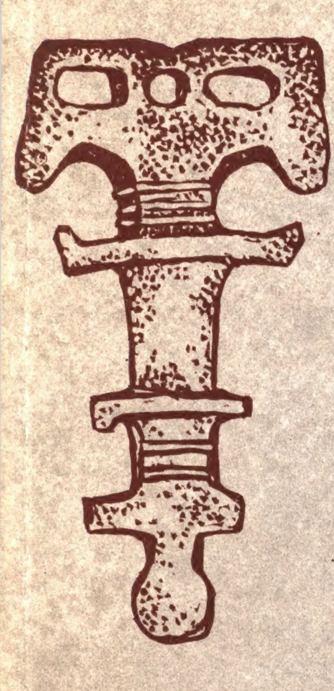

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

ПО СЛЕДАМ ДРЕВНИХ СЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕН

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

ПО СЛЕДАМ ДРЕВНИХ СЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕН

Под редакцией
Б. А. РЫБАКОВА, Э. А. СЫМОНОВИЧА

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1982

Публикуемая посмертно работа видного археолога-слависта посвящена сложным и недостаточно разработанным вопросам этногенеза и ранней истории славян. В ней дается общая картина исторического развития славян на протяжении почти тысячелетия — с конца I тыс. до н. э. по третью четверть I тыс. н. э.

Т $\frac{0503000000\text{-}525}{042(02)\text{-}82}$ 73-82, кн. 1

ОТ РЕДАКТОРОВ

Ранние этапы истории славян не нашли достаточного отражения в письменных источниках. Многое должна выяснить археология, но и ее возможности до недавнего времени были весьма ограниченными. Лишь в последние годы заметно расширился круг источников, ставших основными при изучении древнейшего прошлого славян.

К настоящему времени на Украине, в Белоруссии и на западе РСФСР исследованы десятки памятников третьей четверти I тыс. н. э. Они образуют несколько локальных групп, или культур, имеющих как отличия, так и общие черты. Это корчакская (или пражская) культура междуречья Днепра и Западного Буга, пеньковская в лесостепи и в степном пограничье к западу и востоку от Днепра, колочинская культура южной части Верхнего Поднепровья и, наконец, культура типа верхнего слоя Тушемли—Банцеровщины на Смоленщине, Псковщине и в Северной Белоруссии.

Если первые две несомненно связаны со славянами, то этническая атрибуция колочинской культуры и более северной, типа Тушемли—Банцеровщины, продолжает оставаться неясной. Недостаточно разработаны и другие вопросы изучения раннесредневековых культур Восточной Европы, что затрудняет понимание проходивших здесь этнокультурных процессов. Так, четко не установлена хронология этих культур, не выяснено их происхождение, отношение друг к другу.

Широкому кругу вопросов, связанных с историей ранних славян и их соседей, и посвящена настоящая работа. П. Н. Третьяков не успел завершить исследование, над которым работал уже будучи серьезно больным, но и в этом, незаконченном виде публикуемый труд вносит значительный вклад в изучение славянской проблематики. В нем представлена целостная картина исторического развития славян на большом отрезке времени: с конца I тыс. до н. э. по третью четверть I тыс. н. э. Правда, не все положения данной работы могут считаться доказанными. Иногда это лишь гипотезы, нуждающиеся в дополнительной аргументации. Не более чем гипотезой является, например, мнение о неславянской принадлежности черняховской культуры. П. Н. Третьяков считал, что досто-

верно славянская культура Среднего Поднепровья, известная для третьей четверти I тыс., складывается на основе памятников киевского и близкого к нему типов, в свою очередь генетически связанных с зарубинецкой культурой. Однако есть основание предполагать славянство не только зарубинецкой, но и черняховской культуры.

Концепция исторического развития славян в I тыс. н. э. построена П. Н. Третьяковым на основе достижений археологии в изучении славянской проблематики. Она подкупает своей стройностью и логическим совершенством и в целом является убедительной, хотя и не единственно возможной.

За прошедшие после смерти П. Н. Третьякова годы были сделаны серьезные шаги по изучению древностей восточных славян и их этногенеза. Опубликован ряд новых статей и монографий, посвященных этим проблемам. Перед ответственными редакторами стояла трудная задача: не меняя содержания рукописи, по возможности отредактировать высказывания автора и снабдить спорные места примечаниями. Перечень новых, появившихся преимущественно на Украине книг по данной тематике, приведенный в сносках, составил доктор исторических наук Э. А. Сымонович. Подготовить рукопись к печати и подобрать иллюстративные материалы взял на себя труд кандидат исторических наук Е. А. Горюнов . В качестве рисунков использованы сохранившиеся в архиве П. Н. Третьякова материалы. Проиллюстрирован также ряд памятников, на которые есть ссылки в рукописи. От подборки иллюстраций, характеризующих черняховскую культуру, пришлось отказаться из-за отсутствия в личном архиве автора признаков источниковедческой работы над этой темой.

Таким образом, в предлагаемой читателю книге отражены взгляды известного археолога-слависта в последние годы его деятельности. Кроме мелких неточностей в рукописи имеются явно устаревшие положения, не отвечающие уровню нынешнего развития археологической науки. Некоторые из них оговорены в подстрочных примечаниях. В основном это относится к разделу «Затянувшаяся дискуссия». Там даны далеко не во всем верная и явно тенденциозная характеристика черняховской культуры и ее этническая атрибуция. В настоящее время отрицание определенного вклада черняховской культуры в этногенез славян является анахронизмом. Конечно, не всегда и не везде ясна еще величина этого вклада, но в свете новых работ на черняховских памятниках и появления в печати посвященных им публикаций очевидна связь черняховских материалов с древностями пеньковского, киевского типов и другими подобными раннеславянскими памятниками.

Б. А. Рыбаков, Э. А. Сымонович

ВВЕДЕНИЕ

В дореволюционные годы историю древней культуры восточнославянских племен по материалам археологии было возможно изучать лишь в рамках самых последних столетий I тыс. н. э. Данные, рисующие жизнь и культуру в предыдущее время, оставались тогда неизвестными или спорными. Более того, многие исследователи полагали, что вплоть до конца I тыс. славянские племена не были обитателями Восточно-Европейской равнины. Ранняя история славян, по их мнению, протекала за нашими западными рубежами, где тогда искали родину всех славян. Противников таких представлений, считавших, что славяне издавна жили в пределах нашей страны, было сравнительно немного, они не пользовались широким признанием, да и не могли его приобрести вследствие отсутствия в распоряжении археологии соответствующих бесспорных фактических материалов.

Положение решительным образом изменилось за последние 50 лет, особенно в 50—70-х гг. текущего столетия, когда трудами советских археологов-славистов был собран большой фактический материал, освещающий историю культуры древних славян в пределах нашей страны на протяжении всего I тыс. н. э. В настоящее время в юго-западном и западном районах известны сотни остатков древней славянской жизни: мест поселений с жилищами-землянками, бескурганных могильников, содержавших захоронения остатков трупосожжений, кладов и городищ-убежищ. Многие из них подверглись археологическим раскопкам, что позволило обрисовать различные стороны жизни и быта древних славян (их сельское хозяйство, начала разных ремесел, торговлю с соседями, военное дело, религию, погребальную обрядность), подойти к освещению вопросов социальной истории. Стало возможным проникнуть в глубины такого сложного явления, как этническая история, в частности вплотную подойти к освещению процесса ассимиляции славянами других этнических групп, в первую очередь восточных балтов и финно-угров, что сыграло в начальной истории формирующейся Руси значительную роль.

Как обычно бывает в археологии, чем древнее изучаемое явление, тем больше вопросов встает перед исследователем при попытках в нем разобраться, тем больше неясностей приходится

преодолевать. История древней восточнославянской культуры и жизни не составляет исключения. Лучше всего нам известны жизнь и культура восточных славян накануне средневековья и в его ранний период — в третьей четверти I тыс. н. э. Это время возникновения первых славянских государственных образований в пределах нашей страны освещается не только археологическими, но в некоторой степени и историческими известиями, порой неполными, даже полулегендарными, когда речь идет о сообщениях русских летописей, порой весьма отрывочными, попавшими в свое время в иностранные источники, преимущественно византийские. Археологические материалы этого периода отличаются значительной полнотой. Исследователи нередко встречают остатки поселений, разоренных и сожженных неприятелем, что обеспечивает обычно сравнительно полную информацию о жизни древнего населения.

Значительно хуже исследованы жизнь и культура восточнославянских племен в более раннее время — в середине I тыс. н. э., — освещаемое лишь археологическими данными. По численности памятники, рисующие этот период восточнославянской истории, правда, лишь немногим уступают пунктам, где известны остатки культуры последующего времени. Но изучены они несравненно хуже, чем последние; точнее сказать, они только начали изучаться. Исследователей смущает то обстоятельство, что древности середины I тыс., во всяком случае многие из них, являются спорными в этническом отношении, время других точно не установлено. Особенной неопределенностью отличаются древности, расположенные в более северных областях — в верховьях бассейна Днепра и еще дальше на север и восток.

Наконец, что касается древностей еще более раннего времени — конца I тыс. до н. э. и начала новой эры, — то по отношению к ним среди исследователей-археологов пока что нет общего мнения. Можно говорить лишь о точке зрения, которой придерживается преобладающее число советских исследователей. Согласно ей, восточные славяне на рубеже новой эры представлены древностями зарубинецкой культуры, распространившейся на нашей территории в III—начале II в. до н. э. и просуществовавшей добрую половину тысячелетия. Памятники зарубинецких племен, известные в области Среднего Поднепровья с конца прошлого—начала нынешнего столетия, изучены довольно основательно главным образом за последние годы. Произведены раскопки нескольких поселений и могильников, исследованы жизнь и быт этих племен в разных областях, особенно на Украине. Но происхождение зарубинецких племен, истоки их культуры, их предшественники — все это в настоящее время составляет в значительной мере загадку.

Итак, чем древнее археологические данные, тем труднее определить, какие из них принадлежали древним славянам, тем труднее составить себе представление о их жизни и культуре. Мало того, на юго-западе европейской части нашей страны есть такая группа древностей, причем не особенно ранних, которая является

предметом ожесточенного спора среди исследователей вот уже три четверти столетия, начиная с первых открытий этих древностей в районе Киева. Речь идет об остатках поселений и могильниках черняховской культуры III—IV вв., которые, по мнению одних исследователей, принадлежали славянам, по мнению других — не имели к древним славянам никакого отношения. Несмотря на то что автор уже не раз касался вопроса о черняховской культуре, последовательно выступая противником «славянской точки зрения» на черняховские древности, в настоящей работе он еще раз обращается к этой теме, так как в среде советских исследователей еще существуют упорные защитники славянства черняховской культуры.[1]

Вопрос о черняховских древностях, — конечно, не единственная дискуссионная тема восточнославянской археологии. Ему не уступает по своей остроте вопрос о так называемых древностях антов — предметах убора и украшения третьей четверти I тыс., нередко составляющих клады или инвентари богатых захоронений. На «древности антов» претендует в трудах разных исследователей несколько древних народностей — не только славяне и тюрки-кутригуры, а также племена сарматского, т. е. западноиранского, происхождения. Лишь в последнее время «славянская точка зрения» на «древности антов» стала преобладать в отечественной археологии благодаря новым находкам таких древностей в характерных славянских комплексах.

Спорной является тема о волынцевских древностях Днепровского Левобережья. Если в настоящее время вопрос об их этнической принадлежности решен, по-видимому, в пользу славян (раньше было еще и другое мнение), то дискуссионной остается датировка этих древностей. Большинство исследователей рассматривают волынцевцев в качестве предшественников роменцев, а И. И. Ляпушкин — специалист по славянским древностям Днепровского Левобережья — считал, что волынцевцы и роменцы были синхроничными группировками.

Дискуссионен и вопрос о происхождении роменско-боршевской группировки VIII—X вв. Автор этих строк полагает, что она сформировалась на севере — в верховьях Оки и в прилегающей части Поднепровья, вобрав в свой состав местные балтийские элементы, и лишь позднее распространилась к югу и юго-востоку, видимо, не без участия киевских князей; тогда как киевские археологи настаивают на местном, левобережном, происхождении

[1] Как у всякого крупного ученого, взгляды П. Н. Третьякова на протяжении его творческого пути существенным образом менялись. В частности, это касается первоначального признания черняховских древностей славянскими (см.: *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. М.; Л., 1948, с. 54. — В этой работе написано: «Принимая во внимание возможные неточности в определении границ племен „полей погребений“ . . . следует признать, что область склавинов и антов полностью совпадала с границами племен „полей погребений“»), а затем последовательного отрицания их славянской принадлежности, может быть, за немногими исключениями, касающимися памятников в западных областях Украины. — *Прим. ред.*

указанной группировки, не объясняя специфических особенностей ее культуры.

Здесь перечислены спорные темы, относящиеся ко второй и третьей четвертям I тыс. н. э. Имеются дискуссионные вопросы, принадлежащие и к более раннему времени. Как указано выше, в известной мере спорной является вся проблематика зарубинецкой культуры.

Несмотря на то что в восточнославянской археологии еще далеко не все до конца выяснено, что существует ряд спорных тем, все же следует признать, что сделано немало. Об этом свидетельствует ряд публикаций, появившихся за последние 10—15 лет. Но эти публикации касаются лишь части вопросов восточнославянской археологии, главным образом ограниченной территориально группы древностей.[2]

Разумеется, ограниченность указанных исследований ни в какой мере нельзя ставить в упрек их авторам. Она вполне закономерна, отражая определенный этап первичного накопления и изучения фактических данных, что возможно осуществить лишь коллективными усилиями большой группы исследователей-археологов.

Но хотелось бы попытаться нарисовать и общую картину, чтобы получить освещение если не всех, то во всяком случае основных тем далекого восточнославянского прошлого. Настоящая работа — попытка создать именно такую картину. Это отнюдь не обобщение всего восточнославянского археологического материала, не итог, а лишь несколько предварительных соображений по данному вопросу.

[2] *Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом. — САИ, 1973, вып. Е1-25; *Баран В. Д.* Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ, 1972; *Рафалович И. А.* Славяне VI—IX вв. в Молдавии. Кишинев, 1972; *Приходнюк О. М.* Слов'яни на Поділлі. Київ, 1975; *Сухобоков О. В.* Славяне Днепровского Левобережья. Киев, 1975; *Сміленко А. Т.* Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II—XIII ст.). Київ, 1975. — Итоги работ П. И. Хавлюка, Д. Т. Березовца, В. П. Петрова, Л. Д. Поболя, П. Н. Третьякова, Э. А. Сымоновича, Е. В. Максимова, Е. А. Шмидта и других ограничены не только территориально, но и хронологически; см.: *Хавлюк П. И.* 1) Славянские поселения VIII—начала IX в. на Южном Буге. — АСГЭ, 1962, вып. 4, с. 116—126; 2) Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга. — МИА, 1963, № 108, с. 320—350; 3) Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга. — РВД, 1974, с. 181—215; *Березовец Д. Т.* Поселения уличей на р. Тясмине. — МИА, 1963, № 108, с. 145—208; *Петров В. П.* Стецовка, поселение третьей четверти I тыс. н. э. — Там же, с. 209—233.

ЗАТЯНУВШАЯСЯ ДИСКУССИЯ

I

Спустя три четверти века, прошедшие со времени открытия В. В. Хвойкой в области Киевского Приднепровья зарубинецких и черняховских древностей, дискуссия по поводу их этнической и исторической атрибуции все еще продолжается.[1] Понятно, что ее содержание не могло оставаться неизменным. С годами во много раз увеличился объем фактических данных; оказалось, что зарубинецкие и черняховские древности — остатки поселений и могильники — распространены не только на Киевщине, как представлялось вначале, но и на значительно более широкой территории (рис. 1). Уточнена хронология этих древностей; в Поднепровье, на Южном Буге и в бассейне Днестра обнаружились новые, неизвестные ранее группы археологических памятников I тыс. н. э.; изменились многие оценки. Но наиболее «горячая точка» дискуссии осталась прежней. Спор идет о том, оставлены ли зарубинецкие и черняховские древности раннеславянским населением, могут ли служить их археологические памятники источником изучения культуры древних славян, или же зарубинецкие и черняховские древности либо одни из них следует исключить из славянской тематики. Предметом дискуссии являются, таким образом, археологические источники о древних славянах на Восточно-Европейской равнине, а вместе с тем — пути исторической жизни и развитие культуры этих племен в период, предшествовавший возникновению Древнерусского государства.

Первоначально, на рубеже 20—30-х гг., мною разделялись старые, традиционные в отечественной науке взгляды на зарубинецкие и черняховские древности, восходящие к представлениям В. В. Хвойки. Казалось вполне естественным, что в конце I тыс. до н. э. и в начале новой эры, в период, когда латенское (кельтское) влияние в той или иной мере отражалось на культуре населения почти всех областей Средней Европы, в среде восточных ранне-

[1] *Хвойка В. В.* 1) Поля погребений в Среднем Приднепровье. — ЗРАО, 1901, вып. 12; 2) Древние обитатели Среднего Поднепровья. Киев, 1913; *Reinecke P.* Gräberfelder vom Ende der Latenzeit und aus der jungeren Keiserzeit im Gouv. Kiev. — Meinzer Zeitschrift, 1906, S. 43—56; Проблемы изучения черняховской культуры. — КСИА, 1970, вып. 121. — *Прим. ред.*

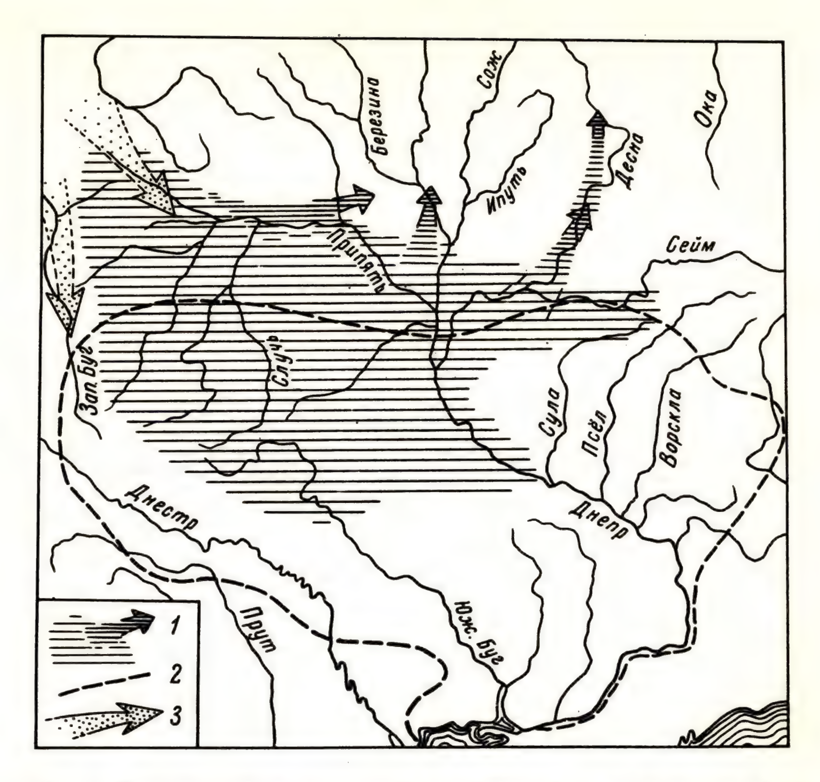

Рис. 1. Распространение древностей зарубинецкой (*1*) и черняховской (*2*) культур, движение готов (*3*).

славянских группировок сложилась зарубинецкая культура с достаточно отчетливой латенской окраской. Латенское влияние проявилось в разнообразии форм глиняной посуды, в ее разделении на кухонную и столовую, в распространении лощеной керамики и, наконец, фибул — предметов убора, свидетельствующих об определенном типе одежды. Культура последующего, черняховского времени — второй четверти I тыс. н. э. — распространилась в среде этих племен вследствие тесных контактов с римской периферией, особенно усилившихся после завоевания Дакии Траяном.

Но позднее выяснилось, что точка зрения В. В. Хвойки нуждается в существенных коррективах. Оказалось, что генетическая преемственность зарубинецкой и черняховской культур, из которой исходили прежде, является ложной, что это древности, оставленные несомненно чуждым друг другу населением. Не было найдено ни одного поселения или могильника, содержащего как зарубинецкие, так и черняховские остатки, свидетельствующего, что они принадлежали разным периодам в жизни одного и того же населения. Не обнаружено никаких доказательств перерастания заруби-

нецкой культуры в черняховскую. На этом основании А. А. Спицын, первоначально поддерживающий В. В. Хвойку, еще в конце 20-х гг. решительно отделил друг от друга зарубинецкие и черняховские древности. Первые он отнес к скифскому миру, а вторые по-прежнему считал раннеславянскими исходя, в частности, из достаточно широкой территории их распространения, протянувшейся от Северского Донца на востоке до Заднестровья на западе. «Естественнее всего предполагать, — писал исследователь, — что это были славяне».[2] Данная точка зрения на черняховские древности надолго утвердилась в науке.

Правда, оставалось совершенно неясным следующее звено — древности третьей четверти I тыс., которые должны были связать культуру черняховского времени с древнерусской. Но в первой половине нашего столетия в археологических данных оставалось еще так много глубоких лакун, и хронологических и территориальных, так много высказывалось всякого рода домыслов, служивших для их заполнения, что четырехвековая лакуна, отделявшая черняховское время от древнерусского, не представлялась чем-то особенно исключительным и серьезным. К тому же не прекращались попытки ее заполнения, предпринимающиеся как «снизу» путем поисков среди черняховских древностей материалов третьей четверти I тыс., так и «сверху», когда роменско-боршевские городища Днепровского Левобережья рассматривались как характерные для всей старой восточнославянской территории и датировались не только концом VIII—X в., что подтверждается находками восточных монет и другими определяющими материалами, но и бездоказательно — несколькими предыдущими столетиями.

Лишь в конце 40—50-х гг. вопрос об археологических памятниках «темного периода», отделявшего на юго-западе европейской части СССР черняховское время от древнерусского, сдвинулся с мертвой точки. В Среднем Поднепровье, на берегах Южного Буга и в поречье Днестра были обнаружены многочисленные остатки поселений, относящиеся к середине и второй половине I тыс. и принадлежавшие, судя по всем данным, к раннесредневековой славянской культуре. Нужно сказать, что впервые они были найдены еще давно — на рубеже и в начале нашего века. Здесь имеются в виду материалы Е. Р. Романова из Могилевской области, находки С. С. Гамченко, сделанные у с. Корчак на Житомирщине, и нек. др.[3] Но эти находки не получили в то время правильной датировки и оценки и, по существу, оставались за бортом науки. Теперь же такие древности были выявлены в большом числе во многих местах и уже не могли оставаться незамеченными. Отнесение их к раннесредневековой славянской культуре у боль-

[2] *Спицын А. А.* Поля погребальных урн. — СА, 1948, т. 10, с. 53—70.

[3] *Романов Е. Р.* Археологический очерк Гомельского уезда Могилевской губ. Вильно, 1910, с. 18—21; *Петров В. П.* Памятники корчакского типа. — МИА, 1963, № 108, с. 16—38.

шинства исследователей не вызвало сомнений. В основных чертах они аналогичны синхроничным славянским древностям, ставшим известными с конца 30-х гг. в пределах западных старославянских земель — в Польше, Чехословакии и восточных областях Германии. Именно с представленной ими культурой славяне в VI—VII вв. пришли на Дунай и в задунайские земли. Несомненно, наконец, и то, что эти древности в пределах нашей территории являлись остатками культуры, бывшей прямой и непосредственной предшественницей культуры древнерусского времени; многие ее элементы без существенных изменений вошли в жизнь и быт населения Древней Руси.

В среде советских археологов в последнее время была сделана, кажется, лишь единственная попытка поставить под сомнение славянскую принадлежность древностей третьей четверти I тыс., причем речь шла не о всей их массе, а лишь о древностях более ранней группы. Здесь имеется в виду мнение М. И. Артамонова, пытавшегося отнести памятники VI—начала VII в. не к славянской, а к тюркской (болгарско-кутригурской) культуре. Но накопление фактических данных скоро отвергло это мнение; не было никаких оснований выделять более ранние древности в особую культуру, принадлежавшую якобы совсем чуждому славянам населению. Ошибочной оказалась также мысль о локализации этих ранних древностей лишь в более восточных областях — в Среднем Поднепровье (пеньковский тип). Выяснилось, что они характерны для Поднепровья, Побужья и еще более западных областей, в частности для территории Молдавии, где составляют, как и в других местах, наиболее ранний пласт восточнославянских раннесредневековых древностей.[4]

В 50-е—начале 70-х гг. число выявленных в пределах нашей страны славянских древностей второй половины I тыс. непрерывно возрастало, и вскоре они превратились едва ли не в самую многочисленную группу археологических памятников лесостепного Поднепровья, Верхнего Побужья, Поднестровья и Заднестровья, насчитывающую многие сотни пунктов.

Древности эти представляют собой остатки небольших поселений, расположенных преимущественно невысоко, недалеко от воды. Они не имеют никаких оборонительных сооружений — валов и рвов. В пределах поселений обнаруживаются основания небольших, квадратных в плане жилищ, углубленных в землю, хозяйственные ямы, обломки грубой лепной керамики, железные и костяные орудия труда и другие изделия, а также кухонные отбросы в виде костей животных, преимущественно домашних. В некоторых местах удалось исследовать бескурганные могильники, относящиеся к этой же культуре. Во всех случаях погребения

[4] *Артамонов М. И.* Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья. — Докл. Геогр. о-ва СССР, 1970, вып. 15, с. 123—128; *Третьяков П. Н.* Что такое «пастырская культура»? — СА, 1971, № 4, с. 102—113; *Рафалович И. А.* Славяне VI—IX вв. в Молдавии. Кишинев, 1972, с. 135, и др.

были совершены по обряду трупосожжения; результаты кремации нередко помещались в урны.[5]

В ряде пунктов на поселениях и в могильниках были найдены бронзовые украшения VI—начала VIII в. типа «древностей антов», что в положительном смысле решало вопрос об отношении к восточнославянской культуре многочисленных случайных находок таких вещей, нередко составляющих богатые клады. Они давно служили среди археологов предметом дискуссии. «Древностями антов» их назвал в 1928 г. А. А. Спицын. Но их относили и к кочевническим культурам — сармато-аланской или тюркской. В 1958 г. Б. А. Рыбаков назвал их «древностями русов», полагая, что русами именовалась мощная славянская группировка, обитавшая в Среднем Поднепровье и составлявшая в свое время основное ядро формирующейся Руси.[6]

II

Дальнейшее накопление материала позволило рассмотреть восточнославянскую культуру середины и второй половины I тыс. н. э. в динамике, обрисовать более ранние и более поздние ее фазы, а также поставить вопрос о ее локальных вариантах. Словом, археология получила широкие возможности изучения культуры восточных славян второй половины I тыс. н. э. и вместе с тем приобрела надежный трамплин для поисков и ретроспективного рассмотрения славянских древностей более раннего времени.

И здесь выяснилось чрезвычайно важное и для многих неожиданное обстоятельство. Дело в том, что культура восточнославянских племен третьей четверти I тыс. н. э. и последующего времени оказалась совсем непохожей на черняховскую, предшествующую ей на обширных пространствах Среднего Поднепровья, Побужья и Поднестровья. Новая культура отнюдь не связывала с черняховской культуру древнерусского времени, чего ожидали исследователи.[7]

Черняховская культура, как известно, имела характерные черты северной римской периферии, в более раннее время испытавшей на себе сильное латенское влияние. Тому и другому — латенским традициям и результатам связей с римским миром — соответствовал сравнительно высокий для своего времени уровень производства, культуры и общественных отношений. Плужное

[5] Им был присущ не только обряд трупосожжения, что подтверждают археологические разыскания В. В. Седова. — *Прим. ред.*

[6] *Спицын А. А.* Древности антов. — Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности АН СССР, 1928, т. 101, с. 292—495; *Рыбаков Б. А.* Древние русы. — СА, 1953, т. 17.

[7] Как теперь известно, раннесредневековые славянские памятники имели свою специфику в различных названных областях, и первоначальное представление об их полной повсеместной несвязанности с черняховскими древностями оказалось ошибочным. — *Прим. ред.*

земледелие и развитое скотоводство, ремесленный характер культуры и широкие рыночные связи, важным элементом которых была римская монета, наконец, начало распространения письменности на основе греческого и латинского алфавитов — такова картина черняховского мира. Основой общественной структуры служило, очевидно, территориально-общинное устройство с заметными элементами рабовладения.

Совсем другой характер имела раннесредневековая славянская культура, носители которой, очевидно, никогда не были столь тесно связаны с миром античных цивилизаций. Если их сельскохозяйственное производство, быть может, лишь немногим уступало черняховскому, то все другие отрасли экономики — металлургия и металлообработка, гончарство, обработка кости и др. — отличались значительной примитивностью, не выходя за рамки элементарного по приемам домашнего ремесла.[8] Хозяйство сохраняло натуральный характер. Торговля не затрагивала основ экономики. Если обитатели черняховских поселений приобретали на рынке отличную посуду, выточенную на гончарном круге, то славяне второй половины I тыс. н. э. изготовляли посуду ручным способом в домашних условиях. Лишь в VII в. у них появились первые признаки обособления металлургического дела. Общественные порядки в начале третьей четверти I тыс. характеризовались патриархально-родовыми отношениями: люди жили нередко большими семьями-общинами, ведущими нераздельное хозяйство. Только к исходу третьей четверти I тыс. старые порядки уступили место новым. Господствующее положение в обществе приобрели индивидуальные семьи, входившие в состав территориальных сельских общин. Заметных следов рабовладения в славянской среде не ощущалось.

Словом, черняховское население и раннесредневековые славяне были племенами совершенно различной исторической судьбы, жизнь которых протекала в неодинаковых условиях, в частности в разных отношениях к римскому миру. Несомненно, что черняховские племена не являлись предками раннесредневековых восточных славян. На мой взгляд, распространение в третьей четверти I тыс. между Днестром и восточными пределами Среднего и отчасти Нижнего Поднепровья совершенно новой культуры можно объяснить лишь появлением на этой территории больших масс нового населения со стороны.[9]

[8] См.: *Довженок В. И.* Черняховская культура в истории населения Среднего Поднепровья. — КСИА, 1970, вып. 121, с. 39—43. — В этой работе произведено сравнение уровней развития черняховского и раннесредневекового ремесел. — *Прим. ред.*

[9] **Предпочтение, отдаваемое автором книги миграционной точке зрения, касающейся привноса черняховской культуры извне, выдвинутой буржуазной немецкой наукой во времена первой и второй мировых войн, не соответствует накопленным археологическим фактам, показавшим оседлый характер мирных земледельцев и скотоводов, оставивших местную по происхождению черняховскую культуру. — *Прим. ред.***

Но имеются у археологов и другие мнения об отношении славянского населения второй половины I тыс. к предшествующему ему — черняховскому. В большинстве случаев эти мнения отражают стремление исследователей во что бы то ни стало сохранить старую концепцию о черняховцах как славянах, восходящую к взглядам В. В. Хвойки.

По мысли одних археологов, высказанной в 60-х гг., новая культура была свойственна якобы не всем, а лишь окраинным, более отсталым, восточнославянским группировкам — северным и восточным, тогда как «генеральным путем» развития восточнославянской жизни был якобы черняховский путь. Однако скоро выяснилось, что вновь открытая материальная культура второй половины I тыс. была распространена отнюдь не по окраинам, а повсюду в Среднем Поднепровье, Верхнем Побужье и бассейне Днестра. Следов какой-либо другой культуры этого времени, которая сохраняла бы черняховские традиции и претендовала бы на славянскую атрибуцию, между восточными пределами Поднепровья и поречьем Днестра и Прута не обнаружено.

Большой популярностью пользуются среди советских исследователей, преимущественно украинских, попытки так или иначе отыскать в черняховской и последующей культурах какие-либо связующие их звенья, позволяющие рассматривать эти культуры как относящиеся к двум последовательным этапам в жизни одного и того же населения. Смена одной культуры другой рассматривается при этом как частный случай той общей варваризации, которая охватила население Европы после крушения Римской империи в обстановке «великого переселения народов».

Одним из первых с такой точкой зрения в середине 60-х гг. выступил украинский исследователь В. П. Петров. Он писал, что «кризис, имевший место на рубеже позднеантичного времени и раннего средневековья, охватил не только территории, входившие в состав Римского государства, но и сказался на всех смежных областях за линией римского лимеса».[10] Этим автор объяснил исчезновение черняховской культуры и появление на ее месте новой, созданной якобы тем же самым населением, культуры, по ряду показателей более примитивной.

Мне уже приходилось писать о том, что изображенная В. П. Петровым и его единомышленниками картина скоротечного преобразования черняховской культуры в славянскую третьей четверти I тыс. н. э. нереальна.[11] Варваризация культуры европейского населения на рубеже римского времени и раннего средневековья, о которой здесь идет речь, была результатом двух тесно связанных между собой обстоятельств, неодинаково проявивших себя в различных областях Европы. Первое из них — социально-

[10] *Петров В. П.* Про зміну археологічних культур на территорії УРСР ў V ст. н. э. — Археологія, 1965, т. 18, с. 11—12.

[11] *Третьяков П. Н.* У истоков древнерусской народности. — МИА, 1970, № 179, с. 94—96.

экономический кризис рабовладельческого строя в Средиземноморье и Причерноморье. В местностях, лежащих севернее, к которым принадлежала и черняховская территория, в это время ослабли экономические связи с югом, откуда прекратился приток монеты, металлических, стеклянных и других изделий, особенно предметов роскоши.

Но могло ли все это привести к появлению в течение жизни двух-трех поколений совершенно новой культуры: к исчезновению керамики, изготовленной на гончарном круге, к коренному изменению форм и ассортимента глиняной посуды, к значительному сокращению торговли, к изменениям в погребальной обрядности, к изменению такого традиционного элемента культуры, как жилища, к переносу поселений на новые места?

Очевидно, что к таким коренным переменам в черняховской среде кризис рабовладельческого строя привести не мог. В результате связанных с ним преобразований культура могла значительно огрубеть, упроститься, но она сохранила бы свои основные черты, особенно в таких элементах, как облик и размеры поселений, формы домостроительства, приемы изготовления и типы глиняной посуды, господствующая погребальная обрядность и др.

Но было другое обстоятельство, сыгравшее большую роль в варваризации европейских племен, — «великое переселение» с севера на юг и с востока на запад больших масс варварского населения, которое совершалось отнюдь не в мирных условиях, а сопровождалось опустошением целых областей, разорением селений и городов. При этом существенно перекраивалась и этническая карта Европы. Черняховская территория являлась тогда одним из самых «горячих мест», где действовали не столько закономерные процессы — отголоски кризиса античности, — сколько факторы «великого переселения народов».[12]

Если бы славяне третьей четверти I тыс. были прямыми потомками черняховского населения, в их культуре неизбежно сохранились бы многие присущие ему особенности. Археология неизбежно зафиксировала бы факт перерастания старой культуры в новую, даже в том случае, если бы оно было очень скоротечным. Но ничего подобного обнаружить не удается. Нет никаких следов смены одной культуры другой; в культуре третьей четверти I тыс. не обнаруживается никаких пережитков черняховского времени. А их искали не раз, обращаясь в первую очередь к «домашним» элементам культуры, не связанным в черняховское время с ремеслом и рынком. Так, сравнивались друг с другом сделанные от руки глиняные сосуды простейших форм — черняховские и раннесред-

[12] Объяснение автором книги эволюции и перерождения местной черняховской культуры только за счет внешних факторов грешит искусственностью. Действительно, ни влияние позднеантичной цивилизации, ни тем более факторы «великого переселения народов» без анализа внутренних социально-экономических процессов развития черняховского общества не позволили П. Н. Третьякову понять диалектическую трансформацию и процесс врастания и вклада черняховских племен в формирование восточнославянских древностей VI—VII вв. — *Прим. ред.*

невековые славянские; указывалось, что кое-где в черняховское время одной из форм жилища были землянки — якобы предшественницы раннесредневековых жилищ, углубленных в землю; отмечалось, что языческий славянский погребальный обряд — трупосожжение — встречался и у черняховцев. Но во всех случаях сравнения эти приводили к весьма сомнительным результатам, они лишь порождали среди специалистов новые споры.

Кроме того, как мы увидим ниже, черты сходства с раннесредневековой славянской культурой, например в грубой лепной посуде, были присущи лишь некоторым группировкам, обитавшим в III—IV вв. главным образом в пределах северных окраин черняховского ареала. Их культура существенно отличалась от классической черняховской. В эти места проникали лишь отдельные черняховские элементы, делая культуру получерняховской.

Судя по материалам археологического совещания, посвященного черняховской тематике, состоявшегося во Львове в декабре 1967 г.,[13] и по ряду публикаций последних лет, дискуссия по поводу этнической атрибуции черняховских древностей все еще не утихает. Защитниками традиционных взглядов выступают главным образом некоторые украинские археологи, в частности В. И. Довженок [14] и Е. В. Махно. Их верным союзником является москвич Э. А. Сымонович.[15] Противоположных взглядов на совещании придерживался Д. Т. Березовец, но вопрос о том, кем же были черняховцы, он оставлял открытым, склоняясь, по-видимому, к мысли о полиэтничности носителей черняховской культуры.[16]

III

Мысль о полиэтничности черняховского населения, которую, судя по последним публикациям, поддерживают сейчас многие археологи, советские и зарубежные, представляется весьма перспективной. Но прежде чем к ней обратиться, необходимо сказать хотя бы несколько слов еще об одной точке зрения на черняховские древности, противостоящей взглядам В. В. Хвойки с момента первых раскопок на Черняховском могильнике. Речь идет о попытках некоторых немецких археологов начала нашего века видеть в черняховском населении германские племена, а именно готов, пребывание которых в Северо-Западном Причерноморье в III—IV вв. зафиксировано исторически.

В начале нашего века, когда информация о черняховских древностях была крайне неполной, эта точка зрения на черняхов-

[13] Проблемы изучения черняховской культуры, с. 113.

[14] *Довженок В. И.* Черняховская культура ..., с. 39—43.

[15] *Сымонович Э. А.* Племена Поднепровья в первой половине I тыс. н. э. Автореф. докт. дис. М., 1971.

[16] *Березовец Д. Т.* Черняховская культура и культура славянских племен VI—VIII вв. — КСИА, 1970, вып. 121, с. 15—17.

ское население представлялась весьма вероятной, во всяком случае не менее вероятной, чем славянская гипотеза В. В. Хвойки. По Иордану, готы пришли в Причерноморье со своей прибалтийской родины примерно тогда, когда появилась черняховская культура. Временем их пребывания в Причерноморье, как и временем черняховской археологической культуры, были III—IV вв. На исходе IV в. готские варварские государства в Причерноморье рухнули под ударами гуннов, и тогда же, согласно данным археологии, прекратилась история черняховских племен. Казалось вполне допустимым, что черняховские древности оставлены готами. Но вскоре появилось одно обстоятельство, которое свидетельствовало против этого, на первый взгляд как будто бы очевидного, тезиса. Чем больше накапливалось материала по черняховским древностям, тем становилось яснее, что это было весьма многочисленное население, занимавшее огромную территорию, в два-три раза превышающую область, которая могла принадлежать готам исходя из сведений исторических источников. Именно на этом основании А. А. Спицын в конце 20-х гг. считал черняховское население не готским, а славянским.[17]

Вопрос о готах в Причерноморье в отечественной археологической литературе долгое время оставался открытым. Оставалось неясным, какие именно древности могли им принадлежать в разные периоды их жизни в этой области. В известной мере данный вопрос разрешился лишь в 50-е гг., когда в верховьях бассейна Припяти, в смежных областях Поднестровья и поречья Западного Буга были выявлены неизвестные ранее могильники II—IV вв., где были захоронены сожженные останки людей, культура которых, судя по погребальному инвентарю, была совсем непохожей на местную. По всем основным признакам (по предметам убора и украшения, керамике, сохранившимся при погребениях) они оказались очень близкими синхроничным древностям польского Поморья, определяемым археологами как готские (готско-гепидские). Известно также, что такие могильники тонкой цепочкой тянутся в Польше вдоль берегов Вислы и Западного Буга по пути движения готов из Прибалтики к югу. Таким образом, не приходится сомневаться, что могильники, обнаруженные на нашей территории в 50-х гг., принадлежали германцам-готам.[18]

[17] *Спицын А. А.* Поля погребальных урн, с 53—72.

Этот существенный факт подчеркивается и в работах ряда современных археологов (*Бибиков С. Н.* К 50-летию археологической науки на Украине. — СА, 1967, № 3, с. 65. — Говорится приблизительно о 2000 памятниках черняховской культуры, известных к моменту написания статьи. См. также: *Баран В. Д., Максимов Є. В.* Досягнення і проблеми раннєслов'янської археології в УРСР. — Археологія, 1978, т. 26, с. 68. — Здесь сообщается уже о 2500 черняховских пунктах). — *Прим. ред.*

[18] *Смішко М. Ю., Свешников И. К.* Могильник III—IV століть н. е. у с. Дитиничи Ровенської области. — МДАПВ, 1961, вип. 3, с. 89—114; *Кухаренко Ю. В.* Могильник Брест-Тришин. — КСИА, 1965, вып. 100, с. 97—101; *Kuharenko J. V.* Le probléme de la zivilisation «gotho-gépide» en Polésie et en Volhynie. — Acta Baltico-Slavica, 1967, vol. 5.

Оставалось непонятным лишь то, почему древности готов на нашей территории локализуются в северо-западной части Украины, тогда как, согласно историческим данным, им следовало находиться много южнее, главным образом в областях, примыкающих к Черному морю. Было неясно, является ли это обстоятельство пробелом в наших знаниях, или оно вызвано какими-либо другими причинами?

Ответ на этот вопрос дают, по-видимому, древности черняховского времени из Западной Волыни, представляющие собой довольно пеструю группу. Они оставлены как древним местным населением, так и пришлыми германскими племенами, причем не только готами, но, вероятно, и выходцами из других, более западных, германских земель. Последним принадлежало, как полагают, поселение Лепесовка, в материалах которого видны не столько готско-гепидские, сколько древние западногерманские черты культуры.[19] И самое главное, о чем свидетельствуют волынские древности, — о представленном ими процессе культурной интеграции. Двигавшиеся к югу германские группировки еще на территории Волыни мало-помалу теряли свои старые культурные особенности и внешне становились черняховцами. Такими они, очевидно, и пришли в Причерноморье.

Итак, вопрос о германцах-готах приводит нас к необходимости признать полиэтничность черняховского населения, то, что одним из его слагаемых являлись германцы-готы, которые не могли занимать всю огромную черняховскую территорию.

Северное Причерноморье издавна являлось местом обитания различных племен, многие из которых были близки к тому этапу развития общества, когда складываются классовые отношения. В одной из своих работ я охарактеризовал черняховское население как «несложившуюся народность», процесс консолидации которой из разноэтничных элементов был прерван на самых начальных его стадиях вторжением гуннов.[20] Думаю, что такая точка зрения ближе всего к действительности. И это отнюдь не попытка своего рода компромисса, стремления примирить различные взгляды на черняховское население, а мысль, основанная на совокупности фактических данных, исторических и археологических.

Как известно, население Поднепровья, Днепро-Днестровского междуречья и Поднестровья на рубеже и в начале новой эры было весьма пестрым. На Нижнем Днепре это были потомки скифских (скифо-сарматских) племен и выходцы из причерноморских городов; остатки их жизни — большие городища с развалинами каменных строений. В области нижнего течения Днестра обитало племя бастарнов. С ним некоторые археологи связывают древности типа Поянешти—Лукашовка. Сюда же проникли кельты; еще в середине I в. до н. э. они разорили Ольвию. Выше по поречью Днестра

[19] *Тиханова М. А.* Еще раз к вопросу о происхождении черняховской культуры. — КСИА, 1970, вып. 121, с. 89—94.

[20] *Третьяков П. Н.* У истоков древнерусской народности, с. 43 сл.

жили фракийские племена, оставившие после себя древности липецкой культуры; в более северных районах (Поднепровье, Побужье и Поднестровье) — зарубинецкие племена, известные нам лишь по археологическим данным, речь о которых не раз пойдет ниже. Иными словами, будущая черняховская территория в начале новой эры являлась местом обитания ряда различных племен. Картина будет еще более пестрой, если перечислить все племена, названные здесь по именам авторами первых веков новой эры. Население, жившее в южной части этой территории, было тесно связано с Причерноморьем, вело оживленную для своего времени торговлю. Некоторые контакты с югом поддерживали и более северные группировки, в частности зарубинецкие. Все эти племена подвергались неоднократным набегам со стороны кочевников (различные сарматские группировки), во время которых нередко разрушались селения, опустошались отдельные местности, но жизнь отнюдь не замирала.

Как же можно допустить, что в черняховское время, с конца II или начала III в., население Нижнего и Среднего Поднепровья, Побужья и Поднестровья представляло собой одноэтничный массив? Куда же делись многочисленные племена, жившие здесь ранее, издавна связанные с Причерноморьем и стоявшие на относительно высокой для своего времени ступени исторического и культурного развития?

Все эти многочисленные племена, очевидно, стремительно исчезнуть не могли. Факты убедительно свидетельствуют против представлений об одноэтничности черняховского населения. Черняховские древности были оставлены различными племенами — исконным и пришлым (германским) населением обширной области, примыкающей к Северному Причерноморью.[21]

Но как же объяснить в таком случае факт значительной однородности черняховских древностей, прежде всего керамики, на всей широкой территории их распространения, что является основным аргументом в руках защитников мысли об одноэтничности черняховского населения.[22]

Дело в том, что черняховская культура существенно отличалась от многих других древних культур восточноевропейского юга, имевших ясно выраженную этническую специфику. Большинство основных элементов черняховской культуры — явление отнюдь не этническое, не самобытное, а конкретно-историческое — закономерный результат длительного развития различных

[21] Имеется другая точка зрения, отстаиваемая М. Ю. Брайчевским, о неизбежности альтернативного решения о славянском или германском (гото-гепидском) основном этническом комплексе черняховских племен лесостепи (см.: *Брайчевський М. Ю.* Рец. на кн.: Проблемы изучения черняховской культуры (КСИА, 1970, вып. 121). — Археологія, 1971, т. 3, с. 99—100). — *Прим. ред.*

[22] Единство памятников черняховской культуры прежде всего доказывают общие особенности обряда погребения и направление его эволюции, что не объяснить римским влиянием (см.: *Сымонович Э. А.* Об единстве и различиях памятников черняховской культуры. — СА, 1959, т. 29—30, с. 84—107). — *Прим. ред.*

племен в условиях периферии позднеантичного Причерноморья. В таких условиях этнические особенности культуры этих племен были в значительной степени утрачены. Аналогичные явления наблюдались в III—IV вв. среди жителей центральных областей Европы — соседей северных провинций Рима. И здесь, как и в Причерноморье, культура характеризовалась прежде всего тем, что была создана усилиями ремесленников, представляла собой продукт развитого ремесла, труда гончаров, ювелиров, кузнецов и других профессионалов, реализующих свою продукцию на рынке. Эта культура была результатом развитой торговли, как внутренней, так и с провинциями Рима, давно перешагнувшей старые этнические рамки и границы отдельных племен. Политическая обстановка того времени и уровень социального развития способствовали нарушению племенных границ и особенностей, интегрируя разные группы населения. Об этом имеются, как известно, прямые свидетельства современников.

Признание полиэтничности черняховского населения отнюдь не является окончательным решением вопроса об его этнической природе. Слагаемые черняховского населения и роль каждого из них в жизни нашего юга в III—IV вв. еще предстоит выяснить. Ниже, в частности, речь пойдет о том, можно ли искать в черняховской среде какие-либо славянские элементы и какое место у черняховцев они занимали. Перед археологией стоит задача этнической дифференциации черняховских древностей. Задача эта очень сложная и трудоемкая, но отнюдь не безнадежная. Помимо того, что приобреталось в свое время черняховцами на рынке, среди элементов их культуры было немало и таких, которые находились вне рыночной сферы и должны были отражать этническую специфику. Подобные особенности следует искать в характере и планировке поселений, в таком этнически устойчивом элементе культуры, как жилища и хозяйственные постройки, лепная керамика, характерная для некоторых черняховских группировок. Наконец, этнические особенности, возможно, обнаружатся в деталях погребальной обрядности и т. д. Нельзя сказать, что эти элементы черняховской культуры совсем не интересовали археологов. Но к ним обращались, по сути дела, лишь с одной целью — открыть в черняховской культуре какие-либо связи со славянской культурой третьей четверти I тыс. н. э., а не для изучения этнических слагаемых черняховцев. Такая же задача в последние годы серьезно никем из археологов не ставилась. Для ее успешного решения требуется большая дополнительная информация, извлеченная главным образом из исследований остатков поселений. А их проводилось, к сожалению, еще недостаточно, во всяком случае значительно меньше, чем раскопок черняховских могильников, которые дают, однако, совсем мало надежных сведений о «домашних», местных элементах культуры.

И последний вопрос — какова же была дальнейшая судьба носителей черняховской культуры, куда делось многочисленное черняховское население на исходе IV или в самом начале V в.

По моему мнению, правы исследователи, связывающие крушение жизни черняховцев с нашествием гуннов, разрушительные последствия которого, по-видимому, не уступали по своим масштабам разорению Руси во время монголо-татарского вторжения в XIII в. По свидетельствам современников и археологическим данным, готы и другие связанные с ними элементы на исходе IV и в начале V в., спасаясь от гуннов, ушли на запад. Часть их впоследствии достигла Пиренейского полуострова. Часть готов переселилась в Крым под защиту гор, труднодоступных для кочевников. Какая-то часть черняховского населения пала, очевидно, жертвой гуннов. Здесь, на главном пути «великого переселения народов», крах черняховцев и их культуры был совершенно неизбежным.

Заселение бывшей черняховской области славянами произошло, вероятно, не сразу после событий, связанных с вторжением гуннов, а спустя несколько десятилетий. Об этом свидетельствует отсутствие каких-либо непосредственных контактов между черняховцами и переселенцами-славянами. Очень редко славянские поселения устраивались на местах старых черняховских селищ. Когда славяне пришли в южные местности, там уже не было, по-видимому, никаких существенных остатков старого черняховского населения.[23]

IV

После того как основные сомнения по поводу славянских древностей второй половины I тыс. и их отношения к черняховской культуре были преодолены и для большинства исследователей стало очевидным, что восточнославянская раннесредневековая культура сложилась отнюдь не на черняховском основании, естественно, встал вопрос о подлинных древностях ранних славян. Предстояло выяснить, где же лежали истоки раннесредневековой культуры восточных славян, где обитали ее создатели и носители вплоть до середины и третьей четверти I тыс.

По мнению некоторых исследователей, исключавших черняховские древности из славянской тематики, памятники славянской культуры третьей четверти I тыс. будто бы подтверждали мысль славистов конца XIX—начала XX в. о приходе славян на территорию нашей страны с Запада лишь накануне средневековья. В ка-

[23] Точка зрения П. Н. Третьякова, предполагавшего заселение славянами основных современных областей Украины и Молдавии только после гуннского нашествия конца IV—середины V в., т. е. начиная с V—VI вв., не выдержала испытания временем. Еще зарубинецкие славянские древности в первые века новой эры проникали на юг Украины, в области позднескифской культуры. Им наследует черняховское население, очевидно связанное генетически с зарубинецкими племенами. И в последующие периоды славянские поселения продолжают существовать в Поднепровье, несмотря на распространение кочевых народов (см.: *Сміленко А. Т.* Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II—XIII ст.). Київ, 1975). — *Прим. ред.*

честве древней славянской земли называли при этом чаще всего поречье Вислы или Северное Прикарпатье либо, наконец, следуя за древнерусским летописцем, — берега Дуная.[24] Дискуссия о древней славянской земле — родине всех славян — все еще продолжается. В ней участвуют представители различных дисциплин, прежде всего филологи, историки и археологи. Так, еще в 60-х гг. советский археолог И. И. Ляпушкин полагал, что вплоть до третьей четверти I тыс. н. э. славянские племена обитали за западными пределами нашей страны. В VI—VII вв. в ходе своего расселения с запада на восток они проникли сначала в Поднестровье, затем продвинулись на восток вплоть до Днепра, а области Днепровского Левобережья, где Ляпушкин много лет вел исследования, стали осваиваться ими якобы не раньше VIII в. Роменско-боршевские городища VIII—X вв. Ляпушкин считал древнейшими славянскими памятниками в Левобережье.[25] Это мнение разделял в последние годы, по-видимому, М. И. Артамонов с той лишь разницей, что время славянского расселения по Восточной Европе он сдвигал на более поздний срок, «отдавая» славянские древности VI—начала VII в. болгарам-кутригурам, речь о чем уже шла выше.

Двойственную и весьма неопределенную позицию относительно происхождения славянских группировок, заселивших Поднепровье, Побужье и Поднестровье, занимает до сих пор В. В. Седов. В одних местах на страницах его книги читаем, что славяне появились в пределах Восточной Европы в VI в., может быть лишь несколько раньше, придя сюда из Средней Европы. В другом месте допускается, что они жили в пределах нашей территории с более раннего времени. Их археологическими памятниками в этом случае признаются, видимо, черняховские древности.[26]

Мысль о приходе раннесредневековых славян в пределы нашей страны с Запада пользовалась значительной популярностью на том этапе развития науки, когда фактические данные о древних славянах черпались преимущественно из филологических материалов, точно не определяемых во времени и плохо локализуемых на географической карте. Тогда — на рубеже и в начале нашего века — многие слависты полагали, что древняя славянская прародина, понимаемая как место основного ядра формирования славянских племен, их культуры и языка, находилась, вероятнее всего, как уже сказано, где-то в бассейне Вислы, в Северном Прикарпатье или в поречье Дуная. В последующее время — в I тыс. н. э. — славяне широко расселились из своей прародины преимущественно на юг и восток, что привело к распаду в их среде якобы

[24] См.: *Кобычев В. П.* В поисках прародины славян. М., 1973, с. 78, 118. — *Прим. ред.*

[25] *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. — МИА, 1968, № 158.

[26] *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. — МИА, 1970, № 163, с. 63—73.

Из последних работ В. В. Седова, касающихся этой проблемы, можно указать монографию «Происхождение и ранняя история славян» (М., 1979). — *Прим. ред.*

единого прежде языка (группы близких диалектов), к возникновению различных славянских языков и народностей. Хронологическая канва этого процесса и многие его стороны вызывали споры. Более или менее достоверными историческими свидетельствами подтверждались лишь отдельные фрагменты картины расселения древних славян. К ним относятся, скажем, сведения о проникновении славян за Дунай и распространении их по Балканскому полуострову, сообщаемые византийскими авторами. В итоге движения славян в пределы балканских провинций Византийской империи в конце концов сформировалась южная группа славянских народностей — предков болгар и народов Югославии. Сложение восточной славянской группировки — предков племен, известных по русским летописям, — напротив, в свете исторических и филологических данных, оставалось совсем неясным, по-разному освещаемым исследователями.[27]

В настоящее время вопрос о территории древних славян в Европе, несмотря на значительные успехи во всех занимающихся славянской тематикой областях археологических и филологических знаний, также остается еще далеко не решенным. По-новому ставится сейчас вопрос о самой славянской прародине, как и о праязыке. Думать, что историю жизни славянства следует начинать с компактной группы, полностью единообразной в этническом и языковом отношении, ныне не представляется возможным. Такие предположения не соответствуют всему тому, что нам известно об истории древнего общества. Новые подходы к проблеме этногенеза славян требуют мобилизации новых фактов. Однако археологические исследования еще не сказали по названному вопросу своего последнего слова, не располагая для этого достаточной информацией. Становится все более очевидным, что воссоздание картины убедительных генетических связей далекого прошлого на основании археологических данных возможно лишь в результате такой мобилизации фактического материала, которая, не оставляя «белых пятен» на археологической карте, позволила бы проследить развитие культуры буквально из поколения в поколение. Лишь при этих условиях можно избежать скороспелых субъективных суждений, которыми так грешила до сих пор археология. Применительно к далекому славянскому прошлому археология столь подробными сведениями до сих пор не располагает; они только начинают накапливаться. Приведенная выше мысль о расселении славян по Восточно-Европейской равнине лишь накануне образования Древнерусского государства могла возникнуть и приобрести «право гражданства» как у старых славистов, так и в трудах упомянутых выше некоторых наших современников тоже только в результате наличия глубоких лакун, в частности, в археологической информации.

Казалось бы, центральноевропейские области, в которых ищут древнейших славян, достаточно хорошо исследованы в археологи-

[27] *Филин Ф. П.* Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962, с. 20—45.

ческом отношении. Разработана хронология древностей, дана их культурно-территориальная классификация и т. д. Однако и здесь еще далеко не все известно и ясно. Бесспорных остатков славянской жизни, предшествовавших раннему средневековью, здесь указать пока что нельзя. Археологи — защитники мысли о приходе славян на территорию нашей страны с Запада — ссылаются в своих работах отнюдь не на более ранние, а преимущественно на синхроничные восточноевропейским славянские древности. В Словакии, Моравии, Чехии, Польше и ГДР это будут остатки поселений и могильники с керамикой так называемого пражского типа, впервые определенные в качестве славянских в конце 30-х гг. И. И. Борковским.[28] Бесспорной их датой являются VI—VII вв.

Среднеевропейские древности первой половины и середины I тыс. — времени «великого переселения народов» и позднеримские — оказались пока что чрезвычайно трудными для этнической расшифровки. Многие племена и народы Средней Европы в данный период находились в движении, элементы их культуры смешивались, многие группировки при этом навсегда теряли свои характерные этнические особенности. Большое значение сыграли торговые связи по Висле и ее притокам, а также массовое движение германских группировок в южном и юго-восточном направлениях.

В настоящее время некоторые чехословацкие и немецкие археологи-слависты исходят из представлений об относительно позднем появлении славян в пределах их территорий. Распространение славян на землях Чехословакии и ГДР они связывают чаще всего с аварской экспансией с востока.[29] Возможно, что в Словакии и Моравии имеются отдельные следы появления славян и в более раннее время — гуннское. Но таких данных пока немного, и они спорные.[30] В поречье Средней Эльбы славяне проникли не раньше третьей четверти I тыс., постепенно распространяясь с юга на север, вниз по течению реки. В Поморье они прочно обосновались лишь к самому исходу I тыс.

Значительно сложнее обстоит дело с вопросом о древних славянах в трудах польских исследователей, много занимавшихся данной тематикой, но тем не менее стоящих на нескольких различных, нередко исключающих одна другую, позициях. Наибольшим распространением вплоть до недавнего времени пользовались в Польше автохтонические, «висло-одерские», представления, рассматривающие в качестве прародины славян область Западного Повисленья. Обоснованию этой мысли посвящены работы по истории, филологии, антропологии, археологии и др. Во второй четверти нашего века гипотеза о ранних славянах на территории Западного Повисленья в наиболее завершенном виде была пред-

[28] *Borkovski I.* Staroslovanska keramika va Stredni Evrope. Praha, 1940.

[29] *Eisner I.* Rukovet slovanské archeologie. Praha, 1966; Die Slawen in Deutschland. Herausgegeben von J. Herrmann. Berlin, 1970.

[30] Например: *Hruby V.* Sidliste z pozdni doby rimske ve Zlechove. — AR, 1967, sv. 19, č. 5; *Третьяков П. Н.* О восточноевропейских элементах в культуре Злеховского селища. — Casopis moravskéh musea, 1972, sv. 57.

ставлена в трудах слависта Т. Лер-Сплавинского и археолога Ю. Костшевского,[31] которые видели следы древнейших славян в лужицких древностях Висло-Одерской области. Взгляды того и другого, явившиеся в какой-то степени реакцией на националистические концепции немецких буржуазных историков и археологов первой половины нашего века, пользовались широкой популярностью в первые годы после завершения второй мировой войны во всех славянских странах и в Советском Союзе.

К настоящему времени накопилось значительное число серьезных критических замечаний в адрес «висло-одерской» гипотезы. При этом особенно уязвимой оказалась ее археологическая аргументация, что показали, в частности, некоторые выступления еще на Первом конгрессе славянской археологии, состоявшемся в Варшаве в 1965 г.[32] Они касались не только развития и преемственности культур «седой старины», изучение которых не выходит пока за рамки весьма туманных предположений, но и древностей последних столетий до новой эры и начала I тыс. н. э., объединенных в рамках пшеворской культуры. По мнению Ю. Костшевского и ряда других археологов — его последователей, пшеворские древности были оставлены славянами-венедами древних авторов — прямыми предками раннесредневековых славян. Это мнение разделял и Т. Лер-Сплавинский. Но, как справедливо указывают многие современные исследователи, усматривать в пшеворских древностях остатки одноэтничного славянского массива было бы неправильно. Так можно поступать, лишь начисто игнорируя исторические свидетельства авторов первых веков новой эры о движении через Повисленье многочисленных германских группировок. Нельзя также не отметить, что раннесредневековые славянские древности пражского типа, представленные в Польше, скажем, находками в Мендзыборове и многих других местах, по ряду существенных признаков заметно отличаются от пшеворских. Бесспорные генетические связи между культурой раннесредневековых славян и пшеворской пока что не выявлены. По-видимому, для того чтобы определить в пределах Польши славянские древности раннего периода, нужно прежде всего решить задачу дифференциации пшеворских древностей на славянские, германские и, возможно, западнобалтийские.[33] Успешное решение этой задачи, как и задачи дифференциации у нас черняховских памятников, о чем речь шла выше, может быть достигнуто в первую очередь по материалам остатков поселений, которые в большей степени, чем находки из могильников, отражают этническую специфику. Но до

[31] *Łehr-Splawiński T.* O pochodzeniu i praojczyźnie słowian. Poznań, 1946; *Kostrzewski J.* 1) Od mezolitu do okresu wędrówek ludów. Prehistoria ziem Polskich. Kraków, 1939—1948; 2) Zur Frage der Siedlungstätigkeit in der Urgeschichte Polens. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1965.

[32] I Miedzynarodowy Kongres archeologii słowianskiej. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968, t. 1; 1969, t. 2.

[33] *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян, с. 53—74. — *Прим. ред.*

сих пор археологами исследовались преимущественно пшеворские могильники, богатый инвентарь которых, в частности предметы вооружения и украшения, у различного среднеевропейского населения того времени был наследием более ранней, кельтской (латенской), культуры, основательно затушевавшей этническую специфику разных племен.

Таким образом, в настоящее время археология еще не может указать за западными пределами нашей страны такие древности, которые бесспорно принадлежали бы ранним славянам, предшественникам носителей древностей пражского типа. Тем более никак нельзя утверждать, что в пределах Западного Повисленья некогда обитали предки всех раннесредневековых славян, в том числе и их восточных группировок, предков племен, известных по русским летописям, как это полагали раньше и думают теперь некоторые исследователи.

Здесь следует еще напомнить, что польские археологи — авторы и защитники «висло-одерской» гипотезы — исходили в свое время из представлений, что расселение славян из их прародины происходило отнюдь не накануне средневековья, а значительно раньше. Это относится и к восточнославянским группировкам. Ю. Костшевский и его ученики в качестве славянских неоднократно рассматривали восточноевропейские древности II—I вв. до н. э. и начала новой эры, относящиеся к зарубинецкой культуре, распространенной по полосе лесостепи от верховьев Днестра и Западного Буга до восточных областей Среднего Поднепровья. Более того, они полагали, что зарубинецкая культура формировалась также в пределах восточноевропейской территории, хотя и с участием западных элементов.[34]

Следовательно, названные выше некоторые советские исследователи, не допускавшие мысли, что славяне могли появиться в Восточной Европе раньше третьей четверти I тыс., оказались значительно в большей степени автохтонистами, чем сами авторы и последователи «висло-одерской» теории, с которой теперь не согласны как многие польские, так и советские исследователи.[35]

[34] *Kostrzewski J.* Od mezolitu..., s. 334—335; *Jaźdźewski K.* Atlas do pradziejów słowian. Łódz, 1949, m. 7—9.

[35] *Филин Ф. П.* 1) Образование языка восточных славян, с. 35—49; 2) Некоторые проблемы славянского этно- и глоттогенеза. — ВЯ, 1967, № 3.

ЗАРУБИНЕЦКИЕ ДРЕВНОСТИ. ИХ ТЕРРИТОРИЯ И ЛОКАЛЬНЫЕ ГРУППЫ

I

Вопрос о древностях черняховской культуры III—IV вв. н. э. не менее дискуссионный, чем стоящий перед восточнославянской археологией вопрос о зарубинецких древностях последних столетий до новой эры и начала I тыс. н. э. В первых десятилетиях нашего века вопрос этот по своей остроте, правда, значительно уступал черняховскому. Сначала он рассматривался как соподчиненный ему, позднее — как вовсе не относящийся к славянской тематике. Но в последние десятилетия проблема отношений зарубинецких племен к славянскому миру снова встала на повестку дня. Зарубинецкие племена стали рассматриваться многими исследователями в качестве древнейшей, известной ныне восточнославянской группировки. В 50—70-х гг. был собран новый обширный материал, свидетельствующий в пользу этого заключения.

Как известно, в течение XX в. точка зрения на этническую природу зарубинецкого населения в археологической литературе неоднократно менялась. На первых страницах этой книги речь уже шла о том, что сначала — на рубеже и в начале нашего века, когда в Киевском Поднепровье были открыты первые зарубинецкие древности, их носители были определены как непосредственные предки черняховцев. То и другое население — и зарубинецкое и черняховское — рассматривалось в качестве раннеславянских группировок. Эту мысль, высказанную В. В. Хвойкой, первоначально горячо поддержал один из крупнейших русских археологов начала нашего века А. А. Спицын. Но позднее, к исходу 20-х гг., он решительно изменил свое мнение, ибо выяснилось, что зарубинецко-черняховские связи, из которых первоначально исходили археологи, оказались ошибочными, ложными. В Среднем Поднепровье не было найдено ни одного могильника, который содержал бы как зарубинецкие, так и черняховские погребения, ни одного зарубинецко-черняховского поселения, свидетельствующего о перерастании одной культуры в другую, о генетических связях между ними. Спицын предложил тогда связывать зарубинецкие племена со скифским миром, а черняховцев по-прежнему считал древними

славянами,[1] что, как мы видели, было несомненной ошибкой. Параллельно существовала еще и другая точка зрения на зарубинецкие племена, рассматривающая их в качестве одной из древних германских группировок. Таких взглядов придерживались и некоторые отечественные археологи.

В 50-е гг. стало очевидным, что ареал зарубинецких древностей II—I вв. до н. э. и I в. н. э. не ограничивался узкими рамками Киевского Поднепровья. Он был значительно шире, распространяясь от Среднего Днепра как далеко на запад, так и на восток и заходя в Верхнее Поднепровье. После того как повсюду в этих же пределах (и южнее) были обнаружены славянские древности третьей четверти I тыс., в среде археологов снова возникла мысль, что у зарубинецкой и раннесредневековой славянской культур имеются многочисленные общие элементы и что «славянская точка зрения» на зарубинецкое население была, таким образом, правильной, хотя и являлась во времена В. В. Хвойки не более чем догадкой. Но эта мысль долго оставалась недосказанной, ибо зарубинецкие древности отделялись от раннесредневековых славянских хронологическим интервалом свыше 500 лет. Казалось бы, это исключало возможность каких-либо серьезных заключений о генетических связях между носителями зарубинецкой культуры и восточными славянами третьей четверти I тыс. Но вскоре выяснилось что такое категорическое заключение было явно преждевременным: общие черты в зарубинецкой и раннесредневековой славянской культурах отнюдь не были случайными. В 50—70-х гг. на Киевщине, в пределах Гомельского и Могилевского Поднепровья и повсюду в поречье Десны, в основном севернее черняховского ареала, были обнаружены и исследованы ранее неизвестные археологические памятники — места поселений и отдельные могильники с трупосожжениями второй и третьей четвертей I тыс., как будто заполняющие брешь между зарубинецкими и раннесредневековыми восточнославянскими древностями. Они позволили проследить, как в течение нескольких столетий (со II по VI в.) зарубинецкая культура мало-помалу эволюционировала, превращаясь в раннесредневековую культуру восточных славян. Нужно при этом отметить, что данная эволюция не приводила к коренным изменениям в облике культуры. Многие ее основные особенности почти без изменений сохранились от зарубинецкого времени вплоть до средневековья, несмотря на то что в указанные столетия зарубинецкие племена и их потомки, как мы увидим ниже, сначала расширяли свою территорию к северу, заняв в Верхнем Поднепровье многие земли древних балтов, затем, накануне средневековья, не прекращая движения на север, совершили грандиозное расселение в южном направлении в области, занятые некогда черняховцами. В итоге территория потомков зарубинецкого населения — древних восточных славян — за 4—5 столетий увеличилась не менее чем в три раза.

[1] *Спицын А. А.* Поля погребальных урн. — СА, 1948, т. 10, с. 53—72.

Насколько мне известно, такую точку зрения на зарубинецкое население и его роль в восточнославянском этногенезе в настоящее время разделяет значительное большинство археологов-славистов. В последние годы В. В. Седовым была сделана, кажется, единственная попытка другой этнической интерпретации зарубинецких племен и их культуры.[2] По его мнению, зарубинецкое население являлось не славянской, а западнобалтийской группировкой. В конце I тыс. до н. э. оно якобы совершило переселение из Юго-Западной Прибалтики в Среднее Поднепровье. И затем поднялось вверх по Днепру и Десне, достигнув поречья Верхней Оки, где оставило после себя древности так называемой мощинской культуры.

Мне уже приходилось писать об этой ошибочной концепции, не подтверждаемой сколько-нибудь серьезными археологическими аргументами.[3] В настоящее время, когда опубликованы результаты исследований деснинских памятников I тыс. и значительно лучше изучены верхнеднепровские древности этого же периода, стало совершенно очевидно, что отнюдь не в верховьях Оки, а именно здесь — на Верхнем Днепре и на берегах Десны — обитали прямые потомки зарубинецкого населения, по культуре совсем иные, чем мощинские племена. Как мы увидим ниже, они сохраняли почти в неизменном виде многие особенности культуры своих зарубинецких предков, такие как характер поселений и жилищ, погребальная обрядность, формы керамики, ее разделение на кухонную и столовую, обычай носить фибулы и мн. др.

Что же касается верхнеокских мощинских племен, то их культурные традиции были совсем другими. Эти племена жили преимущественно на городищах, а не на открытых поселениях — селищах, как потомки зарубинецких племен, в жилищах другой конструкции; их погребальными древностями являются не могильники, а курганы с явными признаками медвежьего культа, характерного для племен балтийской группы. Лишь в лощеной посуде мощинских племен можно отыскать некоторые черты сходства с позднезарубинецкой керамикой. Речь идет о глиняных лощеных мисках, напоминающих по форме миски позднезарубинецкого типа из Верхнего Поднепровья и Подесенья. В мощинской среде эта посуда была несомненно результатом прямого влияния позднезарубинецкого населения на своих северных соседей, первым признаком грядущей ассимиляции восточнобалтийского населения славянским.

[2] *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. — МИА, 1970, № 163, с. 38—48.

[3] *Третьяков П. Н.* У истоков древнерусской народности. — МИА, 1970, № 179, с. 60.

II

Территория зарубинецких племен во II—I вв. до н. э. и начале новой эры охватывала, как уже указывалось, лесостепную и частично лесную полосу западной и центральной части Украины (рис. 2). На западе их древности известны вдоль верхнего течения Припяти, главным образом по ее правому берегу, а также по низовьям правых припятских притоков — Стыри, Горыни и Случи. Крайние северо-западные пункты расположены на смежном с верховьями Припяти участке берега Западного Буга; крайние южные — в западных областях Украины: на берегах Южного Буга, в его верхнем и среднем течении, а также Днестра.

На обоих берегах Среднего Днепра многочисленные поселения и могильники зарубинецкой культуры образуют две компактные группы. Первая находится на участке, ограниченном с севера устьем Десны, с юга — Росью и Тясмином. Сюда же примыкает несколько пунктов в низовьях Десны, по обоим ее берегам. Другая группа зарубинецких племен на Днепре обитала севернее, между

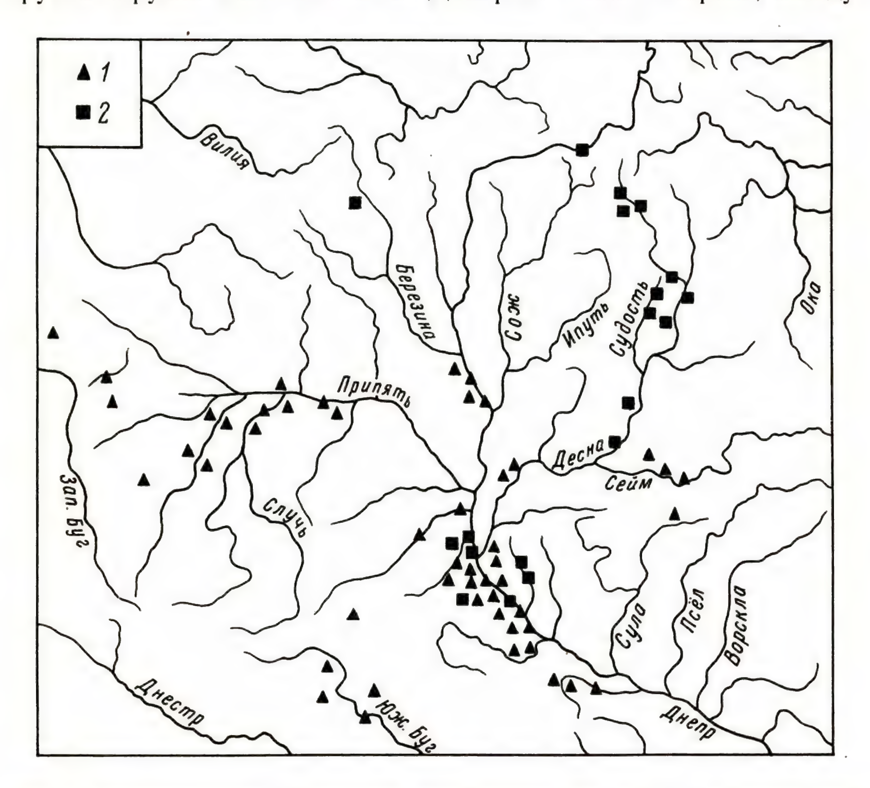

Рис. 2. Распространение древностей зарубинецкой культуры в последние века до новой эры и в начале I тыс. н. э.

1 — раннезарубинецкие поселения и могильники; *2* — позднезарубинецкие древности.

устьями Припяти и Березины, преимущественно по правой стороне Днепра.[4]

Территория, принадлежавшая зарубинецким племенам, изучена еще далеко не достаточно. И возможно, что сложившиеся в науке представления о трех обрисованных выше зарубинецких группировках — полесской (припятской), среднеднепровской и верхнеднепровской, — якобы отдаленных друг от друга свободными от поселений пространствами, являются не вполне соответствующими действительности. Ю. В. Кухаренко, впервые разделивший зарубинецкие древности на три указанные группы, не аргументировал свою мысль анализом археологического материала.[5] Это попытался сделать позднее Е. В. Максимов, по мнению которого, полесские, среднеднепровские и верхнеднепровские племена отчетливо различались формами керамики, характером жилищ и отчасти погребальной обрядностью.[6] Но если мы обратимся к фактическому материалу, нас неминуемо станет точить червь сомнения.

Начнем с находок из полесских могильников Отвержичи, Велемичи I—II, Воронино и др. Керамика их значительно разнообразнее, чем она изображена в книге Е. В. Максимова. В Полесье встречены, по сути дела, все формы посуды, известные на Днепре. Здесь более отчетливо были представлены в раннее время лишь западные (поморские) реминисценции. В предыдущее время сюда проникали из более западных областей так называемые поморские племена, которые рассматриваются Ю. В. Кухаренко и Д. А. Мачинским в качестве важнейшей подосновы зарубинецкого населения.[7] Но отголоски поморской культуры имеются и на Среднем Днепре, в частности на его левом берегу — в низовьях Десны.[8] На Среднем Днепре больше встречается сосудов «скифского» облика с насечками и защипами по венчику. На Верхнем Днепре посуда в целом несколько проще, чем в Среднем Поднепровье и Полесье. Там почти не попадаются сосуды с ручками, а также налепами в виде полумесяца. Проще формы мисок. Меньше тщательно вылощенной керамики с гранеными венчиками. Но все эти различия малосущественны, они не нарушают целостности комплекса зарубинецкой керамики. В лучшем случае их можно рассматривать как диалектные.

Что же касается попыток Е. В. Максимова подразделить зарубинецкое население по облику жилых построек, то их нельзя признать убедительными. В нашем распоряжении есть достаточный материал по зарубинецким жилищам лишь из Среднего Поднепровья. Верхнеднепровские жилища известны по раскопкам только

[4] *Кухаренко Ю. В.* Зарубинецкая культура. — САИ, 1964, вып. Д1-19, с. 43—47.

[5] Там же, с. 13.

[6] *Максимов Е. В.* Среднее Поднепровье на рубеже н. э. Киев, 1972, с. 119—128.

[7] *Кухаренко Ю. В.* К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. — СА, 1960, № 1, с. 289—300; *Мачинский Д. А.* К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. — КСИА, 1966, вып. 107, с. 3—8.

[8] *Петров В. П.* Зарубинецкий могильник. — МИА, 1959, № 70, с. 32—60.

в двух пунктах: на Чаплинском и Моховском городищах, а в Полесье исследовано всего три землянки. Следовательно, характеризовать зарубинецкие жилища в разных областях пока что явно преждевременно.

В погребальном обряде во всех трех областях также имеется много общего. Но в Верхнем Поднепровье, судя по Чаплинскому могильнику, вовсе не встречалось урновых захоронений, распространенных на Среднем Днепре и на берегах Припяти наряду с ямными. Другим отклонением от общезарубинецкой нормы в Чаплинском могильнике является будто бы отсутствие в погребениях остатков мясной ритуальной пищи, костей животных. Эти малосущественные отличия в зарубинецких древностях разных областей Е. В. Максимов объясняет различными традициями в культуре предшествующего, дозарубинецкого времени, что, быть может, и справедливо.

В основном зарубинецкая культура на всей территории своего распространения выступает как сравнительно однообразная. Везде — и на Днепре, и на Припяти — ее появление за малым исключением укладывается в одни и те же хронологические рамки. И там и здесь она характеризуется одними и теми же основными чертами. Керамика и главный датирующий материал — фибулы латенских типов — во всех областях более или менее одинаково эволюционируют. Данные последних лет позволяют, по-видимому, несколько сузить интервалы, отделяющие друг от друга группы зарубинецких древностей на Днепре и Припяти. Особенности, различающие эти группы, в свете новых материалов скорее стираются, чем становятся более отчетливыми.

Вопрос о происхождении зарубинецких племен и их культуры до сих пор еще не решен. Как уже указывалось, существует мнение о их западных или северо-западных истоках. Но мнение это покоится не столько на основе бесспорных археологических фактов, сколько на соображениях общего характера. Зарубинецкие могильники с трупосожжениями действительно являются как бы поздним восточным ответвлением центральноевропейских древностей, основой которых послужили «поля погребений» лужицкой культуры. Они как будто бы не имеют ничего общего на востоке Европы. Лишь среди зарубинецкого инвентаря в Поднепровье, прежде всего среди керамики, налицо некоторые местные элементы, восходящие к культуре скифского времени.

На этом основании наряду с мнением, что зарубинецкие племена пришли в Поднепровье с северо-запада, существует представление об их местном, днепровском происхождении. Но и в данном случае также подразумеваются их западные истоки. Только процесс появления здесь людей с Запада сдвигается в отдаленное прошлое, в эпоху бронзы или скифский период. Некоторые исследователи, наконец, полагают, что в создании зарубинецкой культуры участвовали милоградские племена I тыс. до н. э. — припятско-днепровская группировка племен раннего железного века, речь о которых еще будет идти ниже. Более того, эти

племена иногда рассматриваются в качестве основных предков носителей зарубинецкой культуры на том основании, что те и другие жили примерно на одной и той же территории и хронологически соприкасались друг с другом. Защитники такой точки зрения исключают милоградские племена из числа верхнеднепровских балтов, как их обычно называют, что обосновывается некоторыми своеобразными особенностями их культуры. Но в целом разница между милоградской и зарубинецкой культурами являлась настолько существенной, так мало было у них общих элементов, что сколько-нибудь убедительно аргументировать эту мысль пока невозможно. Словом, вопрос об истоках зарубинецкой культуры еще неясен, и, по-видимому, его решение пока что преждевременно из-за плохой изученности древностей предыдущего периода, а также зарубинецких памятников Верхнего Побужья и Поднестровья, исследованных далеко не достаточно.

На Верхнем Днепре, между Припятью и Березиной, по моему мнению, зарубинецкое население появилось несколько позже, чем на Припяти и в Среднем Поднепровье. Об этом говорит отсутствие в культуре верхнеднепровской группы отчетливых ранних элементов, в частности поморских. Кроме того, культура этой группы, особенно ее керамика, отличается большой грубостью и простотой, что свойственно более позднему зарубинецкому времени. Тенденцию Л. Д. Поболя удревнять материалы Чаплинского городища и могильника (а это пока единственный обстоятельно исследованный ранний зарубинецкий памятник в Верхнем Поднепровье) нельзя считать правильной, как и его стремление распространить зарубинецкую территорию II—I вв. до н. э. и I в. н. э. далеко на север, туда, где нет зарубинецких могильников и где на местных городищах встречаются лишь единичные зарубинецкие предметы, а керамика только отдаленно напоминает зарубинецкую.[9]

Мне представляется, таким образом, что Верхнее Поднепровье не было ни местом формирования зарубинецкой культуры, ни областью особенно раннего расселения зарубинецких племен. Распространение вверх по Днепру за устье Припяти являлось, по-видимому, первым шагом их движения на север из Среднего Поднепровья и поречья Припяти, начавшегося в конце I тыс. до н. э., речь о чем еще пойдет ниже.

III

Культура зарубинецких племен должна быть отнесена к среднему железному веку; это был, так сказать, восточноевропейский латен. И не только по обилию железа в быту, не только по общему, относительно высокому уровню производства, но и по мелким дета-

[9] *Поболь Л. Д.* Племена раннего этапа зарубинецкой культуры. — В кн.: Очерки по археологии Белоруссии. Минск, 1970, т. 1, с. 151, 152.

лям материальной культуры (скажем, таким, как фибулы латенских форм) могут быть определены зарубинецкие племена. Они имели относительно развитое сельскохозяйственное производство: пашенное земледелие, знакомое со всеми основными зерновыми культурами (кроме ржи?) и различными корнеплодами, — а также все известные ныне виды домашнего скота. Меньше были развиты ремесла; разделение труда еще не сказалось на экономической и социальной структуре общества. Обмен велся преимущественно с целью получения продуктов и изделий иноземного происхождения.[10]

В настоящее время в пределах зарубинецкой территории встречены многочисленные остатки поселений и могильников с трупосожжениями, раньше называемых обычно «полями погребений». Но исследованы эти древности неравномерно. Лишь Киевское Поднепровье может считаться более или менее обстоятельно изученным. Здесь же произведены наиболее значительные раскопки зарубинецких поселений, позволяющие сделать некоторые заключения о их размещении, размерах, планировке и других особенностях.

Зарубинецкие поселения в Среднем Поднепровье представлены древностями двух типов: городищами и остатками неукрепленных поселений — селищами. По подсчетам Е. В. Максимова, городищ на берегах Днепра, на Киевщине, 29. Селищ в настоящее время известно 20, но несомненно, что в действительности их значительно больше и новые исследования в ближайшие же годы изменят эту цифру. По-видимому, поселения расположены группами. Одна такая группа находится на месте современного Киева и ниже его; другая — вниз по Днепру между Ржищевом и Зарубинцами; третья примыкает к устью Роси. Имеются остатки поселений в низовьях Тясмина и на левом берегу Днепра, в поречье Трубежа и по нижнему течению Десны. Карта поселений обещает стать значительно интересней после их хронологической классификации, когда можно будет судить о движении населения, о его численности в разные периоды и о группах синхронных поселений. Предполагается, что группировка поселений отражает племенную структуру зарубинецкого общества.

То, что среднеднепровские зарубинецкие племена сооружали укрепленные поселения — городища, окончательно было установлено сравнительно недавно. Дело в том, что на территории Киевского Поднепровья зарубинецкие наслоения, как правило, лежат под остатками древнерусского времени; их укрепления — валы, рвы, экскарпы — принимались за древнерусские. О существовании зарубинецких городищ стало окончательно известно в 60-х гг. нашего века лишь после раскопок Е. В. Максимова на горе

[10] *Пачкова С. П., Янушевич З. В.* Землеробство племен зарубинецької культуры. — СРС, 1969; *Пачкова С. П.* Господство східнослов'янських племен на рубежі нашої ери. Київ, 1974, с. 9—60; *Третьяков П. Н.* Чаплинское городище. — МИА, 1959, № 70, с. 152; *Максимов Е. В.* Среднее Поднепровье ..., с. 69—80.

Юрковице в Киеве, на горах Пилипенковой и Бабиной около Канева.

Более или менее значительные раскопки в Среднем Поднепровье были произведены лишь на одном зарубинецком городище, исследованном Е. В. Максимовым, — Пилипенкова Гора.[11] Но, судя по зондажам, произведенным на многих городищах, во время которых вскрывались небольшие участки, в лучшем случае остатки отдельных построек, можно сделать заключение, что повсюду люди жили в прямоугольных или квадратных однокамерных домах площадью 12—16 м², несколько углубленных в землю (до 0.5—0.8 м). Их легкие деревянные или сделанные из плетня стены штукатурили глиной. Как показали раскопки на городище Пилипенкова Гора, стены домов белили снаружи и внутри мелом. Они напоминали, следовательно, старые украинские хаты.

На уровне земляного пола в центральной части жилища или около одной из стен располагался открытый очаг округлой формы, диаметром 0.8—1 м. Нередко очаги имели глинобитный под; перед очагом в отдельных жилищах находились предочажные ямы. Печей в зарубинецких жилищах не встречено. Два-три случая, когда при исследовании жилищ отмечались печи, являются сомнительными: за остатки печей либо принимались очаги с глиняными бортиками, либо же зарубинецким возрастом датировались остатки жилищ-землянок, в действительности относящихся к более позднему времени. Очаги устраивались и вне жилищ — на открытом воздухе или под легкими навесами. Они использовались, вероятно, в течение лета.

Раскопки на городище Пилипенкова Гора, где на площади около 3000 м² были обнаружены остатки 38 жилищ, позволили составить представление о планировке поселения. По наблюдениям Е. В. Максимова, в пределах раскопанной площади жилища располагались по двум замкнутым кругам или овалам, так что внутри каждого круга было свободное от построек пространство. Такая планировка свидетельствует, очевидно, о значительной архаике общественных отношений: малая семья уже определилась, о чем говорят незначительные размеры жилищ, но она еще не оторвалась от своей родовой общины, к которой принадлежали семьи, жившие в одном круге. Как мы увидим ниже, целостность родовой общины в зарубинецкое время подтверждается наблюдениями, сделанными при исследовании и других археологических материалов.

Кроме остатков жилищ на Пилипенковой Горе, как и на других зарубинецких городищах, встречены многочисленные хозяйственные ямы. Обычно они круглые, диаметром около 1 м и такой же глубины. Многие ямы были в древности сводчатыми: диаметр их горизонтального дна был больше поперечника в верхней части.

[11] *Максимов Є. В.* Зарубинецьке городище Пилипенкова Гора. — Археологія, 1971, т. 4, с. 41—56.

Имеются ямы со ступеньками — настоящие погреба, где хранились, очевидно, скоропортящиеся продукты. Большинство ям служило хранилищами для зерна, корнеплодов, сушеной рыбы.

Судя по обломкам античных амфор, фибуле среднелатенской схемы и бронзовой понтийской монете, зарубинецкое городище Пилипенкова Гора существовало длительный отрезок времени: от II в. до н. э., может быть от конца III в. до н. э., и до I в. н. э. включительно. Другие среднеднепровские городища в большинстве случаев датируются этим же временем.

В 1948 г. во время раскопок В. А. Богусевича и Н. В. Линки в северной части городища Пилипенкова Гора были встречены остатки железоделательного производства: куски железного шлака и, как предполагает Е. В. Максимов, разрушенные кузнечные горны.

Остатки железоделательного и кузнечного производства были встречены и в других пунктах, а около с. Лютеж, в устье р. Ирпеня, к северу от Киева, исследовано место, где в течение нескольких столетий зарубинецкое население выплавляло железо из болотной руды. Постоянного поселения здесь не было: найдены остатки лишь трех зарубинецких жилищ, из которых только одно кажется более или менее капитальным; два других — временные легкие постройки. На Лютежском поселении обнаружены остатки 15 горнов для сыродутного изготовления железа. Они не одновременны; их сохранность плохая — уцелели лишь вогнутые донья и кое-где нижние части стенок. Диаметр горнов 0.45 м при толщине стенок 0.05—0.10 м. Это были очень маленькие горны, свидетельствующие о мизерных масштабах производства, о его доремесленном характере. Железо изготовлялось здесь в течение всего зарубинецкого времени, вплоть до II в. н. э.,[12] судя по находке глазчатой фибулы.

К более позднему времени, чем поселения-городища, относятся в Среднем Поднепровье неукрепленные зарубинецкие поселения — селища. Лишь часть из них синхронична городищам. Они датируются главным образом теми же, что и городища, обломками античных амфор. Но другие селища в массе моложе: они принадлежат к самому концу I тыс. до н. э. и к I—II, а может быть, и III вв. н. э.

Ранние селища, синхроничные городищам, не исследовались путем раскопок; они известны в основном по подъемному материалу: керамике, иногда фибулам. Как правило, селища имеют незначительный по мощности песчаный культурный слой. Расположенные на невысоких местах по берегам рек, иногда на всхолмлениях в пойме, они представляли собой скорее всего остатки временных сезонных поселений, например рыболовческих.

Другой характер имели зарубинецкие селища более позднего времени. Располагаясь примерно так же, как и более ранние, —

[12] *Бидзиля В. И., Пачкова С. П.* Зарубинецкое поселение у с. Лютеж. — МИА, 1969, № 160, с. 51—74.

на невысоких местах по берегам стариц и маленьких речек — притоков Днепра, они часто служили местами постоянного долговременного обитания. На них открывают при раскопках такие же, как на древних городищах, остатки углубленных в землю прямоугольных жилищ, такие же хозяйственные ямы. Селища достигают нередко больших размеров. Это были в свое время многолюдные поселки, по величине не уступающие старым городищам.

На селище Луг 4, находящемся на берегу р. Почайны в пределах г. Киева, исследованном за последние годы А. М. Шовкопляс, существовало одновременно не менее 25—35 прямоугольных, несколько углубленных в землю жилищ. Они располагались по окружности, очевидно, повторяя планировку, отмеченную Е. В. Максимовым на городище Пилипенкова Гора. Убедительным свидетельством того, что Луг 4 являлся местом постоянного обитания, служат свыше 700 обнаруженных в его пределах хозяйственных ям обычного размера и формы. Материалы раскопок на селище Луг 4 еще не опубликованы, но, по предварительным информациям, оно относится к самому концу I тыс. до н. э. и к началу новой эры. Селище датируется позднелатенскими фибулами.[13]

Древних поселений, подобных селищу Луг 4, имеется в Киевском Поднепровье несколько. В качестве другого примера можно назвать огромное селище (или группу селищ) на пологом берегу р. Стугны (приток Днепра) около с. Таценки. Там на пашне и на развеянных ветром местах собрано большое число зарубинецкой керамики, грубой кухонной и вылощенной столовой, а также более 10 фибул рубежа и первых веков I тыс. н. э., зарубинецких с широкой треугольной спинкой и позднелатенских со сплошным приемником. Найдены глазчатая фибула, несколько железных ножей, глиняные пряслица, железные кельтовидные топоры, бронзовые трубочки-пронизки, кольца, бусины и др. Раскопок в Таценках не производилось, но известно, что толщина культурного слоя в пределах селища местами достигает 0.5 м.[14]

Значительно хуже исследованы на Киевщине зарубинецкие могильники. На первый взгляд, они известны на Днепре ниже устья Припяти, в низовьях Десны, Сулы, Псла и Тясмина свыше чем в 25 пунктах, что свидетельствует как будто бы о высокой степени учета таких памятников. Но в подавляющем большинстве случаев раскопок в этих пунктах не производилось или они ограничивались вскрытием лишь нескольких погребений. В первом по времени открытия могильнике — Зарубинецком — В. В. Хвойкой было раскопано всего лишь три погребения, из них два — обычные трупосожжения, а одно — трупоположение, отношение которого к зарубинецкой культуре вызывает некоторые сомнения. Основная

[13] См. работы А. М. Шовкопляс: АО 1969 г., с. 266; 1970 г., с. 279; 1971 г., с. 357; 1972 г., с. 350; 1973 г., с. 362.

[14] *Максимов Е. В.* Новые зарубинецкие памятники в Среднем Поднепровье. — МИА, 1969, № 160, с. 42—45.

коллекция керамики и бронзовых изделий, собранная Хвойкой на Зарубиной горе, происходит из погребений, разрушенных местным населением в конце прошлого века при добывании камня.[15]

Наиболее крупные раскопки в Среднем Поднепровье были произведены в конце 30-х—начале 40-х гг. И. М. Самойловским на Корчеватовском могильнике под Киевом. Могильник разрушался карьером, и, вероятно, немалая его часть к моменту раскопок уже была уничтожена. Удалось исследовать 103 погребения, в большинстве случаев ямных. Могилы были удлиненные, в рост человека, ориентированные по линии восток—запад. Пережженные кости занимали восточную часть могилы; в западной — находились глиняные сосуды и другой инвентарь. В ямных погребениях были обычны кости животных — остатки положенной в могилу пищи. Чаще всего попадались кости козы, овцы и свиньи, реже — коровы и лошади. В одном погребении найдена кость собаки. В меньшем количестве встречены урновые захоронения, когда пережженные кости зарывались в землю в глиняном сосуде — урне. Иногда урна сопровождалась другими сосудами, вероятно, с погребальной пищей. Урновых погребений раскопано около 30, расположенных тремя группами. Они помещались в круглых ямах диаметром 0.5 м. Глубина ямных и урновых погребений одинакова: от 0.25 до 1 м. Кроме того, Самойловский сообщает о наличии на Корчеватовском могильнике захоронений несожженных умерших, отдельных черепов, смешанных погребений и, наконец, кенотафов. Определенно к зарубинецкому могильнику относятся лишь расположенные по его периферии обычные погребения; два из них сопровождались зарубинецкими проволочными фибулами. Возраст других погребений вызывает некоторые сомнения. До зарубинецкого могильника на этом месте были более древние культурные наслоения. Контуры могильных ям при раскопках не прослежены. Тут, следовательно, могла быть допущена некоторая путаница.

Коллекция находок из Корчеватовского могильника состоит из 188 глиняных сосудов, 20 бронзовых и трех железных фибул, трех бронзовых проволочных браслетов, перстня, височного спирального кольца, подвески на цепочке, двух ножей, мелких бусинок и кусочков оплавившегося стекла. Предметы вооружения представлены единственным железным наконечником копья, очень плохо сохранившимся.

Из 188 глиняных сосудов 143 происходят из погребений, раскопанных И. М. Самойловским, остальные — из разрушенной части могильника. Урнами служили преимущественно чернолощеные биконические горшки, изредка — выпуклобокие, с налепными подковками или же грубые кухонные обычно биконического профиля с шероховатой поверхностью. Инвентарь ямных трупосожжений составляли горшки, миски и кружки, как правило

[15] *Петров В. П.* Зарубинецкий могильник, с. 32—60.

чернолощеные. Нередко в могилах находилось по три сосуда всех этих видов; в некоторых — место горшка занимал кувшин с относительно узким горлом, иногда с ручкой. Ручки (ушки) были у большинства кружек. В целом посуда отличалась тщательной выделкой; она хорошо вылощена, имеет преимущественно черный цвет. Некоторые сосуды украшались узкими валиками или желобками, подчеркивающими место перехода от тулова к горловине. Особенно старательно изготовлялись миски. У них расширенная, несколько отогнутая наружу верхняя часть, внутри нередко граненая, закругленное, подчас почти острое ребро на три пятых высоты и сильно суживающаяся нижняя часть, заканчивающаяся плоским дном или полой ножкой. У нескольких мисок более простой профиль: широкий верх с чуть суженным венчиком и небольшое дно.

Чуждым по форме сосудом является выпуклобокая амфора с узким горлом и дном и двумя обломанными ручками. Амфора вылеплена вручную, отличается некоторой асимметричностью, напоминая по форме фасисские амфоры III—II вв. до н. э. Среди лепных урн выделяется высокий выпуклобокий сосуд с налепным волнистым валиком, вылощенной верхней частью и шероховатой нижней, украшенной вертикальными линиями. Такие сравнительно крупные сосуды встречаются в обломках на местах зарубинецких поселений, являясь аргументом в пользу мнения об автохтонном происхождении зарубинецкой культуры, ибо подобная посуда была распространена в Среднем Поднепровье еще в предскифское время. Но она была известна и на Западе.

Бронзовые фибулы из Корчеватовского могильника принадлежат к среднелатенским типам. Одни из них проволочные с короткой или более длинной пружиной; другие (их большинство) зарубинецкие с треугольной спинкой, узкой или более широкой. Железные фибулы найдены в обломках.[16]

В целом инвентарь Корчеватовского могильника является типично зарубинецким II—I вв. до н. э. Находки из других могильников Среднего Поднепровья, за редкими исключениями, укладываются в корчеватовскую типологию как по керамике, так и по фибулам. Можно предполагать, что древнейшая часть могильника, относящаяся к началу II, а быть может, по мнению украинских археологов, к концу III в. до н. э., расположенная на краю коренного берега, была давно разрушена и осталась неизвестной археологам. Некоторые исследователи полагают, что древнейший период бытования зарубинецкой культуры, в частности Корчеватовского могильника, был «дофибульным», но это не более чем предположение.

Очень близок Корчеватовскому могильнику другой могильник Киевского Поднепровья — Пироговский, находящийся на краю коренного правого берега Днепра вблизи Пироговского зарубинец-

[16] *Самойловский И. М.* Корчеватовский могильник. — МИА, 1959, № 70, с. 61—93.

кого городища. Могильник обнаружен А. И. Кубышевым и В. А. Круцем в 1966 г. при исследовании остатков позднетрипольского поселения. Тогда же А. И. Кубышевым и Е. В. Максимовым были произведены раскопки части могильника, во время которых удалось вскрыть 49 зарубинецких захоронений: 37 ямных трупосожжений, шесть урновых, три неопределенных, наконец, три могилы с трупоположениями. Ямные трупосожжения находились в удаленных ямах размером в рост человека, ориентированных по линии восток—запад; урновые — в круглых ямах диаметром более 1 м. Глубина тех и других от 0.3 до 0.7 м. Во всех ямных погребениях сожженные кости были положены в восточной части могилы, инвентарь — в западной или центральной. Здесь же лежали остатки пищи — кости животных, плохо сохранившиеся. В урновых погребениях глиняные урны с пережженными костями стояли в центре ямы. Во многих ямных захоронениях, как и в Корчеватовском могильнике, инвентарь составляли три сосуда: горшок, миска и кружка. Трупоположения были ориентированы на запад; все они безынвентарные и отнесены к зарубинецкому времени лишь по аналогии с подобными же корчеватовскими погребениями.

Инвентарь погребений Пироговского могильника состоит из глиняных сосудов, бронзовых фибул, железного ножа, нескольких бусин и каменного пестика. Сосуды в основном повторяют формы керамики Корчеватовского могильника. Все они относятся к лощеным, за исключением двух урн, для которых использованы простые кухонные горшки. Фибул найдено 11. Они происходят из девяти погребений; в двух было по две фибулы. Все фибулы, кроме одной, среднелатенские, и лишь одна позднелатенская. Одна проволочная среднелатенская фибула имеет перевитую дужку с двумя восьмерками. Такие фибулы относят к сравнительно ранним — II в. до н. э. Другие — типичные зарубинецкие с треугольной спинкой, узкой и более широкой. Позднелатенская фибула — простая, проволочная, со сплошным приемником.[17]

Среди находок, происходящих из других зарубинецких могильников Киевского Поднепровья, интересен сосуд весьма архаичной «поморской» формы из Пуховки, расположенной на левом берегу Днепра напротив Киева.[18] Но другие находки из Пуховки типично зарубинецкие. Некоторые особенности можно отметить в зарубинецких материалах окраинных южных районов Киевского Поднепровья, например Субботовского могильника Черкасской области. В своей работе о зарубинецких древностях Ю. В. Кухаренко сделал попытку совсем вывести эти окраинные древности за рамки заруби-

[17] *Кубышев А. И., Максимов Е. В.* Пироговский могильник. — МИА, 1969, № 160, с. 25—38.

Кубишев А. І. Деякі підсумки дослідження Пирогівського могильника. — В кн.: Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ, 1976, с. 23—41. — *Прим. ред.*

[18] *Петров В. П.* Зарубинецкий могильник, с. 57, рис. 10, *4*.

нецкой культуры,[19] с чем, однако, трудно согласиться. Если так поступать, пришлось бы вообще отказаться от зарубинецкой культуры как целого и заменить ее несколькими культурами с нечеткими отличиями друг от друга.

На Припяти, в области Полесья, исследовались, по сути дела, лишь зарубинецкие могильники. Места поселений, известные в нескольких пунктах, изучению почти не подвергались, и их характер остается невыясненным. Обычно считают, что зарубинецкие поселения на Припяти в отличие от среднеднепровских городищ не имели никаких защитных сооружений. Но это отнюдь не доказано. Возможно, что население, жившее в местности, лишенной высоких берегов, что характерно для Полесья, применяло особые меры защиты своих селений, например обносило их мощными деревянными оградами.

Зарубинецкие жилища в Полесье, как уже указывалось, по-видимому, мало отличались от днепровских. Судя по раскопкам около деревень Велемичи и Отвержичи, это были прямоугольные, несколько углубленные в землю постройки с очагами в центре помещения или около одной из длинных стен.[20]

Зарубинецкие могильники Припятского Полесья исследованы много лучше, чем места поселений. Значительные раскопки были произведены в пяти пунктах, расположенных преимущественно по правую сторону Припяти или в низовьях ее правых притоков — рек Стохода, Стыри, Горыни и Ствиги. Это два могильника у Велемичей, могильники у Отвержичей, Воронина и Семурадцев.[21] Могильники находятся рядом с остатками синхроничных поселений в тех же топографических условиях — на невысоких песчаных возвышенностях. В каждом могильнике имелось, видимо, до 200 погребений, ямных и урновых. Но в отличие от Киевского Поднепровья урновых погребений встречается в Полесье очень мало. Как и на Днепре, в единичных случаях зафиксированы следы других погребальных обрядов — захоронения отдельных черепов, кенотафы и обычные погребения. Исследователи сообщают, что погребения в пределах могильников никогда не нарушали друг друга. Это указывает, вероятно, на то, что могилы отмечались какими-то знаками. В некоторых случаях при раскопках были выявлены следы деревянных столбов, вертикально стоявших над погребениями сожженных костей.

Общая картина погребений повторяет то, что мы видели в Поднепровье: для ямных захоронений характерна удлиненная форма могил; пережженные кости помещались отдельно от инвен-

[19] *Кухаренко Ю. В.* Зарубинецкая культура, с. 8.

[20] *Каспарова К. В.* Могильник и поселение у д. Отвержичи. — МИА, 1969, № 160, с. 131—168; *Кухаренко Ю. В.* Зарубинецкая культура, с. 11.

[21] *Кухаренко Ю. В.* 1) Памятники железного века на территории Полесья. — САИ, 1961, вып. Д1-29; 2) Зарубинецкая культура; *Каспарова К. В.* 1) Могильник и поселение у д. Отвержичи, с. 137—168; 2) Зарубинецкий могильник Велемичи II. — АСГЭ, 1972, вып. 14, с. 53—111; *Поболь Л. Д.* Новые зарубинецкие могильники на Туровщине. — МИА, 1969, № 160, с. 119—130.

таря; глиняные сосуды ставились в могилы нередко по три (горшок, миска и кружка); посуда и другие вещи не носят следов пребывания на погребальном костре.

Глиняная посуда Полесья несколько проще, чем днепровская, но в основном ее повторяет. То же самое следует сказать о фибулах. Их подавляющее большинство — среднелатенские: проволочные или (чаще) зарубинецкие с треугольной спинкой. Более поздние погребения сопровождаются фибулами позднелатенских форм. Чаще, чем на Днепре, на Припяти встречаются другие бронзовые украшения: трапециевидные подвески, булавки со спиральными головками, спиральные браслеты, бусы. Провинциальность припятского населения сказывалась, очевидно, в его пристрастии к металлическим украшениям, особенно звенящим.

Припятские зарубинецкие древности одновременны днепровским. Они никак не старше их, как полагал в свое время Ю. В. Кухаренко. Их ранняя дата не уходит за пределы II в. до н. э.; может быть, лишь в отдельных случаях она спускается в самый конец III в. до н. э.

Несмотря на то что зарубинецкие могильники на правом берегу среднего течения Припяти образуют компактную группу, по инвентарю, а именно по керамике, они не вполне идентичны. По-видимому, здесь сказывается некоторая разница могильников в возрасте. Наиболее ранним является, по моему мнению, могильник у д. Отвержичи, среди глиняной посуды которого имеется целая серия узкогорлых горшков «поморской» формы. В других могильниках такая посуда встречается единицами. Но разница в возрасте между Отвержичами и другими припятскими могильниками невелика — вряд ли превышает половину столетия. В основном могильник у д. Отвержичи относится ко II в. до н. э. — I в. н. э.

Работами Ю. В. Кухаренко в западной части бассейна Припяти был обнаружен ряд памятников более раннего возраста, чем зарубинецкие. Их ранняя группа примыкает к позднелужицким древностям; более позднюю составляют «поморские» могильники с трупосожжениями типа «подклошевых» и соответствующие им остатки поселений.[22] Именно эти древности послужили Кухаренко основанием для гипотезы о западном, «поморском» происхождении носителей зарубинецкой культуры, о распространении ее с запада на восток сначала в Полесье, затем на Днепр. На данную тему Кухаренко опубликовал статью, которая была замыслена как начало широкой дискуссии о происхождении зарубинецких племен.[23]

Но дискуссии не получилось. Никто, кроме Ю. В. Кухаренко, не располагал по названному вопросу свежим материалом. Против его взглядов свидетельствовало, однако, то, что наиболее архаичные зарубинецкие древности в Поднепровье, судя по обломкам античной керамики, датируются более ранним временем, чем полес-

[22] *Кухаренко Ю. В.* Памятники железного века ..., с. 9 сл.
[23] *Кухаренко Ю. В.* К вопросу о происхождении ..., с. 289—300.

ские, — по-видимому, концом III в. до н. э. Дискуссия заглохла до появления нового фактического материала.

Но возвратимся к зарубинецким древностям берегов Припяти. Если на поселениях Поднепровья встречаются обломки античной керамики и другие вещи, свидетельствующие об экономических связях зарубинецкого населения с областями Нижнего Поднепровья, то жители берегов Припяти связей с югом почти не имели. Вообще в полесских могильниках нет находок, говорящих о какихлибо дальних экономических сношениях. Исключение составляет встреченный в одном из погребений могильника у д. Отвержичи кожаный пояс, украшенный бронзовыми бляшками, пластинками и поясным крючком, близкий поясам ясторфской культуры поречья Эльбы, но находящий аналогии и в других областях Средней Европы.[24]

Несколько особое место среди зарубинецких древностей Полесья занимает могильник у д. Семурадцы в нижнем течении р. Ствиги, на ее левом берегу. В начале 60-х гг. Л. Д. Поболем было раскопано здесь 25 погребений, содержащих остатки трупосожжений, лежащих в удлиненных или небольших округлых ямах. Особенностью могильника является его глиняная посуда: горшки, высокие миски и кружки небольшого размера, грубые, толстостенные, очень плохо обожженные, несомненно сделанные специально для погребальных целей. Могильник относится к рубежу и началу I тыс. н. э., судя по среднелатенским фибулам позднего типа и позднелатенским, в том числе фибуле, похожей на «фибулу боев». Нигде в другом месте керамика, специально сделанная для погребения, плохого качества, полуобожженная, в зарубинецких могильниках не встречена.[25] Чем объяснить эту особенность могильника у д. Семурадцы, мы не знаем.

И последнее, что необходимо отметить в отношении полесских могильников, — наличие на некоторых из них (Велемичи I и II) захоронений с сожжениями, относящихся ко второй четверти I тыс., принадлежащих древностям готско-гепидской культуры, появившейся в это время в западных областях Полесья.[26] Речь об этих древностях еще будет идти ниже.

Меньше всего известно о зарубинецких древностях Верхнего Поднепровья — того участка правого берега Днепра, который ограничен устьем Припяти с юга и устьем Березины с севера. На этом участке на нескольких старых милоградских городищах имеются верхние слои, относящиеся к зарубинецкой культуре.[27] По сообщениям Л. Д. Поболя, в данном районе найден ряд

[24] *Каспарова К. В.* Могильник и поселение у д. Отвержичи, с. 155—157.

[25] *Поболь Л. Д.* Новые зарубинецкие могильники ..., с. 119—126.

[26] *Кухаренко Ю. В.* Памятники железного века ..., с. 18, 19, 30—42, 48—50; *Kuharenko J. V.* Le probléme de la zivilisation «gotho-gépide» en Polésie et en Volhynie. — Acta Baltico-Slavica, 1967, vol. 5.

[27] *Мельниковская О. Н.* Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967, с. 166—186; *Мельниківська О. М.* Поселення і могильник зарубинецької культури в Південній Білорусії. — Археологія, 1965, т. 18, с. 196 сл.

зарубинецких селищ, возраст которых не был точно определен. Наибольший интерес представляет могильник с трупосожжениями, в основных чертах не отличающийся от среднеднепровских и полесских.

Раскопки были проведены на городищах, где культурный слой относился преимущественно к зарубинецкому времени, — Чаплинское и Моховское II, а также на огромном бескурганном Чаплинском могильнике, расположенном за валом первого из упомянутых городищ и принадлежавшем несомненно его обитателям. В пределах могильника Ю. В. Кухаренко и Л. Д. Поболь исследовали 282 погребения, содержащих остатки трупосожжений в удлиненных ямах. Урновых сожжений не было встречено.[28]

На обоих городищах обнаружены остатки жилых сооружений в виде ямок от некогда вбитых в землю столбов, а также очажных пятен. Жилища были наземными, прямоугольной формы, размером 4×6 м или несколько меньше. Расположенный на полу в центре помещения очаг несколько углублен в землю. На очаге лежала груда небольших камней. На Чаплинском городище жилища располагались тесной группой в той части площадки, которая примыкала к валу. Противоположная была занята хозяйственными ямами, круглыми или овальными, с плоским горизонтальным дном. Многие ямы имели ступеньки. Наверху вокруг ям замечены следы столбов от конического перекрытия. В одних ямах лежали обломки глиняной посуды; в других на дне был обнаружен толстый слой рыбьих костей и чешуи; вероятно, здесь хранилась сушеная рыба. Большинство ям не дало никаких находок; они предназначались, очевидно, для хранения зерна и корнеплодов.

Из материалов городища обращает на себя внимание коллекция предметов, связанных с земледелием: железные топоры-кельты, серпы нескольких форм, каменные зернотерки. Среди костей животных (отбросы пищи) преобладают остатки домашних животных всех видов. Доминирующими являются кости крупного рогатого скота и лошадей, несколько реже встречаются кости свиньи и мелкого рогатого скота.

На городище найдены многочисленные фрагменты изделий из металла и кости: ножи, различные острия, обломок наконечника копья, бронзовые колечки и спиральные браслеты, костяные гребень и пряжка сарматской формы, бронзовые и железные булавки в виде «пастушеского посоха».

Фрагментированная керамика с городища вся без исключения лепная. Она делится на грубую кухонную и лощеную, главным образом в виде ребристых мисок. Обнаружен в обломках один высокий горшок с волнистым валиком, опоясывающим плечики, ниже валика — шероховатый, над валиком — гладкий. Встречены

[28] *Третьяков П. Н.* Чаплинское городище, с. 119—153; 2) Моховское II городище. — КСИА, 1960, вып. 81, с. 43—48; *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии. Минск, 1973, т. 2, с. 60—206.

и обломки сосудов, повторяющих архаичную керамику Среднего Поднепровья. Обычны среди керамики части дисковидных крышек, иногда орнаментированных защипами.

Если в Корчеватовском среднеднепровском могильнике третья часть погребений — урновые, а в могильниках Полесья урновые погребения встречены лишь в редких случаях, то в Чаплинском все погребения, как уже указывалось, оказались ямными. Пережженные кости, как правило, очищенные от остатков погребального костра, ссыпались в яму в форме вытянутого овала, размером в рост человека. Глиняные сосуды с пищей и кое-какие вещи помещались в могилы, минуя часто погребальный костер. Значительно реже могильные ямы были небольшими, округлыми; в них располагались почти все сожжения, лишенные инвентаря, а также детские.

В могильнике почти в каждом трупосожжении находились глиняные сосуды: один, два, иногда три. В некоторых могилах обнаружены лишь обломки сосудов. Если сосудов было три, то они, как правило, составляли набор: горшок, миска и кружка (малый сосуд). В целом посуда Чаплинского могильника несколько грубее и однообразнее среднеднепровской: сосудов с вылощенной поверхностью немного; горшки выпуклобокие или реже — биконические; миски более простых форм, чем среднеднепровские; почти все кружки имеют вид маленьких горшочков, некоторые из которых снабжены ручками (ушками). Судя по более простой керамике, Верхнее Поднепровье по сравнению с областью Киевского Поднепровья — глубокая зарубинецкая провинция. Но, по-видимому, такой вывод будет не совсем точным. Специфика Чаплинского могильника зависит не столько от его «провинциальности», сколько от большего процента сравнительно поздних захоронений. Если судить о времени могильника по фибулам, то нужно указать, что половина фибул, происходящих из Чаплина, относится к позднелатенским формам, которые следует датировать рубежом и I в. н. э. Этому времени соответствуют и глиняные миски с острым ребром, и огрубение всей керамики.

Кроме глиняной посуды и многочисленных фибул инвентарь чаплинских захоронений составляют другие украшения, предметы вооружения и орудия труда. Последние почти не встречались в зарубинецких могильниках ни Среднего Поднепровья, ни Полесья. В Чаплинском могильнике они также находились далеко не во всех захоронениях. Но все же в могилах найдены 18 железных ножей в большинстве случаев с горбатой спинкой, три топора-кельта, два шила, четыре наконечника железных дротиков, 14 наконечников копий с листовидным пером, наконечник стрелы. Обычны находки больших округлых застежек с подвижной иглой; их преимущественно изготовляли из железа. Подробная характеристика и изображения всех находок из Чаплинского могильника даны в работе Л. Д. Поболя, к которой мы и отсылаем читателя.[29]

[29] *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии, т. 2.

Два слова о зарубинецких могильниках с точки зрения социального строя оставившего их населения. В целом захоронения в могильниках исключительно однообразны, повторяя в этом отношении более древние кладбища, например лужицкие. Их следует характеризовать как древности общества, еще не затронутого делением, каким было, например, общество кельтов или скифов, что ярко сказалось в их могильных древностях.

Три группы различаемых сейчас зарубинецких племен — среднеднепровская, полесская и верхнеднепровская — были близки между собой по облику культуры, что свидетельствовало, по-видимому, об общности происхождения этого многочисленного населения. Но судьбы их, особенно после рубежа новой эры, оказались неодинаковыми, что не могло не отразиться в дальнейшем и на развитии их культуры.

Среднеднепровская группа была тесно связана с населением Нижнего Поднепровья. Об этом говорят не только обломки амфор и другие предметы южного импорта, постоянно находимые на среднеднепровских зарубинецких городищах, но и керамика зарубинецкого типа на нижнеднепровских городищах-поселениях.[30] Хочется думать, что на берега Нижнего Днепра переселялось немало среднеднепровских жителей. Очевидно, экономические связи между двумя соседними поднепровскими областями играли значительную роль в их жизни. С историей Нижнего Поднепровья связана и дальнейшая судьба среднеднепровских племен. Трудно допустить, что прекращение жизни на зарубинецких городищах Среднего Поднепровья не было ближайшим отголоском вторжения сарматов в Нижнее Поднепровье. Возможно, зарубинецкие городища явились и непосредственной жертвой грабительских походов сарматов, после чего население Среднего Поднепровья заметно поредело и должно было устраивать свои поселения уже не на высоких берегах под защитой валов и рвов, а, будучи подчиненным сарматам, на невысоких местах без каких-либо защитных сооружений. В это время начался значительный отлив зарубинецкого населения в северном и северо-восточном направлениях, речь о чем пойдет ниже.

Иначе сложились судьбы племен полесской зарубинецкой группы. Связи с южными областями, очевидно, не играли в их жизни сколько-нибудь заметной роли. Но вскоре у них появились свои беспокойные соседи — западные. Это были германские племена — готы, двигавшиеся в Северо-Западное Причерноморье через верховья бассейна Припяти. Их могильники известны во многих местах между верховьями Западного Буга, Припяти и Днестра (рис. 1, *3*). Правда, наиболее ранние готские древности

[30] *Петров В. П.* Зарубинецько-корчуватовська культура Середнього Подніпров'я та синхронні культури суміжних територій. — Археологія, 1961, т. 12, с. 64—71; *Сымонович Э. А.* Посуда зарубинецкого типа из Николаевского могильника на Нижнем Днепре. — В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978, с. 94—99; *Максимов Є. В.* Взаємовідносини зарубинецьких та степових племен Подніпров'я. — Археологія, 1978, т. 28, с. 45—55. — *Прим. ред.*

на территории Полесья нельзя датировать раньше чем концом II в. н. э. Они, следовательно, несколько моложе полесских зарубинецких могильников, наиболее поздние захоронения на которых едва ли выходят за рубеж I и II вв. Но первые вторжения готов в Полесье вряд ли правильно датировать по захоронениям в могильниках, которые свидетельствуют не о первом появлении, а уже о прочном освоении территории пришельцами. Принимая это во внимание и допуская некоторые погрешности в хронологии, следует думать, что именно вторжение готов послужило причиной запустения зарубинецких поселений в пределах бассейна Припяти.

Выше упоминались готские погребения в полесских зарубинецких могильниках Велемичи I и II. По-видимому, во время совершения этих захоронений оба могильника продолжали существовать как действующие кладбища. Вероятно, на них еще сохранялись какие-то надмогильные знаки. Иначе нельзя объяснить, почему лишь в одном случае из 12 готская могила потревожила более раннюю, зарубинецкую.

Уходя от вторгшихся в Полесье готов, зарубинецкое население двинулось, видимо, вниз по Припяти, вверх по ее левым притокам и далее в область Верхнего Поднепровья, смешиваясь с пришедшими сюда обитателями Среднего Поднепровья и с жившим здесь ранее населением зарубинецких городищ верхнеднепровской группы.

Правда, на берегах Средней Припяти и ее притоков известно несколько мест поселений, относящихся, может быть, к более позднему времени, чем I—II вв. н. э., но они остаются пока неисследованными.[31] Возможно, что к числу позднезарубинецких древностей относится и могильник с трупосожжениями, обнаруженный белорусскими археологами в 1927 г. около д. Бурази (Буйразь) в урочище Казаргац.[32] Относительно грубая керамика, происходящая из могильника, соответствует керамическому материалу позднезарубинецких поселений. Как и на Среднем Днепре, позднезарубинецкая керамика на Припяти является более грубой, хуже лощенной. Тулово больших сосудов нередко опоясывается налепным валиком, венчики украшаются насечками или защипами.

Третья зарубинецкая группа — верхнеднепровская — в отличие от двух предыдущих жила, видимо, в более спокойной обстановке, если не считать условий пограничья со старым верхнеднепровским населением — восточнобалтийскими племенами. Но движение на север зарубинецкого населения из Среднего Поднепровья и Полесья не могло не сказаться на жизни также и верхнеднепровских племен. Более того, это важное событие в зарубинецком мире прозвучало далеко за его пределами, отразившись решительным образом на судьбе северных соседей — восточных, или днепровских, балтийских группировок.

[31] *Поболь Л. Д.* Древности Туровщины. Минск, 1969, с. 15, 16.

[32] *Коваленя А. З., Шутай С. С.* Матар'ялы з дагісторыі Тураушчыны. — Працы Археалег. камісіі Беларус. Акад. навук. Менск, 1930, т. 2, с. 351 сл.

IV

В последние годы стало известно, что зарубинецкие древности имеются еще в одной области — на юго-западе, в среднем и верхнем течении Южного Буга и на смежном участке Поднестровья. На Южном Буге они известны более чем в 20 пунктах, на Днестре имеются лишь отдельные точки. Раскопки в данных пунктах были произведены П. И. Хавлюком.[33] Первоначально многие археологи сомневались в принадлежности этих памятников к зарубинецкой культуре. Но с накоплением материала становилась все более и более ясной культурная принадлежность вновь открытых бужских и днестровских древностей. Они характеризуются теми же самыми чертами, что и зарубинецкие древности других территорий.

Топография побужских зарубинецких древностей в основном повторяет расположение памятников на берегах Днепра. Как правило, они находятся на высоких берегах и отличаются сравнительно небольшими размерами. Известные сейчас побужские древности относятся к сравнительно позднему времени — к I в. до н. э. и первым векам новой эры. Поэтому, как и на Днепре, к их числу принадлежат остатки поселений, расположенных на низких террасах. Площадь поселений была занята жилищами двух родов: наземными постройками с глинобитными стенами и жилищами, углубленными в землю на 0.5 м. Они отапливались открытыми очагами, обмазанными глиной. Размеры жилищ обычны — 4×4 м. Рядом с жилищами располагались хозяйственные ямы, нередко по нескольку штук. Ямы были и внутри некоторых жилищ. Такие жилища были обнаружены около Марьяновки, в Носовцах, в Рахнах Собовых, у Кочурова и в других местах. В Рахнах на р. Соби (приток Южного Буга) рядом с поселением открыт могильник с трупосожжениями: раскопано 12 захоронений в овальных ямах размером до 2 м^2 и глубиной 0.4—0.6 м.

Керамика побужских и днестровских поселений, как и на Днепре, а также в бассейне Припяти, делится на две группы: грубую кухонную и лощеную столовую. Грубая посуда — это горшки, главным образом среднего размера, диски-крышки или сковороды с невысоким бортиком либо без него; лощеная — преимущественно миски, иногда на полых ножках. Цвет лощеной посуды черный, темно-серый или желтый; она вылеплена очень аккуратно, не уступая синхроничной днепровской.

Характерными предметами убора и украшения были фибулы, что свидетельствует об однотипности побужского костюма и одежды других зарубинецких областей. Но побужские зарубинецкие древности, во всяком случае исследованные в настоящее время, являются более поздними, чем большинство днепровских

[33] *Хавлюк П. И.* 1) Зарубинецкие памятники на Южном Буге. — АО 1967 г., с. 226; 2) Зарубинецька культура Південного Побужжя та лівобережжя Середнього Дністра. — Археологія, 1975, т. 18, с. 7—19.

и припятских, и представлены фибулами других форм. Здесь отсутствуют характерные зарубинецкие фибулы с треугольной спинкой и проволочные фибулы среднелатенской схемы. Нет также позднелатенских фибул, обычных на Днепре и Припяти. На более ранних поселениях, подобных Марьяновке, преобладают фибулы западнопричерноморского типа, с высоким прорезным приемником I в. до н. э.—I в. н. э. В могильнике и на поселении в Рахнах Собовых, относящихся к I—III вв. н. э., представлены более поздние фибулы, в том числе глазчатые. Наиболее ранней является фибула типа Авцисса; наиболее поздними — глазчатые фибулы развитых форм, похожие на днепровские.

В могильнике в Рахнах Собовых найден браслет в виде бронзового прута, чуть утолщенного в средней части, с шишечками на концах; на селищах — перевитая гривна с шишечками на концах, различные бусы. На селищах в Марьяновке и Носовцах обнаружены железные ножи и серпы, наконечники стрел, шпора, острия.

Побужское зарубинецкое население, обитавшее южнее, чем жители других зарубинецких областей, было тесно связано с Причерноморьем, о чем говорят главным образом обломки южной керамики, преимущественно амфорной, а также бусы из горного хрусталя, сердолика, стекла, пасты и египетского фаянса.

Исследование зарубинецких древностей в бассейне Южного Буга и на Днестре только началось, и поэтому нельзя быть уверенным, что в данных областях имеются лишь сравнительно поздние памятники, относящиеся к самому исходу I тыс. до н. э. и началу новой эры. Так что вопрос о появлении на Буге и Днестре зарубинецких племен остается пока открытым.[34] Может быть, они расселялись в этой области одновременно с их распространением в других областях, а возможно, что их появление на Буге и Днестре являлось результатом продвижения из поречья Припяти и Поднепровья какой-то части населения не раньше конца I тыс. до н. э. Может быть, это расселение было связано с началом движения к югу германских племен, пока что не улавливаемого по археологическим данным.

[34] См.: *Цыгылык В. Н.* Поселение возле с. Ремезовцы Львовской области (I в. до н. э. — III в. н. э.). — СА, 1971, № 2, с. 157—166. — *Прим. ред.*

ДВИЖЕНИЕ ЗАРУБИНЕЦКИХ ПЛЕМЕН В ОБЛАСТЬ ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ. ПОДНЕПРОВЬЕ НАКАНУНЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

I

Как известно, обширные пространства Верхнего Поднепровья от верховьев Припяти на западе до левобережья Десны на востоке, находящиеся севернее древнего зарубинецкого ареала, рассматриваются обычно как область, принадлежавшая с глубокой древности племенам балтийской группы. Это было установлено в свое время по данным топонимии и гидронимии в работах Е. Ф. Карского, К. Буги, М. Фасмера и др., в наше время — В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева. В их трудах показано, что севернее поречья Припяти и нижнего течения Десны по всему бассейну Верхнего Днепра и его периферии лежит плотный пласт балтийских наименований рек, озер, урочищ, населенных пунктов, не оставляющий сомнения в том, что предшественниками славян здесь являлись восточные балтийские группировки, родственные древним племенам Юго-Восточной Прибалтики.[1]

Но когда именно балтийское население было вытеснено или ассимилировано здесь славянами, в течение какого срока? Был ли это скоротечный процесс, или смена местного населения пришельцами протекала спокойно и постепенно, совершалась в течение столетий? Было ли это простым вытеснением старых обитателей в более северные области, или же местные жители длительное время обитали бок о бок с пришельцами, постепенно подвергаясь ассимиляции? Филология на эти вопросы решительного ответа пока что не дает. Надежды возлагаются на археологию, которая по своим материалам, по-видимому, в силах зафиксировать момент смены балтийского населения славянским с достаточной четкостью и убедительностью даже в том случае, если смене населения сопутствовали энергичные ассимиляционные процессы.

[1] *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

В последних исследованиях лингвистов высказываются сомнения в широте распространения древней балтийской топонимии на восточнославянских землях бассейна Верхнего Днепра. См. работы А. И. Ященко и других в книге «Топонимия Центральной России» (М., 1974, с. 95—103). — *Прим. ред.*

Серьезное археологическое изучение древностей верхнеднепровских балтов началось лишь после второй мировой войны. К настоящему времени оно сделало лишь первые свои шаги, но тем не менее многие наблюдения, полученные в результате археологических разысканий, представляются бесспорными. Сюда относятся, в частности, сведения, касающиеся занимающей нас темы — смены старого балтийского населения пришлым славянским.

Балтийские племена — древние обитатели северо-западной части Восточной Европы, поселившиеся здесь в конце III—начале II тыс. до н. э. Они были передовым для своего времени населением, являясь древнейшими скотоводами в этой зоне Европы, возможно, знакомыми и с земледелием. Они выделывали великолепные каменные орудия и рано узнали металл — бронзу, из которой изготовляли на первых порах преимущественно предметы убора и украшения.[2]

В первой половине I тыс. до н. э. (одни несколько раньше, другие позже) балтийские племена вступили в новый период своей первобытной истории. Согласно археологическим данным, это сказалось в распространении в их среде культуры раннего железного века с укрепленными поселениями-городищами, металлургией железа, скотоводством и земледелием в качестве основы хозяйства, а также, как полагают, с патриархально-общинными порядками в общественных отношениях.

Судя по деталям материальной культуры, верхнеднепровское балтийское население составляло четыре-пять больших группировок, несколько отличавшихся одна от другой (рис. 3). Это были, во-первых, милоградские племена на Припяти и в прилегающей к ее низовьям части поречья Днепра, получившие свое наименование от большого городища у д. Милограды, находящегося на правом берегу Днепра, ниже устья Березины. Среди других верхнеднепровских группировок милоградская была наиболее передовой и своеобразной. Она выделялась своей круглодонной керамикой, грубыми глиняными фигурками, в том числе изображениями животных, назначение которых остается неясным, своими несколько углубленными в землю жилищами с очагами на уровне пола. Милоградские племена были хорошо обеспечены металлом: их железная и бронзовая металлургия находилась под некоторым латенским, а также скифским влиянием. Около милоградских городищ, имеющих нередко большие размеры, встречены могильники с трупосожжениями.

Своеобразие культуры милоградских племен привело некоторых исследователей к мысли, что их следует исключить из числа верхнеднепровских балтов.[3] Однако данные гидронимии свидетельствуют, по-видимому, против этого предположения.

[2] *Моора Х. А.* О древней территории расселения балтийских племен. — СА, 1958, № 2, с. 9—33.

[3] *Мельниковская О. Н.* Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967.

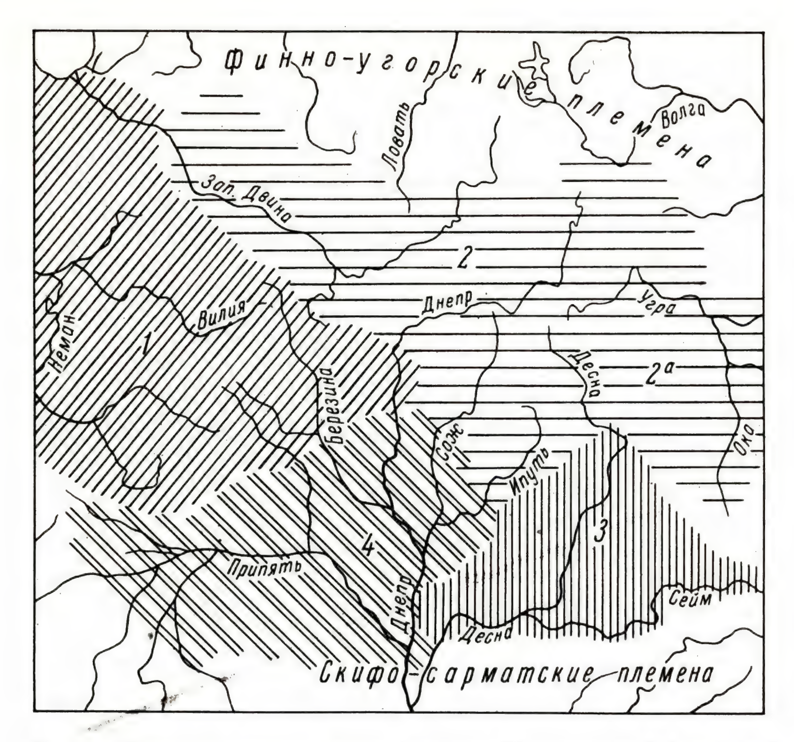

Рис. 3. Локальные группы племен Верхнего Поднепровья в I тыс. до н. э.

1 — балтийские со штрихованной керамикой; *2* — днепро-двинские; *2а* — верхнеокские; *3* — юхновские; *4* — милоградские.

Вторую верхнеднепровскую группировку составляло население среднего течения Десны с притоками, названное юхновским по городищу, находящемуся у д. Юхново на правом, высоком берегу Десны ниже Новгорода-Северского. Юхновские древности — это множество городищ, расположенных по берегам рек в труднодоступных местах. Лишь на южных окраинах юхновской территории, на скифском пограничье, городища достигали иногда значительных размеров. В других местах они редко превышали по площади 1.5—2 тыс. м^2, являясь, видимо, поселениями небольших патриархальных общин. Такие городища располагаются обычно группами по 2—3—4, запечатляя, как предполагается, родовую и патриархально-общинную структуру общества того времени. Жилищами юхновских племен служили наземные дома столбовой конструкции, нередко длинные, разделенные на отдельные секции.

Для юхновских племен были характерны слабопрофилированная баночная посуда с плоским дном, украшенная неправильными ямками под венчиком, сделанные из глины «шары» (округлые предметы неизвестного назначения), так называемые рогатые кирпичи (вероятно, принадлежность очага). Металлические изде-

лия были близки милоградским, обнаруживая преимущественно влияние скифской металлургии.

Близки юхновским древности раннего железного века из Верхнего Поднепровья, верховьев Десны и прилегающих участков поречья Оки на востоке и среднего течения Западной Двины на севере. Они получили наименование днепро-двинских. Наиболее существенные особенности, отличающие культуру днепро-двинских городищ от юхновской, — отсутствие глиняных «шаров» и орнамента на глиняной посуде. Кроме таких незначительных негативных отличий, во всем остальном культура днепро-двинцев походила на юхновскую. Очевидно, это были близкородственные группировки.

Севернее днепро-двинских племен, за Двиной и в бассейне р. Великой, обитали несколько другие, но тоже балтийские племена. Они отличались своеобразной керамикой, орнаментированной рядом круглых отверстий под венчиком или же прочерченным примитивным геометрическим узором. Городища этих племен пока что остаются малоисследованными, и трудно сказать, имеется ли здесь одна группа или две, отличающиеся друг от друга по характеру керамики.

Наконец, особая группа верхнеднепровского населения раннего железного века примыкала к западу Верхнего Поднепровья. Ее восточные границы кое-где достигали Днепра, захватывая поречья Березины и Друти; южные границы проходили по верховьям левых притоков Припяти; важные центры лежали в бассейнах Немана и Вилии. На севере племена данной группы в некоторых местах доходили до поречья Западной Двины. Основную, так сказать, этнографическую черту этих племен, принадлежащих, по-видимому, в равной мере как к днепровской, так и к западной балтийской группе, составляла глиняная посуда, покрытая грубой орнаментальной штриховкой. Формы посуды в разных местностях были неодинаковыми, что, вероятно, позволит в дальнейшем поставить вопрос о локальных подразделениях племен штрихованной керамики. В остальном их культура была близка культуре других балтийских группировок. Древности указанных племен представлены маленькими городищами, подобными юхновским и днепро-двинским. Жилищами служили наземные столбовые постройки с очагами на полу. Культура и быт отличались значительной примитивностью. В I тыс. до н. э. в быту широко применялись костяные орудия; изделия из железа и цветных металлов встречались на городищах значительно реже, чем в Поднепровье.[4]

В целом северная и восточная границы балтийских племен раннего железного века в главных чертах совпадали с границей, разделяющей балтийскую и финно-угорскую топонимику и гидронимию. Эта граница шла от Рижского залива к верховьям Западной Двины и Волги. Поворачивая далее на юг, она отсекала от

[4] *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966, с. 113—124, 156—189.

бассейна Волги поречье Москвы-реки и верхнее течение Оки, далее по водоразделу Оки и верховьев Дона доходила до степной зоны. Совпадение границ, археологической и гидронимической, а также многие общие черты в материальной культуре I в. до н. э. и начала новой эры в Юго-Восточной Прибалтике и Верхнем Поднепровье не оставляют сомнений в балтийской атрибуции верхнеднепровских древностей раннего железного века.

Жизнь верхнеднепровских балтов протекала в условиях известной изоляции от населения южных и центральных областей Европы, более передовых, чем бассейн Верхнего Днепра. Натуральное хозяйство днепровских балтов лимитировало размах их экономических и культурных связей. Слабые контакты с северными и восточными соседями — предками финно-угорских племен — не оказывали на культуру существенных воздействий. В результате жизнь и культура верхнеднепровских балтов отличались значительной консервативностью, почти не менялись из столетия в столетие. Вплоть до рубежа и начала I тыс. н. э. их культура сохраняла свои традиционные черты. Люди продолжали жить на старых городищах, мало изменился у них облик жилищ, в основных чертах уцелели характер керамики, формы многих предметов убора и т. д. Деление населения на указанные выше локальные группы также сохранилось, их границы оставались в основном неизменными.

Следующая глава в истории Верхнего Поднепровья началась на рубеже и в начале I тыс. н. э., когда в составе населения здесь произошли серьезные изменения, нашедшие яркое выражение в археологических материалах. Сначала они коснулись южных частей этой области, принадлежавших ранее милоградским и юхновским племенам. Начиная с последних веков до новой эры под давлением своих южных соседей эти племена мало-помалу стали отходить к северу. И повсюду в Поднепровье выше устьев Припяти и Десны появились новые обитатели, культура которых существенно отличалась от культуры местных племен. Ко второй четверти I тыс. н. э. пришельцами были заняты берега Днепра почти до параллели нынешнего Могилева и бассейн Десны, включая ее верховья. Впоследствии новое население продвинулось еще дальше на север, выйдя кое-где за пределы бассейна Днепра.

Южными соседями днепровских балтов, на рубеже и в начале I тыс. н. э. продвинувшимися к северу и сильно изменившими этническую картину Верхнего Поднепровья, были уже знакомые нам многочисленные племена зарубинецкой культуры. Распространение их в область Верхнего Поднепровья, повлекшее за собой вытеснение на север значительной части местного балтийского населения, представляло собой, по нашему мнению, единственный бесспорный факт смены здесь населения в течение I тыс. н. э., наблюдаемый по археологическим данным.

Пришельцы занимали преимущественно берега более крупных рек, местности, уже освоенные для земледелия старым населением. Свои поселки они устраивали нередко там, где до них жили

прежние обитатели, в частности на старых городищах — милоградских на Днепре, юхновских на Десне. Таких двухслойных городищ с нижним милоградским или юхновским и верхним зарубинецким слоем известно в археологии немало.

Обнаружено также, что расселение зарубинецких племен сказалось и далеко за пределами южных частей Верхнего Поднепровья. Оно вызвало своего рода цепную реакцию, повлекло за собой смену населения также и в местностях, лежащих уже за пределами бассейна Днепра. Так, на притоке Оки р. Угре, где в раннем железном веке жили племена, близкие днепро-двинским, на рубеже новой эры распространилось население с культурой деснинского типа — с близкой юхновской керамикой, «рогатыми кирпичами» и др. (городище у д. Свинухово и пр.).[5] Такая же картина наблюдалась в верхнем течении Западной Двины, где до рубежа новой эры на городищах жили люди с протофинно-угорской текстильной керамикой, а позднее из поречья Днепра туда пришло население со штрихованной посудой и таким характерным балтийским элементом, как грузики дьякова типа.[6] Балты потеснили финно-угров, по-видимому, и в других местах, в частности в западных районах Волго-Окского междуречья. Случилось это на рубеже или в самом начале I тыс. н. э., и есть все основания видеть в этих переменах отголоски движения зарубинецких племен в область Верхнего Поднепровья.

Но изображать смену населения в области Верхнего Поднепровья в виде некоего глобального процесса было бы, однако, неправильно. Мы очень плохо знаем о том, что происходило в конце I тыс. до н. э. и в первых веках новой эры в отдалении от берегов Днепра и Десны, на мелких речках, в глубине водоразделов. Судя по некоторым данным, четкого разделения культурных наслоений местных городищ на дозарубинецкие и зарубинецкие, какое мы имеем на Днепре и Десне, во многих местах не наблюдается. Можно думать, что здесь в начале новой эры полной смены населения не было. После зарубинецкого расселения в глубине водоразделов оставалось, очевидно, немало местностей, где сохранились старые обитатели. И такое положение продолжалось, видимо, долгое время, не одно столетие, пока процессы ассимиляции местных племен пришельцами не сделали своего дела.

Именно они, днепровские балты — коренные обитатели Верхнего Поднепровья, — обеспечили здесь сохранение древней балтийской гидронимии. Если бы старое население было полностью оттеснено на север, присущая ему гидронимия не могла бы сохраниться до наших дней в такой целости и так обильно.

Культура зарубинецких племен существенно отличалась от культуры старого балтийского населения Верхнего Поднепровья,

[5] *Никольская Т. Н.* Городище у д. Свинухово. — КСИИМК, 1953, вып. 49, с. 94; *Шмидт Е. А.* Днепро-двинские племена в I тыс. н. э. Автореф. докт. дис. М., 1975.

[6] *Станкевич Я. В.* К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тыс. н. э. — МИА, 1960, № 76, с. 18—95.

как милоградского и юхновского, так и более северного. Она была на голову выше культуры днепровских балтов и имела, как мы видели, свои особенности и характерные традиции. Различались формы поселений и приемы домостроительства, а также облик всего хозяйственного, производственного и бытового инвентаря. Если культура местных обитателей сохраняла черты раннего железного века, то зарубинецкие племена уже давно вступили в средний железный век. Они имели развитую железную металлургию и много изделий из железа в быту, обрабатывали цветные металлы, используя привозное сырье. Такие характерные элементы культуры, прочно удерживающие этнические традиции, как бронзовые предметы убора и украшения, были у поднепровских балтов и зарубинецких племен совсем непохожими. Старинная техника литья бронзовых изделий по восковым моделям, издавна распространенная в Верхнем Поднепровье, не получила широкого распространения у зарубинецкого населения. Заметно отличался от местного зарубинецкий керамический материал. Однообразная у каждой верхнеднепровской группировки лепная посуда, сохранявшая свои основные черты начиная с раннего железного века, не имела ничего общего с зарубинецкой посудой, более разнообразной по формам, грубой кухонной и лощеной столовой, состоящей из горшков, кувшинов с ручками, различных кружек, реберчатых мисок, круглых крышек и т. д. Хотя те и другие племена сжигали своих умерших, их могильники по погребальному обряду тоже заметно различались.

Лишь некоторые черты культуры зарубинецких племен, появившиеся у них после расселения в Верхнем Поднепровье, были, возможно, наследием старого местного населения.[7] К ним, по-видимому, относятся наземные столбовые жилища Чаплинского и Моховского II городищ на Гомельщине, кажется, не встречающиеся на зарубинецких поселениях Среднего Поднепровья. Очевидно, и в Верхнем Поднепровье в зарубинецкой среде наземные дома были явлением эпизодическим, связанным с периодом их расселения вверх по Днепру. Позже, в первые века новой эры, зарубинецкое население Верхнего Поднепровья повсеместно вернулось к своей старой домостроительной традиции, сооружая квадратные жилища-землянки.

II

Причины движения зарубинецких племен в Верхнее Поднепровье были, как мы видели, вынужденными: население двинулось на север, спасаясь от набегов кочевников-сарматов. Судя по археологическим данным (могильники), в I в. н. э. сарматы появились на правом берегу Среднего Днепра. Именно вслед за этим опустели

[7] *Сымонович Э. А.* Древности Скандинавии и Прибалтики на территории культур полей погребений. — КСИА, 1973, вып. 133, с. 24.

в Среднем Поднепровье зарубинецкие городища, а на старых зарубинецких могильниках — «полях погребений» — не встречаются захоронения позже этого времени.

Правда, поречье Среднего Днепра полностью не обезлюдело. Известны селища и могильники, время которых определяется глазчатыми фибулами II в. н. э. и еще более поздними — паннонскими и другими, принадлежащими ко II—III вв.[8] Но население было, по-видимому, относительно редким и малочисленным. Лишь со времени, когда в более южных местностях Среднего Поднепровья утвердились люди с черняховской культурой и, очевидно, исчезла прямая угроза со стороны кочевых племен, оседлость в северных частях Среднего Поднепровья мало-помалу восстановилась. Но археологи уже не называют это население зарубинецким, ибо его культура претерпела за данный период некоторые изменения. Обычно древности, относящиеся ко второй четверти и середине I тыс. н. э., именуют в Среднем Поднепровье киевскими или же остатками культуры киевского типа. Впервые они были описаны В. Н. Даниленко в конце 40—50-х гг. в районе Киева.

Правда, в культуре этого времени имеется одна деталь, говорящая, возможно, что этнические процессы в Поднепровье были более сложными, чем кажется на первый взгляд; они не исчерпывались только движением зарубинецкого населения с юга на север. Речь идет о появлении среди позднезарубинецкого керамического материала глиняной посуды, украшенной расчесами, по-видимому, свидетельствующими о ее западном происхождении. Такая керамика в небольшом количестве известна не только в Среднем, но и в Верхнем Поднепровье. Может быть, ее появление как-то связано с продвижением в это время готов в верховья бассейна Припяти и южнее, речь о чем шла выше. Хотя расчесы — скорее латенская традиция.

Уход значительной части зарубинецкого населения из Среднего Поднепровья на север не мог не сказаться на состоянии зарубинецкой культуры в целом. Правда, она не потеряла при этом своих характерных черт, но тем не менее заметно упростилась и огрубела, что наблюдалось как в Среднем Поднепровье, так и в особенности выше по Днепру и на берегах Десны, куда в начале новой эры продвинулась, вероятно, немалая часть зарубинецкого населения.

Совсем не изменился в это время такой традиционный элемент раннеславянской культуры, как жилище. В подавляющем большинстве случаев оно сохранило форму квадратной землянки с очагом в центре пола или около одной из стен. Лишь в отдельных пунктах Верхнего Поднепровья сооружались жилища другого типа — наземные столбовые дома. Хотя такие жилища кое-где встречались в зарубинецкой среде и раньше, можно связывать их появление с коренным населением верхнеднепровских областей.

[8] *Максимов Е. В.* Среднее Поднепровье на рубеже н. э. Киев, 1972, с. 115.

Без существенных изменений сохранился погребальный обряд — трупосожжение с последующим погребением его результатов в бескурганном могильнике. Иногда пережженные кости помещались в глиняный сосуд-урну или в другое вместилище, чаще же ссыпались непосредственно в яму. Как и в зарубинецкое время, могильные ямы были округлыми, диаметром до 0.5 м, а также длинными — в рост человека. Кости не всегда очищались от остатков погребального костра — золы и углей; нередко вместе с ними они ссыпались в могилу. Это также западная черта, которую еще предстоит объяснить.

Огрубение культуры отчетливо сказывалось на материалах керамики, прежде всего столовой. Ее качество, в частности характер лощения, в связи с движением населения на север заметно ухудшилось. Ассортимент лощеной посуды постепенно сократился. Со временем исчезли кувшины и кружки с ручками, упростились формы мисок. Если сравнить материалы из такого среднеднепровского поселения раннего зарубинецкого времени, как, скажем, Сахновка в низовьях р. Роси, или из Корчеватовского и Пироговского могильников с находками из позднезарубинецких поселений, то разница в качестве керамики сразу бросается в глаза.

На позднезарубинецких поселениях заметно сократилось число изделий из бронзы за счет увеличения количества железных предметов. Даже фибулы и другие украшения стали изготовляться преимущественно из местного материала — железа. Это был материал дешевый, повсюду добываемый сыродутным способом из болотных руд. Замена бронзовых украшений железными, конечно, отнюдь не свидетельствовала о регрессе производства, но железные украшения являлись менее нарядными, выглядели будничнее бронзовых.

Контакты с коренным населением верхнеднепровских областей тоже послужили источником некоторых нововведений в области культуры. Так, популярные у балтийских племен во второй четверти и середине I тыс. н. э. бронзовые украшения, инкрустированные цветной эмалью, вскоре распространились и среди потомков зарубинецкого населения. Ими были приняты в небольшом числе булавки с рукоятками в виде пастушеского посоха, издавна имевшие широкое хождение в балтийской среде. Некоторые формы керамики, используемые потомками зарубинецких племен, также являлись местными по происхождению. Из них отметим плоскодонные сосуды с широко раскрытой горловиной, обычно называемые тюльпановидными.

Но несравненно более заметным было влияние пришлых потомков зарубинецких племен на местную культуру, наблюдаемое в верховьях бассейна Днепра. Можно думать, что оно далеко выходило за рамки чисто внешних сторон культуры — форм керамики, украшений и др., проникая и в глубинные ее области — металлургию, сельскохозяйственное производство и т. д., что в дальнейшем способствовало ускорению процесса ассимиляции местного балтийского населения пришлым славянским.

III

Начало изучению поднепровских древностей позднезарубинецкого и еще более позднего времени, принадлежавших непосредственным и более отдаленным потомкам старого зарубинецкого населения, было положено, как уже указано, в середине нашего века находками В. Н. Даниленко в Киевском Поднепровье. Вскоре подобные находки были сделаны и в других местах бассейна Днепра, лежащих севернее черняховского ареала. Стало очевидным, что основные центры зарубинецкого, иначе говоря восточнославянского, населения на рубеже I тыс. н. э. постепенно передвинулись на север, откуда было частью вытеснено местное балтийское население.

В пределах днепровской долины, на дюнных всхолмлениях, на невысоких участках надпойменной террасы и по краям заболоченных мест В. Н. Даниленко и другими лицами были обнаружены остатки некрупных поселений, как правило, с незначительным и бедным культурным слоем, основаниями квадратных, главным образом углубленных в землю, жилищ и хозяйственными ямами. На поселениях встречена лепная керамика, в частности обломки сосудов биконических форм, миски, глиняные сковороды с невысокими бортиками и кое-какие металлические предметы. Судя по неоднократным находкам, у жителей, как и в зарубинецкое время, были в ходу фибулы, свидетельствующие об определенном типе одежды. Получили некоторое распространение, по-видимому на короткий срок, бронзовые украшения с эмалью северных балтийских типов, не раз находимые на Киевщине, но до сих пор не связанные с какой-либо древней культурой. Поселениям сопутствовали небольшие бескурганные могильники с трупосожжениями. Памятники эти, как уже указано, получили наименование «древности киевского типа».

К сожалению, В. Н. Даниленко долго не опубликовывал своих материалов, ограничившись краткой информацией о них, где было высказано предположение, что древности киевского типа являются связующим звеном между зарубинецкой культурой рубежа— начала I тыс. н. э. и славянской культурой третьей четверти I тыс.[9] К этим древностям Даниленко неоднократно обращался и позднее. В 1966 г. он провел небольшие раскопки на правом берегу Днепра южнее Киева около сел Ходосовка и Новые Безрадичи.

В первом пункте, изучение которого было начато еще в предыдущие годы, раскопаны остатки трех квадратных жилищ-полуземлянок размером 3.5×3.5 м, глубиной до 0.7 м, содержащих керамику, как сообщает В. Н. Даниленко, колочинского типа. Здесь имеется в виду керамика с ребром на половине высоты, обнаруженная на городище Колочин I в Гомельском Поднепровье,

[9] *Даниленко В. Н.* Славянские памятники I тыс. н. э. в бассейне Днепра. — КСИАУ, 1955, вып. 4; *Даниленко В. М.* Пізньозарубинецькі пам'ятки київського типу. — Археологія, 1976, т. 19, с. 65—92; *Даниленко В. Н., Дудкин В. П., Круц В. А.* Археолого-магнитная разведка в Киевской области. — АИУ 1965—1966 гг., 1967, вып. 1, с. 209—215.

время которого определяется приблизительно серединой или началом третьей четверти I тыс. н. э.[10] Вместе с такой керамикой у Ходосовки были встречены низкие биконические пряслица и железная фибула поздней арбалетной формы — V в. На поверхности здесь же подобрана несколько более ранняя бронзовая фибула — с подвязной ножкой. Ни одного черняховского черепка не было найдено.

Около с. Новые Безрадичи на близком расстоянии одно к другому обнаружены следы нескольких поселений второй четверти и середины I тыс. н. э. Здесь были раскопаны остатки двух квадратных жилищ со следами печей в углу. В одном из них сохранились остатки сгоревшего сруба. Тогда же были выявлены два маленьких могильника с трупосожжениями: один III—IV вв. н. э., другой середины I тыс. Основанием для датировки послужили позднезарубинецкая керамика и вещи типа украшений с эмалью из первого могильника и колочинская керамика — из второго. В 1966 г. около с. Новые Безрадичи был открыт еще один могильник позднезарубинецкого времени, на котором раскопано 15 трупосожжений. Кальцинированные кости находились в небольших округлых ямах и сопровождались обломками лепной керамики. В одном сожжении вместе с лепной керамикой найдена часть сделанной на круге черняховской миски. Другим свидетельством синхронности могильника черняховской культуре является бронзовая арбалетная фибула с подвязной ножкой. Одно из раскопанных сожжений выделялось среди других своими особенностями и инвентарем. Кальцинированные кости лежали здесь в большой квадратной яме, по форме и размерам несколько напоминающей основание полуземлянки. Что это было — покинутая землянка или специальная постройка — осталось неизвестным. Кости совпровождались целыми и фрагментированными биконическими пряслицами — более 20 экз.[11]

Подобные же находки были сделаны около Киева еще в нескольких местах: между селами Бортничи и Червоный Хутор, в районе с. Ирпень, на север от с. Белгородка. Возле хут. Клепчи в районе с. Б. Салтановка В. А. Ильинской и А. И. Тереножкиным на таком же поселении была найдена большая цепь с эмалью. К югу от Бортничей имеются следы двух могильников.

В конце 60-х—начале 70-х гг. киевские археологи обнаружили остатки поселения и могильник с трупосожжениями, относящиеся к киевскому типу, на правом берегу Днепра в устье р. Ирпеня около с. Казаровичи. Памятник разрушался водами Киевского водохранилища. Удалось раскопать около 20 погребений с трупосожжениями в круглых ямах, а на месте поселения обследовать остатки шести углубленных в землю жилищ с разрушенными глинобитными печами или очагами в углах. К сожалению, остатки жилищ сохра-

[10] *Сымонович Э. А.* Городище Колочин I на Гомельщине. — МИА, 1963, № 108, с. 97—137.

[11] *Даниленко В. Н., Дудкин В. П., Круц В. А.* Археолого-магнитная разведка ..., с. 209—214.

нились очень плохо: они были размыты. Зато более или менее уцелел находившийся на полу жилищ инвентарь. В пределах жилищ найдены железные ножи, много глиняной посуды, сделанной вручную, рыболовный крючок, биконические пряслица и др. Обломок бронзовой лунницы с эмалью из жилища 5 и железная подвязная фибула из погр. 14 позволяют отнести древности у с. Казаровичи ко второй четверти I тыс., к черняховскому времени. Однако никаких предметов черняховского происхождения, например керамики, в Казаровичах не встречено.[12] Но несколько южнее Киева на поселениях киевского типа кроме лепной посуды попадается обычно и гончарная — черняховская. Речь об этих поселениях со смешанной культурой пойдет ниже.

Таким образом, несмотря на небольшое количество материала, полученного из раскопок или сборов, было установлено, что в Киевском Поднепровье имеется своеобразная группа древностей второй четверти и середины I тыс., не принадлежащих к черняховской культуре. Наиболее ранние из них по всем основным признакам примыкают к зарубинецким. Более поздние являются генетическими предшественниками раннесредневековой восточнославянской культуры типа Пеньковки, но и они сохраняют многие зарубинецкие черты, сказывающиеся в топографии поселений, домостроительстве, погребальной обрядности, керамике. Керамический материал этого времени отличается от зарубинецкого большей грубостью, иногда несколько напоминая керамику Колочинского городища и посуду из пеньковских славянских поселений Потясминья VI—VII вв.

В последние годы памятниками киевского типа на Киевщине занималась Н. М. Кравченко и ее сотрудники. Ими произведены обследования и раскопки в ряде пунктов, главным образом южнее Киева по р. Стугне и в междуречье Стугны и Красной. На р. Корбине, маленьком притоке Стугны, около с. Обухов обнаружена тесная группа поселений киевского типа. В одном пункте произведены раскопки, открывшие остатки наземных и углубленных в землю прямоугольных жилищ с глинобитными огнищами. Исследовательница датирует эти древности III—IV вв.

В одном пункте около с. Обухов был открыт очаг, состоящий из нескольких слоев глиняной обмазки с включенными в нее обломками лепной и гончарной керамики. Последняя — черняховского типа. Грубая лепная посуда, нередко достигающая значительных размеров, имеет горшковидную или биконическую форму. Среди небольших сосудов есть высокие реберчатые миски.

В верхнем течении р. Ирпеня древности киевского типа обнаружены Н. М. Кравченко около сел Черногородка, Яблоневка и Сосновка. В первом пункте при шурфовке открыты остатки двух

[12] *Максимов Е. В.* Памятники позднезарубинецкого времени в северной части Среднего Поднепровья. — В кн.: Беларускія старажытнасці. Менск, 1972; *Максимов Е. В., Орлов Р. С.* Поселение и могильник второй четверти I тыс. н. э. у с. Казаровичи близ Киева. — РВД, 1974, с. 11—21.

углубленных в землю жилищ. Найдена лепная керамика биконических форм, в том числе со штриховкой по наружной поверхности, глиняные диски-крышки, отдельные обломки черняховской кружальной посуды, несомненно одновременные и входившие в один комплекс с лепной керамикой и жилищами-землянками.[13]

Остаются неопределенными западные границы древностей киевского типа. За последние годы поречье правых притоков Припяти было обстоятельно обследовано в связи с изучением славянских древностей VI—IX вв., предпринятым здесь И. П. Русановой. При этом древности предшествующего времени обнаружены не были. Возможно, что их необходимо искать несколько в иных топографических условиях. Русанова указывает, что в расположении найденных ею славянских поселений замечается определенная закономерность: наиболее ранние (типа Корчак, VI—VII вв.) лежат низко, нередко на всхолмлениях в пределах поймы; поселения более поздние (типа Луки-Райковецкой, VIII—IX вв.) поднимаются на невысокие коренные берега; древности времен Киевской Руси занимают еще более возвышенные места.[14] И возможно, что поселения первой половины и середины I тыс. располагались в этих районах еще ниже, по-другому, чем остатки жизни племен культуры Корчак.

Может быть, к середине I тыс. относятся поселения, обнаруженные у с. Новая Глебовка на юго-западе от Фастова.

Восточная граница древностей киевского типа проходила по нижнему течению Десны, по-видимому, в районе Чернигова. Она была крайне неопределенной, так как древности I тыс. н. э. в бассейне Десны принадлежали племенам, чья культура очень близка культуре киевского типа, — восточной группировке потомков зарубинецкого населения, речь о которых пойдет на следующих страницах.

В районе Чернигова остатки поселений, близких таковым киевского типа, известны у сел Анисова и Татарская Горка, к югу от города. Северо-восточнее Чернигова, у с. Ульяновка, Е. В. Максимовым и Р. В. Терпиловским было обследовано поселение середины I тыс. Удалось обнаружить землянку со столбовой ямой и остатками очага в центральной части. Найдены ножи, костяные орудия, керамика (грубая лепная и черняховская), биконические пряслица. Из предметов убора отметим бронзовый браслет с расширенными концами (рис. 4).

Подобные поселения у с. Ульяновка составляют компактную группу. На краю надпойменной террасы между Черниговом и устьем р. Замглай на протяжении 12 км выявлено восемь пунктов

[13] *Кравченко Н. М.* Исследование в Киевской области. — АО 1970 г., с. 281; *Кравченко Н. М., Абашина Н. С., Гороховський С. Л.* Нові пам'ятки I тисячоліття н. е. в Київському Подніпров'ї. — Археологія, 1975, т. 15, с. 87—98; *Абашина Н. С., Гороховський С. Л.* Кераміка пізньозарубинецького поселения Обухів III. — Там же, т. 18, с. 61—71.

[14] *Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом. — САИ, 1973, вып. Е1-25.

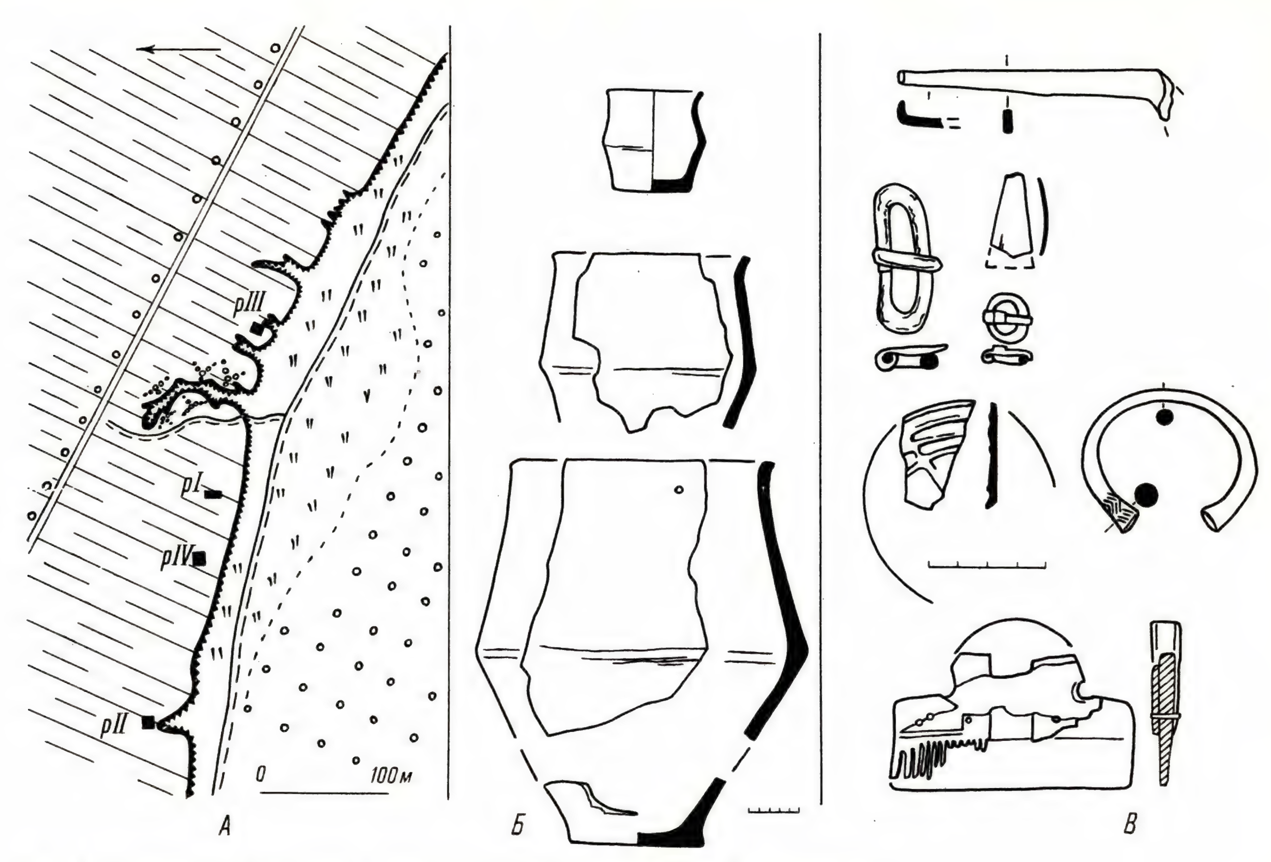

Рис. 4. Поселение у с. Ульяновка (раскопки Е. В. Максимова и Р. В. Терпиловского).

А — схематический план; *Б* — лепные сосуды; *В* — отдельные вещи из металла и кости.

с такими остатками. О поселениях киевского типа (позднезарубинецких) в районе Чернигова сообщают Н. В. Юркова и В. П. Коваленко.[15]

IV

Также неопределенной и по той же самой причине была и северная граница древностей киевского типа. В 50-х гг. в Гомельском Поднепровье были найдены многочисленные древности рубежа и начала I тыс. н. э., принадлежавшие населению с зарубинецкой культурой: Чаплинское городище и могильник, Моховское II, Горошковское, Милоградское и другие городища. Нижние слои во всех этих пунктах относятся к милоградской культуре раннего железного века, предшествовавшей в Южной Белоруссии распространению зарубинецких племен; верхние — к зарубинецкой. Особенно богато представлены зарубинецкие материалы на упомянутом выше Чаплинском городище, рядом с которым расположен большой могильник. В те же годы в Южной Белоруссии были найдены древности и более поздние, по-видимому принадлежавшие прямым потомкам зарубинецкого населения. Первые их находки, как уже указывалось, сделаны еще на рубеже нашего века, когда Е. Р. Романовым был обнаружен Новобыховский могильник с трупосожжениями. Но время могильника не было определено вплоть до недавних лет, несмотря на то что к его исследованию обращались неоднократно; этническая интерпретация могильника тоже оставалась спорной.

В настоящее время в Белорусском Поднепровье известны остатки многочисленных поселений и нескольких могильников позднезарубинецкого и новобыховского типов, относящихся к широкому отрезку времени — от II—III вв. н. э. до периода Древней Руси. Некоторые из них подверглись значительным раскопкам, показавшим преемственное развитие культуры в Белорусском Поднепровье в течение I тыс. н. э.

В 60-х гг. Л. Д. Поболем было исследовано древнее поселение с примыкающим к нему могильником, расположенное на правом берегу Днепра в низовьях р. Адаменки, в урочище Абидня. Раскопки выявили остатки 29 жилищ квадратной формы, основания которых были углублены в землю, а также следы нескольких наземных построек в низменной части поселения. Рядом с поселением располагался могильник с трупосожжениями. Сделанные при раскопках находки позволили определить время Абидни — III—IV вв.; это фибулы с подвязанной ножкой, обломки римского бронзового сосуда, наконец, монета Геты (209—212 гг.). На се-

[15] *Максимов Е. В., Терпиловский Р. В.* Поселение середины I тыс. н. э. близ Чернигова. — В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Киев, 1975, с. 59—60; *Юркова Н. В., Коваленко В. П.* Пізньозарубинецькі поселення на Чернігівщині. — Археологія, 1975, т. 18, с. 71—75.

лище оказались украшения с эмалью и следы их изготовления. Найдены многочисленные предметы из железа, бронзы и глины, большое количество керамики, среди которой встречаются и обломки сосудов с лощеной поверхностью, напоминающие зарубинецкие. Исследователь Абидни называет это поселение позднезарубинецким, с чем, по сути дела, можно согласиться.[16]

Более поздними по времени являются в Белорусском Поднепровье упомянутый выше Новобыховский могильник с расположенными рядом остатками большого поселения, могильник и поселение около д. Нижняя Тощица, могильник и поселение у д. Тайманово, городище Колочин I и пр.[17] Хотя все перечисленные и многие другие пункты в 50—70-х гг. были объектом раскопок, давших значительный материал, их изучение еще не закончено и результаты исследования, за исключением городища Колочин I и могильников Новобыховского и Нижнетощицкого, остаются неопубликованными.

Судя по предварительным информациям, особенно интересными являются материалы многолетних раскопок Л. Д. Поболя на селище и могильнике у д. Тайманово. На селище обнаружено несколько квадратных землянок без печей, со следами открытых очагов на полу. Некоторые землянки, по-видимому, имели в центральной части массивный столб, поддерживающий кровлю, вероятно четырехскатную. В могильнике, как и в зарубинецкое время, оказались захоронения трупосожжений в ямах двух типов: небольших округлых и удлиненных, в рост человека. Среди керамики нередки биконические сосуды. Наряду с ними имеются сосуды баночных и тюльпановидных форм, а также глубокие миски, иногда с орнаментом по плечикам. Из других находок можно указать биконические пряслица, пряжки с хоботовидным язычком, фибулу с ромбической ножкой, булавки. Преобладают вещи, относящиеся к III—VI вв., но есть и более поздние — третьей и даже последней четверти I тыс. Их хронологическая классификация затрудняется тем, что за указанный период (середина и вторая половина I тыс.) облик культуры в Верхнем Поднепровье менялся крайне незначительно. Это относится к характеру жилых построек, к формам и облику глиняной посуды, к типам изделий из металла. Погребальная обрядность тоже почти не изменялась, долго сохраняя, как уже сказано, зарубинецкие традиции. Лишь в последние века I тыс. результаты кремации вместо захоронения в бескурганных могильниках стали помещаться под курганные насыпи, ставшие обычными в древнерусской среде в последующие столетия. Бронзовые украшения на поселениях и в захоронениях середины

[16] *Поболь Л. Д.* 1) Основные итоги изучения памятников позднего этапа зарубинецкой культуры в Белорусском Поднепровье. — В кн.: Древности Белоруссии. Минск, 1966, с. 205—212; 2) Итоги изучения древностей железного века Белорусского Поднепровья. — Там же, 1969, с. 96, 97, 104, 105; Очерки по археологии Белоруссии. Минск, 1970, т. 1, с. 168—182.

[17] Очерки по археологии Белоруссии, т. 1. с. 229—241; *Поболь Л. Д.* Древности середины и третьей четверти I тыс. н. э. в Белорусском Поднепровье. — РВД, 1974, с. 159—180.

Рис. 5. Лепные сосуды с городища Колочин I (материалы раскопок Э. А. Сымоновича).

и второй половины I тыс. встречаются в Белорусском Поднепровье крайне редко, что неблагоприятно отражается на решении вопросов хронологии отдельных древностей.

Одним из интереснейших памятников Южной Белоруссии, относящихся к середине I тыс., вероятно к V—началу VI в., является уже упомянутое выше городище Колочин I, исследованное в середине и второй половине 50-х гг. Э. А. Сымоновичем. Городище, расположенное на высоком отроге правого коренного берега Днепра, некогда представляло собой крепость-убежище. Оно было окружено мощными деревоземляными стенами. В предвидении опас-

ности на городище сосредоточивались запасы продовольствия (просо, чечевица), обгоревшие остатки которого хорошо сохранились. Жилых построек на площадке городища не было, но в их качестве могли использоваться сооружения, составлявшие деревянные стены городища, идущие по всему его периметру. Об отсутствии на городище следов постоянного обитания свидетельствует и бедность находок. Значительная часть находок, сделанных при раскопках, относится не к слою крепости-убежища, а к более ранним милоградскому и зарубинецкому наслоениям, разрушенным в середине I тыс. при сооружении упомянутых выше дерево-земляных стен и валов. Слою крепости-убежища принадлежит лишь сравнительно большое количество керамики, вероятно остатков тары для только что упомянутых продовольственных запасов. Когда крепость-убежище горела, глиняная тара вместе со своим содержимым была погребена под слоем пожарища. После раскопок многие сосуды удалось собрать и склеить. В большинстве случаев это очень грубые, баночные, умеренно выпуклобокие, иногда чуть биконические сосуды (рис. 5). Понятно, что грубая глиняная тара далеко не характеризует весь керамический комплекс, употреблявшийся в быту. Судя по отдельным обломкам, обитатели указанного пункта пользовались сосудами цилиндроконической формы, а также с валиком под венчиком.

На основании материалов, полученных во время раскопок в Подесенье, речь о которых пойдет ниже, в середине I тыс. в обиходе потомков зарубинецкого населения сохранялась лощеная столовая посуда, мало отличающаяся от зарубинецкой, в том числе реберчатые миски. Видимо, то же самое наблюдалось на берегах Верхнего Днепра, хотя здесь облик керамики менялся, очевидно, несколько иначе, чем на восточной поднепровской окраине — в Подесенье. Но возможно, что керамика зарубинецкого типа, происходящая с городища Колочин I, относится не только к раннему времени, но и к основному слою городища — к V—началу VI в.[18] Эта керамика несколько грубее ранней зарубинецкой; качество лощения у нее хуже.

Рядом с городищем Колочин I на соседнем участке коренного берега находится селище, на котором Э. А. Сымоновичем исследованы остатки квадратной землянки (№ 1) без печи со следами открытого очага в центре пола. Особенностью конструкции землянки являлся массивный столб около очага, поддерживающий кровлю, вероятно четырехскатную. Эти детали устройства (открытый очаг и центральный столб), а также найденные при раскопках обломки керамики позволяют определить время землянки — середина I тыс. н. э. Таким образом, землянка, вероятнее всего, синхронична основному слою городища. Но поселение пережило городище не менее чем на 3—4 столетия, или через такое же время на месте старого поселения возникло новое. Исследованная на

[18] *Сымонович Э. А.* Городище Колочин I ..., с. 97—137.

этой площади другая землянка (№ 2), с остатками печи-каменки в левом заднем углу, судя по керамике и иным находкам роменско-боршевского характера, принадлежит к VIII—X вв.

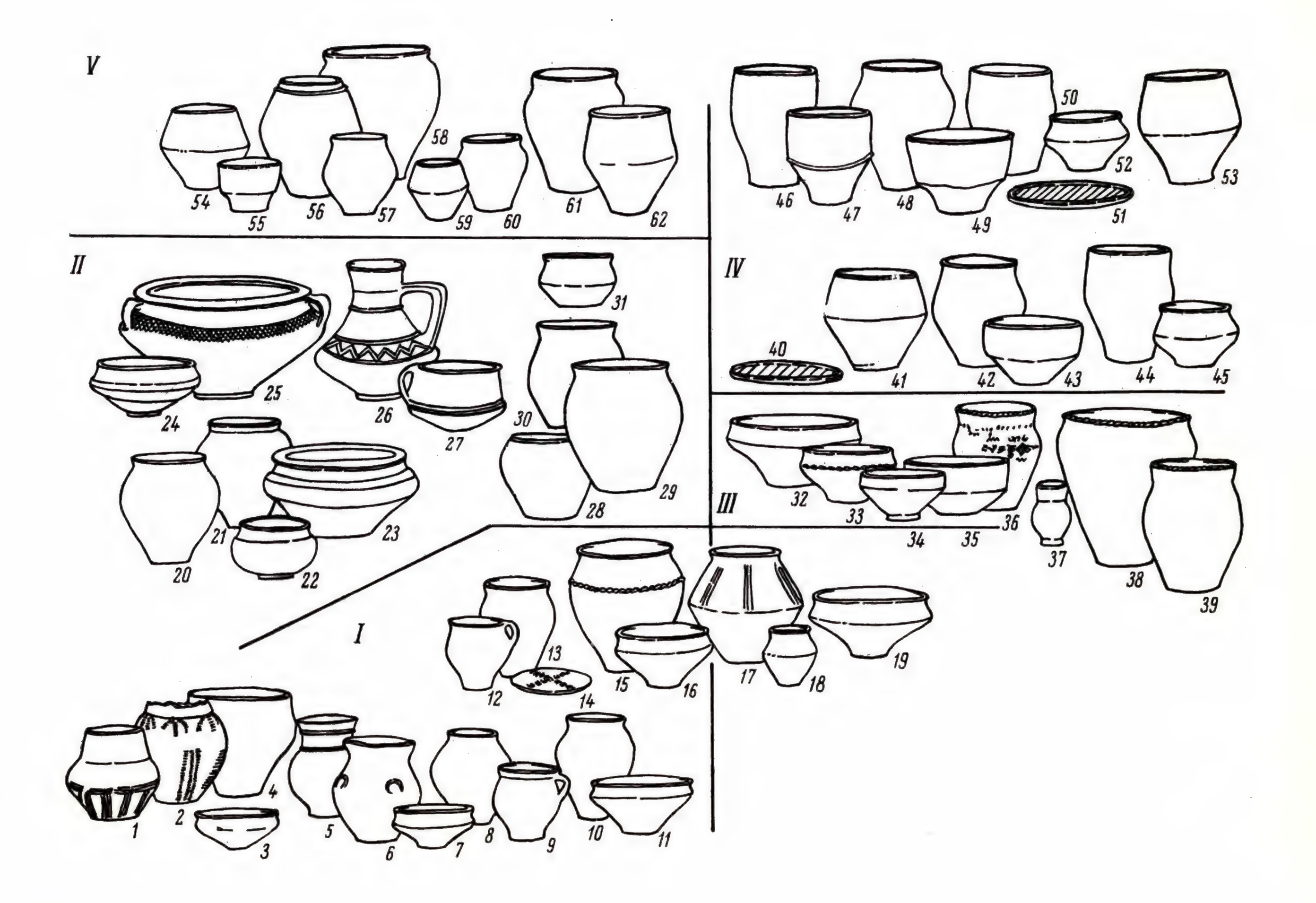
В нашей литературе относительно городища Колочин I высказывается нередко, на мой взгляд, ошибочное суждение. Оно ставится в один ряд с верхнеднепровскими городищами-убежищами типа Банцеровщины—Тушемли, принадлежавшими местным балтийским племенам конца I тыс. н. э. В этом видят один из основных аргументов в пользу того, чтобы считать балтами обитателей не только городища Колочин I, но и всех селищ и городищ южных областей Белоруссии, а также людей, захороненных в могильниках типа Новобыховского, Нижнетощицкого или Таймановского.[19]

Сходство между Колочинским I и названными выше верхнеднепровскими городищами ограничивается, однако, только тем, что в том и другом случае мы имеем дело с городищами-убежищами, сохранившими следы деревоземляных стен. И там и здесь на городищах были встречены остатки запасов продовольствия в виде сгоревшего зерна. Иными словами, функционально Колочинское I и верхнеднепровские городища действительно были одинаковы, являясь убежищами, куда население пряталось при приближении военной опасности. Но следует ли отсюда делать вывод, что они были однородными и в этническом отношении? Думаю, что нельзя. Колочинское I городище и синхроничные ему селища и могильники с трупосожжениями Белорусского Поднепровья принадлежали потомкам зарубинецких племен. Северные городища-убежища типа Банцеровщины—Тушемли—Слободы-Глушицы и т. д. были сооружены старым балтийским днепровским населением. В середине и третьей четверти I тыс. его культура подверглась уже значительному воздействию со стороны славян, потомков зарубинецких племен. Но черты различия между ними сохранялись в течение еще многих столетий.

Об этом говорят прежде всего совершенно неодинаковые формы жилых сооружений: землянки с открытым очагом на полу у потомков зарубинецких раннеславянских племен и наземные столбовые постройки у обитателей Северного Поднепровья. Менее заметной была разница в керамике. Судя по среднему слою городища Тушемля, местная керамика уже в первые века новой эры испытала на себе значительное влияние посуды зарубинецкого раннеславянского населения. В середине I тыс. и позднее в ходе ассимиляции местного населения пришельцами различие форм и характера керамики в обеих частях Поднепровья еще более стиралось. Но разница все же оставалась, что следует хотя бы из сравнения

[19] *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. — МИА, 1970, № 163, с. 48, 62, 84 сл.

Сымонович Э. А. Раннесредневековая культура лесной полосы Поднепровья (типа Колочин—Акатово) и ее место в славянском этногенезе. — Slavia antiqua, 1975, t. 22, s. 17—28. — *Прим. ред.*

V
54 55 56 57 58 59 60 61 62
46 47 48 49 50 51 52 53
II
24 25 26 27 28 29 30 31
20 21 22 23
IV
40 41 42 43 44 45
III
32 33 34 35 36 37 38 39
I
12 13 14 15 16 17 18 19
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11

форм грубой лепной посуды Колочинского I и северонепровских городищ.[20]

В заключение, чтобы не возвращаться больше к городищу Колочин I, укажу, что, по моему мнению, его следует сравнивать не столько с городищами-убежищами Северного Поднепровья, являвшимися нередко одновременно языческими святилищами, сколько со схожими по устройству раннесредневековыми убежищами бассейна Припяти, исследованными Ю. В. Кухаренко у сел Хотомель и Бабка. Они были, правда, значительно более поздними.[21] Но в том, что эти городища являются остатками славянской культуры, никто не сомневается. Керамика с валиком под венчиком, происходящая из городища Хотомель, по-видимому, из его раннего слоя, близка такой же посуде из Колочинского I городища и одновременных ему поднепровских селищ. Наиболее поздние слои городища Хотомель не менее чем на два-три века моложе Колочинского I городища. Но и убежища Северного Поднепровья — Тушемля, Городок, Слобода-Глушица — тоже моложе его приблизительно на такой же отрезок времени. Лишь городище у д. Демидовки, раскопанное Е. А. Шмидтом, возможно, синхронично городищу Колочин I. По керамике оно тоже очень близко древностям южных частей Верхнего Поднепровья, хотя наличие круглого святилища тушемлинского типа как будто делает его этническую атрибуцию бесспорной.[22]

V

Не менее отчетливая картина преемственности развития культуры, в основе которой лежала культура зарубинецких племен, прослеживается по материалам восточной окраины Верхнего Поднепровья — Подесенья (рис. 6, *III*). В этой области, исследованной первоначально главным образом местными археологами, в 60-е—начале 70-х гг. работала Деснинская экспедиция Инсти-

[20] *Сымонович Э. А.* Городище Колочин I ..., с. 119, 122; *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963, с. 69.

[21] *Кухаренко Ю. В.* Средневековые памятники Полесья. — САИ, 1961, вып. ЕI-57, с. 8—10, 22—27, 34—37.

[22] *Шмидт Е. А.* Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тыс. н. э. — МИА, 1963, № 108, с. 51—56.

Рис. 6. Сравнительная таблица керамики зарубинецкой и более поздних культур Поднепровья.

I — зарубинецкая культура II в. до н. э.—I в. н. э.: *1* — мог. Велемичи; *2* — мог. Пуховка; *3, 4, 7* — мог. Корчеватовский; *5, 6* — мог. Зарубинцы; *8, 10—19* — городище и могильник у с. Чаплин; *9* — селище Великие Дмитровичи. *II* — черняховская культура III—IV вв. н. э.: *20—27* — мог. Черняхов; *28, 29* — мог. Овчарня (совхоз Приднепровский); *30* — мог. Ново-Александровка; *31* — мог. Коблево. *III* — почепские древности Подесенья: *32, 35* — селище Спартак; *33, 34, 36—39* — селище Почепское. *IV* — раннесредневековая славянская культура южной части Верхнего Поднепровья (V—VII вв. н. э.): *40—45* — селище Посудичи; *46, 47* — городище Колочин I; *48—52* — селище Смольянь; *53* — городище Макча. *V* — пеньковская культура (VI—IX вв. н. э.): *54* — из района с. Волошского; *55—58* — селище Луг I у с. Пеньковка; *59—62* — селище Семенки (*1—19, 28—62* — лепная керамика; *20—27* — гончарная).

тута археологии АН СССР под руководством автора этих строк, основной задачей которой было изучение древностей I тыс. н. э.

Первый бесспорно зарубинецкий памятник, обнаруженный в начале 50-х гг. в Подесенье, далеко на северо-востоке, — Почепское селище на правом притоке Десны — р. Судости. Его хорошо аргументированная дата, подтверждаемая серией фибул, — I—II вв. В результате раскопок, произведенных Ф. М. Заверняевым, выяснилось, что культура обитателей селища не имела ничего общего с культурой местных племен, представленной в Подесенье поздними городищами и селищами юхновского типа. И напротив, культура Почепского селища сохраняла живые зарубинецкие традиции, что сказывалось в формах и приемах домостроительства, в керамическом материале, в обычае носить трапециевидные подвески и фибулы тех самых форм, которые явились позднейшими на поселениях и в могильниках зарубинецкого времени в областях Среднего Поднепровья.

Все жилища, остатки которых были обнаружены при раскопках на Почепском селище, являлись прямоугольными землянками. В ямы были опущены срубы. По-видимому, четырехскатные кровли опирались на вкопанные в землю вертикальные опорные столбы, поставленные в центре каждой постройки. Рядом с центральным столбом располагался открытый очаг. Для предохранения от огня нижние части опорных столбов обмазывались глиной. В результате раскопок в руки исследователя попала обширная коллекция железных, бронзовых и глиняных изделий позднезарубинецких типов, повторяющая формы, бытующие в начале новой эры в Среднем Поднепровье. Эта коллекция близко напоминает находки из среднеднепровского поселения Таценки или из позднезарубинецких селищ по р. Трубежу в Левобережье.

Связи обитателей Почепского селища с югом доказываются наличием предметов далекого импорта, таких как печатка в виде фигурки льва из александрийской пасты, обломок краснолакового сосуда и античный туалетный пинцет.[23]

В ходе работ Деснинской экспедиции были обнаружены и другие зарубинецкие поселения рубежа и первых веков I тыс. Они оказались здесь повсеместно: в самих верховьях Десны, уже в пределах Смоленской области, севернее и южнее Брянска и в районе Новгорода-Северского. Несколько пунктов обнаружено на берегах р. Судости, в верхнем течении которой расположено Почепское селище.[24] В поречье Нижней Десны лежала восточная окраина древней зарубинецкой территории. Зарубинецкие древности были известны там еще В. В. Хвойке. Их продолжают находить и в настоящее время.

Если сравнить материалы зарубинецких могильников и поселений Среднего Поднепровья с результатами исследований Почепского селища, наконец, с материалами упомянутого выше

[23] *Заверняев Ф. М.* Почепское селище. — МИА, 1969, № 160, с. 88—118.
[24] *Заверняев Ф. М.* Селища бассейна р. Судости. — СА, 1960, № 3, с. 180—194.

верхнеднепровского поселения Абидня, станет очевидным, что они образуют как бы единый генетический тип. Его стройность существенно не нарушается, вследствие того что в Белорусском Поднепровье и в бассейне Десны зарубинецкое население встретило несколько различный субстрат. В первые века новой эры роль последнего в формировании культуры, вероятно, почти не сказывалась. Она возросла лишь в последующее время в связи с нарастающим процессом ассимиляции местного населения пришельцами, ранними славянами, а также вследствие усвоения пришельцами некоторых элементов местной культуры.

Главной задачей Деснинской экспедиции были поиски и исследование древностей второй и третьей четвертей I тыс. н. э. До работ экспедиции они оставались на Десне почти неизученными, известными лишь по отдельным находкам и небольшим раскопкам, коснувшимся преимущественно остатков культуры VI—VII вв. или еще более поздних — древнерусских. В ходе работ экспедиции значительные участки поречья Десны в верхнем, среднем и нижнем ее течении и берега некоторых правобережных притоков подвергались обследованию, в результате чего были обнаружены места более чем 50 поселений I тыс. и несколько могильников с трупосожжениями того же времени. Более чем в 15 пунктах произведены раскопки, иногда значительные, чаще же небольшие, но достаточные для определения и характеристики культуры оставившего их населения.[25]

На первый взгляд, деснинские древности второй четверти I тыс. представляются весьма однородными. Как в верхнем, так и нижнем течении реки поселения располагались в схожих топографических условиях: недалеко от воды, на краю невысоких террас или на возвышенностях в пределах поймы. Площадь поселений была, как правило, мала — 1.5—2 тыс. м^2. Они имеют бедный культурный слой, более интенсивный лишь на местах расположения жилых и хозяйственных построек. Количество жилищ в пределах такого небольшого поселения невелико — 5—7. Обычно жилища группировались очень тесно, почти вплотную одно к другому. Особый участок на поселении занимали хозяйственные постройки, главным образом ямы колоколовидной формы. Названные поселки располагались обычно тесными группами — по 5—7, даже 10 — на расстоянии 0.5—2—4 км друг от друга. Это отражало, видимо, особенности общественной структуры населения того времени: маленький поселок принадлежал большой семье-общине; группа поселков являлась селом — сельской или территориальной общиной.

Указанная группировка маленьких поселений зафиксирована в разных местах Подесенья: в верхнем течении реки к северу от г. Брянска, в Среднем Подесенье выше и ниже Новгорода-

[25] *Амброз А. К.* К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. — СА, 1964, № 1, с. 56—71; *Третьяков П. Н.* Древности второй и третьей четвертей I тыс. н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье. — РВД, 1974, с. 40—118.

Северского, около Чернигова, в низовьях реки. Остатки поселений обнаружены также на деснинских притоках — Судости, Убеди, Снове, Остре и др., более мелких.

Около некоторых поселений удалось обнаружить могильники, также обычно очень небольшие, содержащие лишь по нескольку захоронений результатов кремации. Крупных раннеславянских могильников с многими десятками захоронений, которые имелись в третьей четверти I тыс. в более южных областях, в частности в Курском Посеймье,[26] на берегах Десны пока неизвестно. Возможно, они будут найдены на притоках Десны, например на р. Судости, где наряду с маленькими поселками имеются остатки и значительных поселений второй половины I тыс. с мощными культурными наслоениями, свидетельствующими о длительном обитании людей на одном месте.[27] На берегах р. Десны большие поселения I тыс. и периода Древней Руси с мощными наслоениями встречены лишь в некоторых пунктах. За редкими исключениями, они не подвергались исследованиям.[28]

Раскопки были произведены на деснинских поселениях разного возраста: второй, третьей и начала последней четверти I тыс. (рис. 7—13). Основанием для определения времени памятников служили фибулы и некоторые другие предметы, время которых с большей или меньшей точностью могло быть определено. Для сравнительной хронологии благодарным материалом являлась керамика. Из столетия в столетие она теряла свои архаичные черты, восходящие к посуде зарубинецкой культуры, и постепенно приобретала облик, свойственный посуде раннесредневекового времени.

Здесь следует указать, что в археологической литературе керамика верхнеднепровских и деснинских поселений второй и третьей четвертей I тыс. получила не совсем правильную характеристику. Она изображалась как однородная, по форме тюльпановидная или цилиндроконическая, нередко с ребром на половине высоты.[29] В действительности же в позднезарубинецкое и последующее время формы керамики в Верхнем Поднепровье и Подесенье были разнообразными, и преобладала среди них отнюдь не тюльпановидная или цилиндроконическая, а обычная баночная, с отогнутым наружу венчиком, выпуклым туловом, иногда биконическим, и относительно узким плоским дном. В большинстве случаев эти формы являются дальнейшим развитием форм заруби-

[26] *Липкинг Ю. А.* Могильники третьей четверти I тыс. н. э. в Курском Посемье. — РВД, 1974, с. 136—152.

[27] *Заверняев Ф. М.* Селища бассейна р. Судости, с. 180—194. — В 50-х гг., когда Ф. М. Заверняев обследовал берега р. Судости, ему не были известны древности середины и третьей четверти I тыс. н. э. Они не отделялись им от роменских.

[28] *Горюнов Е. А.* Поселение у с. Чулатово. — КСИА, 1971, вып. 125, с. 41—45; *Падин В. А.* Раскопки поселения в урочище Макча близ Трубчевска. — СА, 1969, № 4, с. 208 сл.

[29] *Русанова И. П.* О керамике раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 143—150.

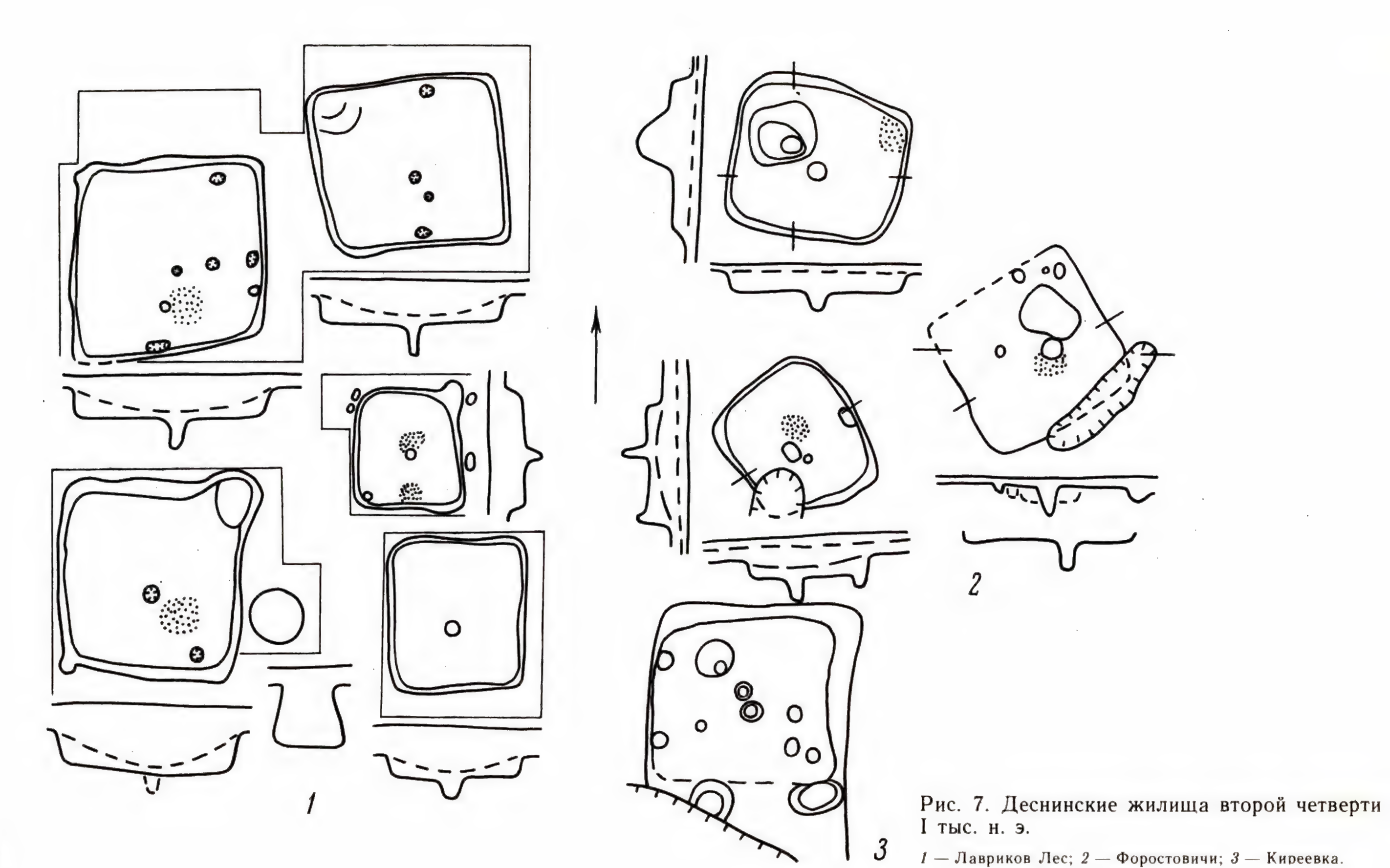

Рис. 7. Деснинские жилища второй четверти I тыс. н. э.

1 — Лавриков Лес; *2* — Форостовичи; *3* — Киреевка.

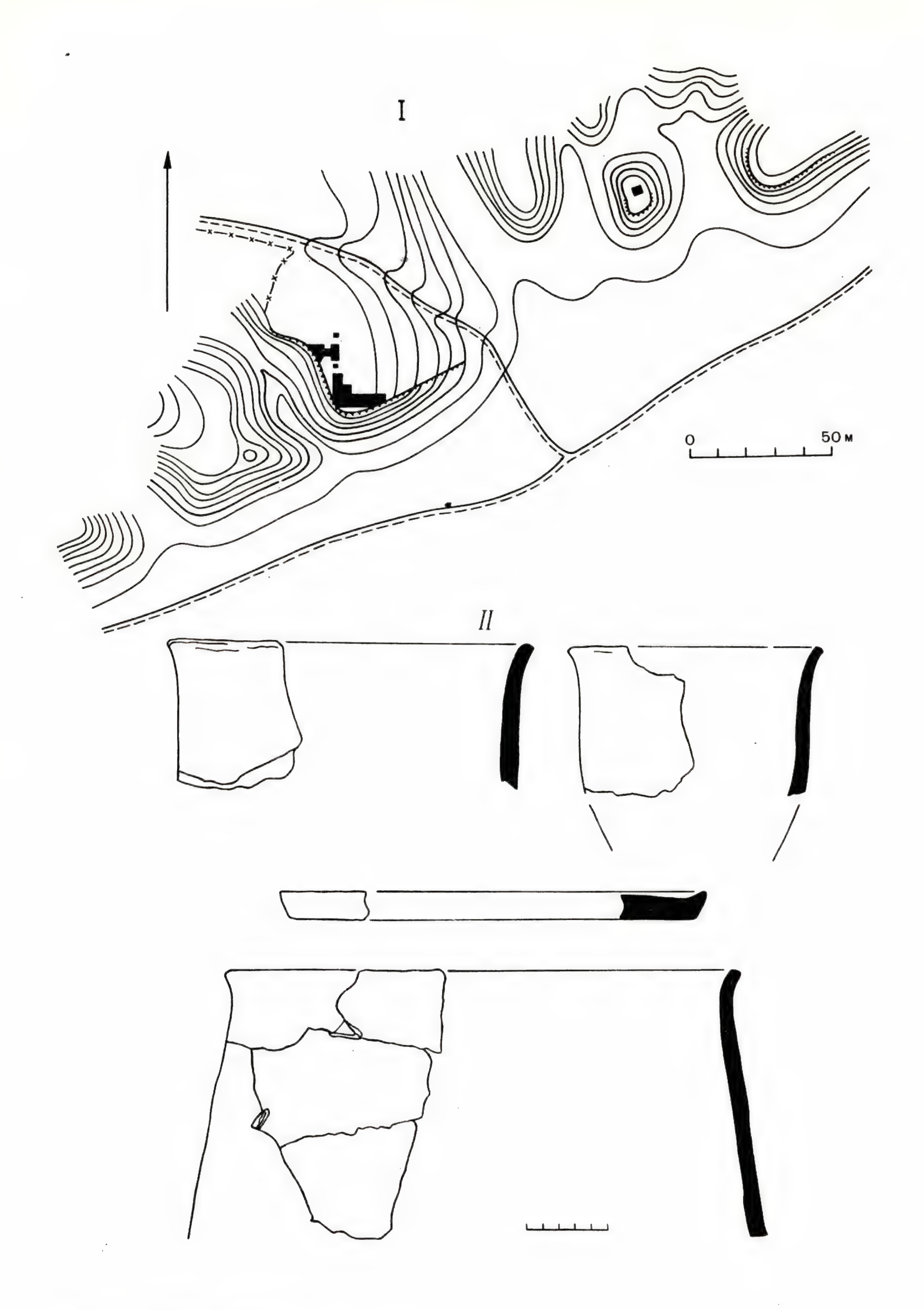

Рис. 8. Селище Вишенки.

I — схематический план; *II* — лепная керамика.

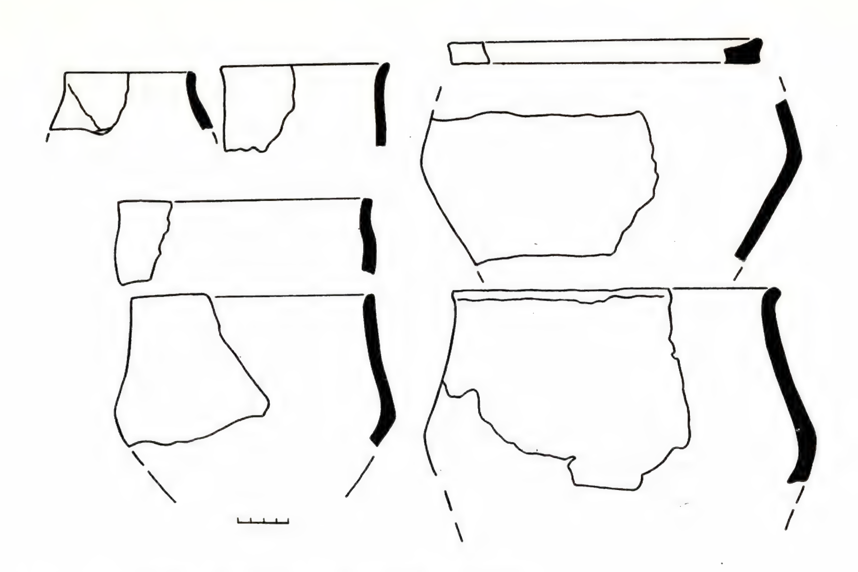

Рис. 9. Лепная керамика с поселения Посудичи.

нецкой посуды. Тюльпановидные формы следует рассматривать, как сказано выше, в виде наследия верхнеднепровских балтов.

Жилища, обнаруженные при раскопках поселений, почти все оказались одинаковыми (рис. 7). Это были квадратные землянки без печей со следами открытых очагов на полу. Размеры землянок в среднем 3.5×3.5 или 4×4 м; глубина ям, составлявших подземную часть жилища, от 0.5 до 0.8 м. Особенность конструкции деснинских жилищ-землянок — наличие массивного столба, стоявшего в центре пола около очага, поддерживавшего кровлю, вероятно четырехскатную. Таковы жилища всех деснинских позднезарубинецких поселений, в том числе Почепского. На поселениях конца второй четверти и середины I тыс. тоже встречены жилища лишь данной конструкции. Примером может служить поселение Лавриков Лес около с. Дехтеревка ниже Новгорода-Северского, которое датируется фибулой IV—V вв. Все пять землянок, исследованных в этом пункте, имели открытые очаги и центральные столбы (рис. 7, *1*). Подобная конструкция была у землянок и других окрестных поселений этого времени: Заярья, Левкина Бугра, Стрелицы.

В конце третьей или в начале четвертой четверти I тыс., еще в дороменское время, на Десне появились землянки иного устройства — с двухскатной кровлей и печью в углу, характерные в период средневековья для всего славянского мира. При раскопках поселения около д. Смольянь выше г. Брянска, относящегося, по данным радиоуглеродного анализа, к VI—VII вв., автором этих строк была вскрыта компактная группа из пяти жилищ

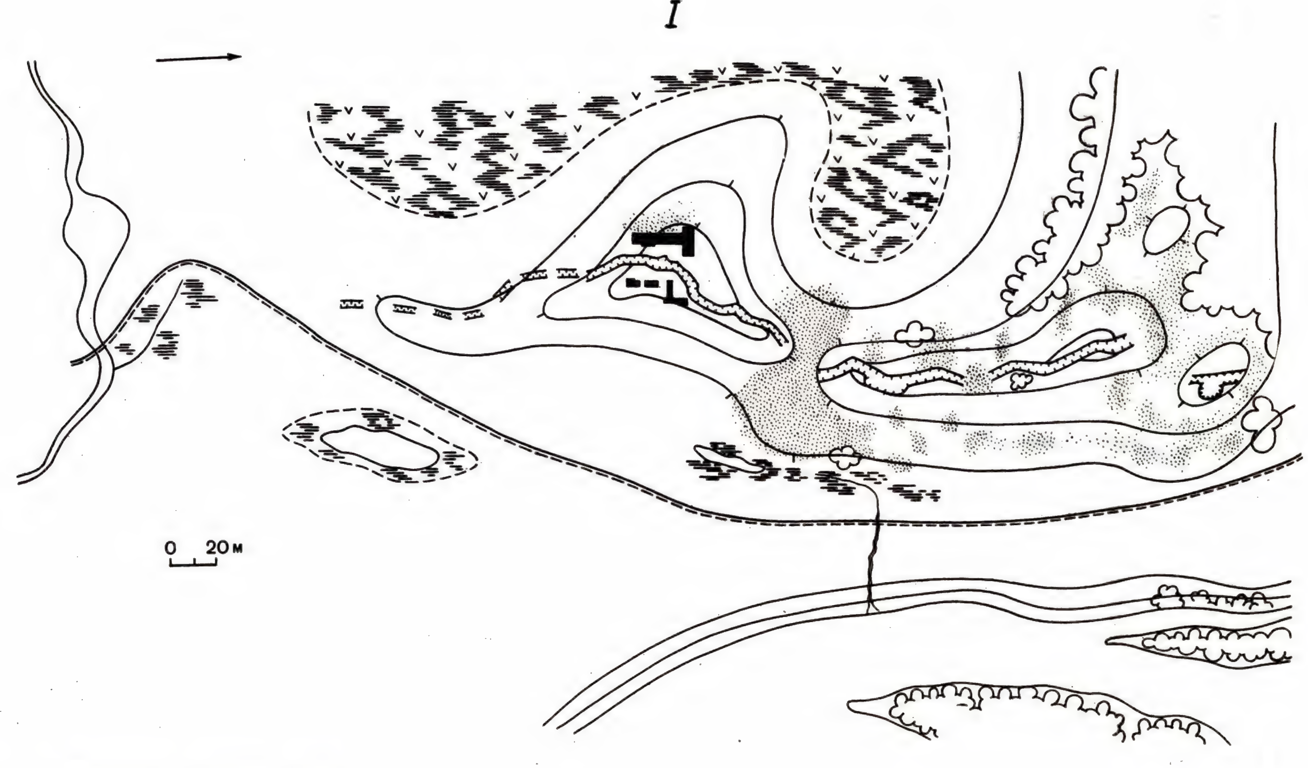

Рис. 10. Поселение Целиков Бугор.

I — схематический план.

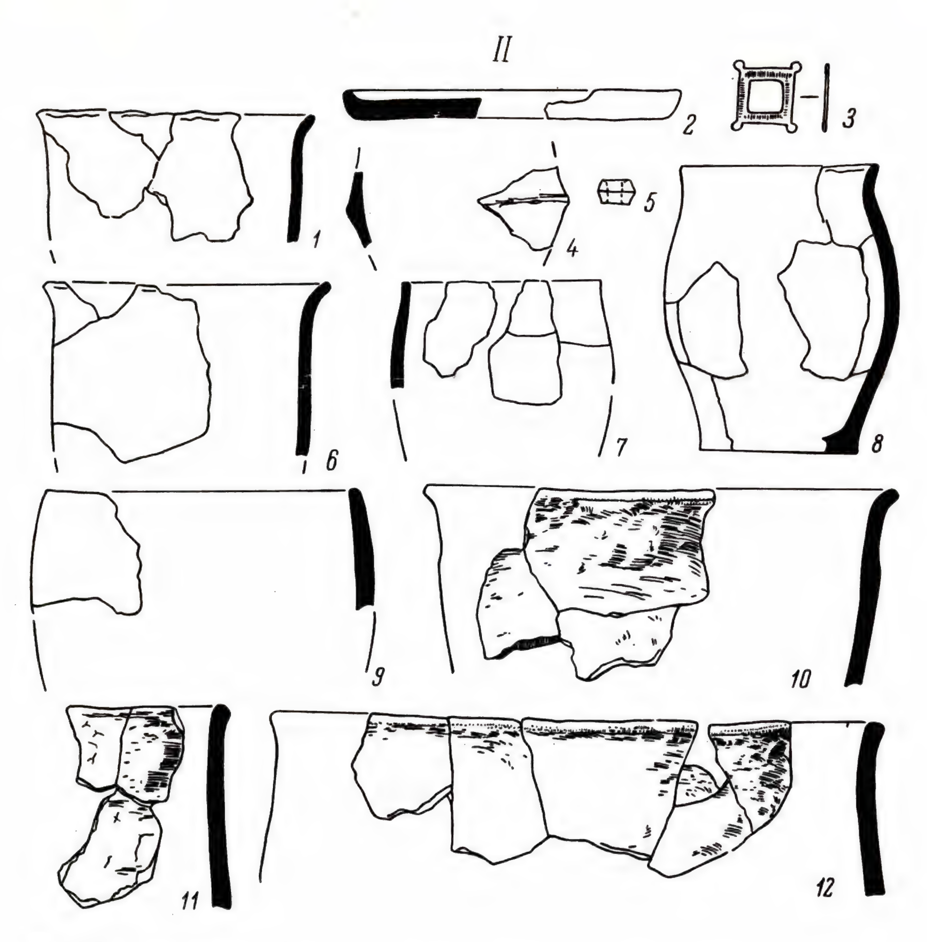
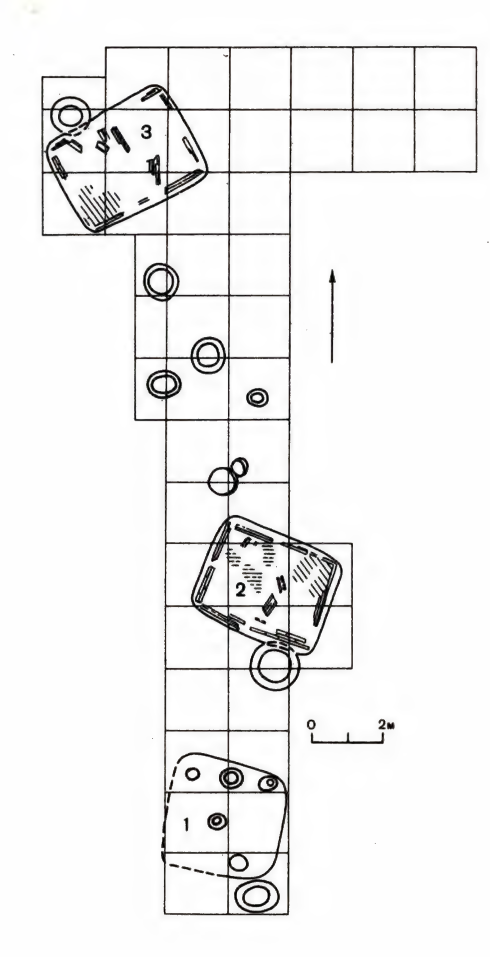

Рис. 10. (*продолжение*).

II — лепная керамика (*1, 2, 4, 6—12*); *3* — бронзовая пряжка; *5* — глиняное пряслице из жилища 1.

разного устройства: с очагом в центре помещения или печью в углу, с центральным столбом или без него, — что свидетельствовало о преемственности в развитии двух конструкций жилища, о постепенной смене жилищ старого типа более совершенными.

На других поселениях третьей четверти I тыс. землянки всегда имели печь или каменку, иногда сложенную из глыб железной руды или глинобитную, свод которой составляли глиняные сырцовые кирпичи разных форм: конусовидные, яйцевидные и др. Такие печи встречены в землянках на городище Макча около г. Трубчевска, на урочище Целиков Бугор в устье р. Смячи выше Новгорода-Северского, в поздней землянке поселения на урочище Стрелица у с. Дехтеревка (рис. 11).

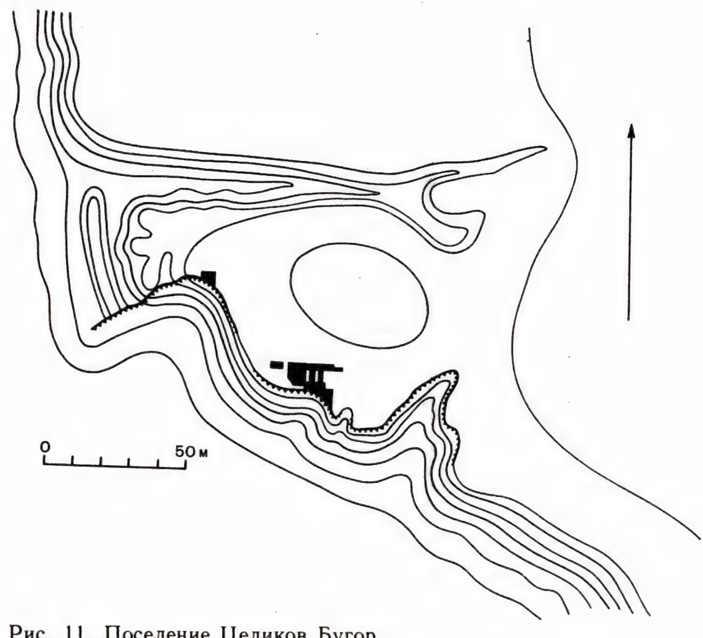

Рис. 11. Поселение Целиков Бугор.
План раскопа с жилищами *1—3*.

Рис. 12. Схематический план поселения Форостовичи.

Кроме остатков жилищ на древних деснинских поселениях имеются хозяйственные ямы. Обычно они круглые в плане, расширяющиеся к плоскому дну. Диаметр их дна и глубина около 1 м. На поселениях ямы группировались, как правило, в одном месте, в стороне от жилищ. Отдельные ямы располагаются рядом с жилищами, а иногда и внутри их. Около некоторых хозяйственных ям найдены следы перекрытия — это углубления от столбиков, окружавших яму. Стоявшие в них столбики были наклонены внутрь, что свидетельствует о конической форме перекрытия. Встречаются на поселениях также участки, занятые столбовыми ямами, — вероятно, остатки легких столбовых построек типа навесов.

Количество находок, обнаруженных при исследовании деснинских жилищ и поселений в целом, очень невелико. Это отдельные изделия из железа (ножи, острия, булавки), единичные — из бронзы (маленькие колечки, бляшки и др.). Очевидно, бронзы в быту было очень мало: даже фибулы во второй четверти I тыс. изготовлялись преимущественно из железа. Костяные предметы, как правило, не сохранялись в песчаном грунте надпойменных террас или дюнных всхолмлений в пойме. Обильны лишь обломки керамики, преимущественно от крупных грубых сосудов — зерновиков. В большом количестве встречены глиняные пряслица. В некоторых землянках их найдено 7—8 экз. Все они одинаковы по форме — биконические, как и в зарубинецкое время.

Исследованные на Десне остатки могильников середины I тыс. н. э. в основных чертах повторяют синхроничные древности Белорусского Поднепровья, отличаясь от них лишь миниатюрными размерами. Очевидно, каждая патриархальная община имела свое кладбище. За редкими исключениями, могильники являлись безынвентарными. Сожженные кости помещались в небольшие ямы, округлые или овальные, а иногда, как и в Белорусском Поднепровье, в длинные, в рост человека. Наличие погребальных ям таких форм и размеров было характерно еще для раннего зарубинецкого времени. Переживание двух типов ям в середине и третьей четверти I тыс. является одной из древних зарубинецких традиций в погребальном обряде.

Могильники позднезарубинецкого времени (I—III тыс.) на Десне пока не обнаружены. По мнению некоторых исследователей, их отсутствие служило основанием для отличия деснинских древностей данного периода от зарубинецких (эти древности предлагали называть почепскими по имени Почепского селища). Теперь, после открытия на Десне нескольких могильников середины I тыс., сохраняющих явные зарубинецкие традиции, стало очевидным, что отсутствие могильников времени Почепского селища является не более чем лакуной в наших знаниях, которая постепенно заполнится.

Основной вывод, который, по моему мнению, следует из анализа верхнеднепровских и деснинских древностей, — установление факта преемственности жизни населения в данной области в тече-

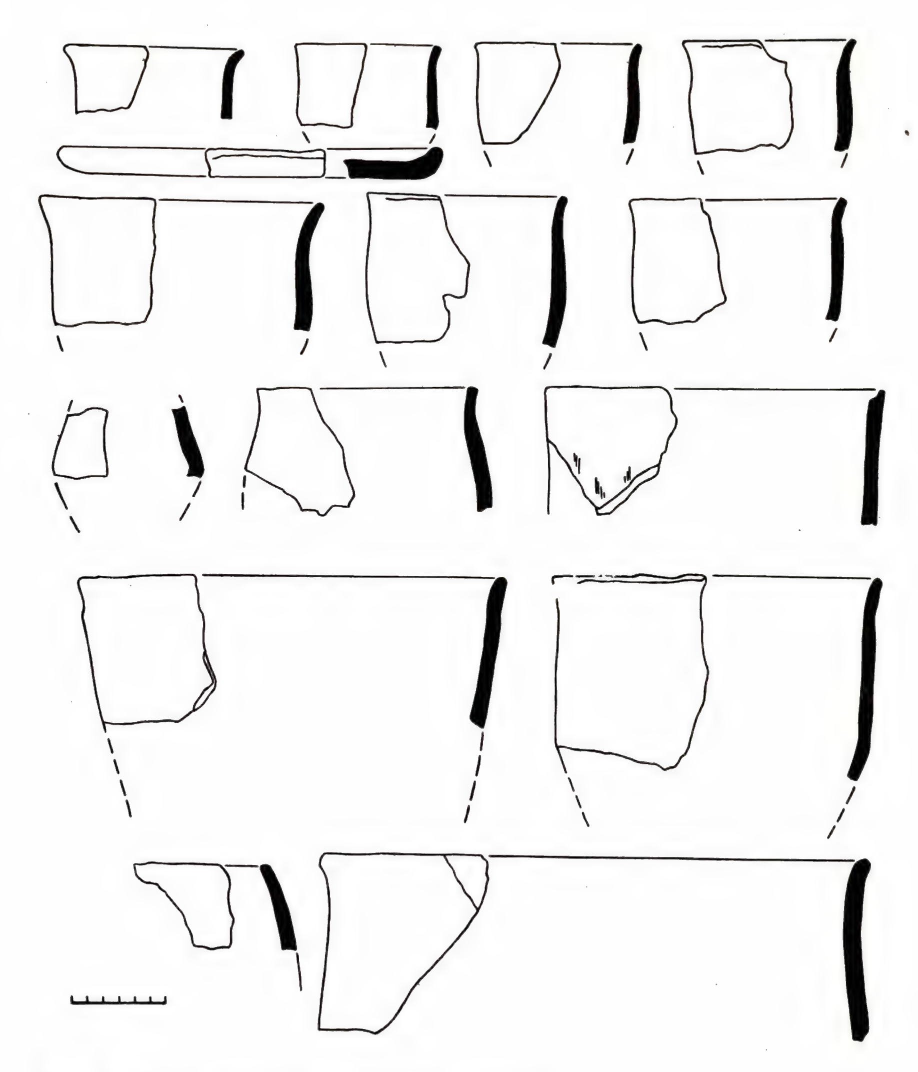

Рис. 13. Лепная керамика с поселения Смольянь.

ние почти всего I тыс. В продолжение указанного времени население продолжало сохранять в своей культуре старые зарубинецкие традиции, до середины I тыс. достаточно отчетливые, позднее — затухающие. В последней четверти I тыс. эти традиции были основательно нарушены в результате славянского раннесредневекового расселения с севера на юг, речь о котором пойдет ниже. Последней волной расселения являлось движение на юг племен из верховьев Днепра и более восточных местностей, уже погло-

тивших мощный балтийский субстрат, в результате чего в их среде сложилась так называемая роменско-боршевская древнерусская сельская культура.[30]

VI

За последнее время исследователей стала привлекать зона пограничья между племенами с черняховской культурой и их северными соседями. И действительно, древности этой зоны заслуживают всяческого внимания. Они позволяют если не ответить на все вопросы истории и взаимоотношений черняховского и окрестного раннеславянского населения, то во всяком случае подойти к решению некоторых из них.

Наиболее отчетливо зона пограничья вырисовывается в настоящее время в Днепровском Левобережье, где несколько южнее нижнего течения Десны и в низовьях Сейма имеются остатки многих поселений со смешанной культурой, что особенно ясно вытекает из керамического материала. Грубая лепная посуда, близкая более северной, на этих поселениях находится в одном слое с черняховской — гончарной. Имеются очаги, в под которых были вмазаны обломки той и другой керамики — лепной и черняховской кружальной. Э. А. Сымонович рассматривает такие поселения как черняховские, перечисляя их вместе с черняховскими в общем списке.[31]

По моему мнению, так делать нельзя. Лепная керамика левобережных поселений со смешанной культурой второй четверти и середины I тыс. почти не отличается от посуды описанных выше деснинских и верхнеднепровских поселений. В некоторых пунктах в районе г. Курска на поселениях со смешанной культурой оказались остатки жилищ-землянок со столбом в центре и с открытыми очагами, таких же как деснинские. Очевидно, при встрече населения с различными культурами — северной и черняховской — первое попадало под влияние второго, а не наоборот. Это неизбежно вытекало из ремесленно-торговой основы черняховской культуры и более примитивного натурального хозяйства — фундамента экономики раннеславянских племен того времени. Черняховская культура выступала здесь активной стороной, ее элементы проникали в среду более северного славянского населения и маскировали южную границу его распространения. Создавалось впечатление, что граница между двумя группами населения проходила севернее, чем на самом деле.

Примером поселения со смешанной культурой является в Курском Посеймье известное Авдеевское селище — первый исследо-

[30] *Третьяков П. Н.* Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки. — СА, 1969, № 4, с. 78—90.

[31] *Сымонович Э. А.* Северная граница памятников черняховской культуры. — МИА, 1964, № 116, с. 7—43; *Горюнов Е. А.* Некоторые вопросы истории Днепровского лесостепного Левобережья в V—начале VIII в. — СА, 1973, № 4, с. 103—104.

ванный памятник такого рода, где в основном слое черняховская керамика, изготовленная на гончарном круге, встречена вместе с посудой, вылепленной вручную, по форме и фактуре близкой деснинской. В частности, среди лепных сосудов имеется немало обломков горшков биконической формы с ребром на половине высоты. Их поверхность нередко выглажена, иногда подлощена. Остается добавить, что погребения с трупосожжениями, открытые около Авдеева, кажется, также не отличаются от соответствующих деснинских. В своей статье об Авдеевском селище А. Е. Алихова назвала и некоторые другие аналогичные древности Посеймья.

Ошибка А. Е. Алиховой в их оценке состояла в том, что эти поселения рассматривались не как локальное явление — результат смешения двух различных культур в полосе пограничья, а как хронологическое, якобы отражавшее процесс превращения (перерождения) черняховской культуры в раннесредневековую восточнославянскую. В соответствии с этим дата Авдеевского селища «растягивалась» ею и Э. А. Сымоновичем от черняховского периода до VII в. и более позднего времени.[32]

И. И. Ляпушкин, много лет проводивший исследования на левом берегу Среднего Днепра, в свое время рассматривал лепную керамику из Авдеева в качестве роменско-боршевской конца VIII—X в., а само селище как двухслойный памятник с нижним черняховским слоем и верхним роменско-боршевским.[33] В настоящее время ошибочность этих оценок вполне очевидна. Лепная керамика из основного слоя Авдеева заметно отличается от роменско-боршевской. Она не такая грубая, хуже обожжена; ее поверхность иногда подлощена. И формы ее, как видно из публикаций А. Е. Алиховой, совсем иные. Роменско-боршевская посуда VIII—X вв. составляет содержание верхнего, нарушенного слоя Авдеевского селища.

Точно так же нельзя согласиться с оценкой, данной И. И. Ляпушкиным поселению середины I тыс. у с. Беседовка в верховьях р. Сулы. Исследовавшая этот памятник еще в 1949 г. Е. В. Махно правильно определила, что грубая лепная керамика, находящаяся в Беседовке вместе с гончарной черняховской, представляет собой явление новое, тогда еще незнакомое археологам.[34] Ляпушкин оставил эту керамику без внимания, рассматривая Беседовку лишь как черняховское поселение.[35] В действительности же поселение в Беседовке, являющееся городищем, чем никогда не бывают черняховские поселения, относится к северной деснинской культуре, усвоившей некоторое количество черняховской посуды,

[32] *Алихова А. Е.* Авдеевское селище и могильник. — МИА, 1963, № 108, с. 68—84; *Сымонович Э. А.* Новые открытия в селищах Авдеево и Воробьевка 2 возле г. Курска. — РВД, 1974, с. 153—158.

[33] *Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. — МИА, 1961, № 104, с. 159, 160.

[34] *Махно Є. В.* Розкопки на поселеннях першої половини I тисячоліття н. е. в верній течеії Сули. — АП, 1956, т. 5, с. 81—85.

[35] *Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное Левобережье ..., с. 160.

сделанной на гончарном круге. Об этом свидетельствует не только отличающаяся от роменской грубая лепная посуда с примесью шамота в глине, составляющая значительный процент керамического материала из Беседовки (рис. 14, *8—15*), но и открытое там жилище-землянка с очагом на полу и вертикальным столбом в средней части помещения.

В работе Э. А. Сымоновича, где использованы более новые данные, перечисляется большее число поселений Левобережья с лепной и одновременной ей черняховской гончарной посудой, лежащих по северному черняховскому пограничью. Автор отмечает в качестве еще одной их яркой особенности — незначительные размеры и расположение компактными группами,[36] что, как мы видели, было характерно для культуры славянского Подесенья второй и третьей четвертей I тыс. Соседние, собственно-черняховские поселения отличаются в Левобережье от смешанных бо́льшими размерами и не располагаются тесными группами. Сымоновичем исследовано поселение Воробьевка 2. Там открыты поды очагов, в которые были вмазаны черепки посуды двух типов: черняховской и грубой лепной, что доказывает их одновременность. На этом же поселении при раскопках обнаружена землянка без печи с очагом на уровне пола и опорным столбом в центре помещения, аналогичная синхроничным деснинским.[37]

Некоторое время тому назад Е. В. Махно, много лет занимавшейся древностями черняховского времени в Левобережье, была опубликована схематичная карта Среднего Поднепровья, показавшая, что по северным окраинам черняховского ареала, в частности в Днепровском Левобережье, во второй четверти I тыс. лежала полоса поселений со смешанной культурой. Сравнительно узкая южнее поречья Нижней Десны и Западного Посеймья, эта полоса значительно расширялась на востоке, охватывая правый и левый берега Сейма, верховья Сулы, Псла, Ворсклы и Северного Донца. Махно правильно оценивала культуру данной полосы как результат влияния более передового черняховского населения на своих северных соседей.[38]

По-видимому, подобная же полоса поселений со смешанной культурой находилась в примыкающих к Днепру областях Правобережья. Северным соседом черняховцев были здесь, как мы видели, племена с культурой киевского типа — потомки местных зарубинецких племен, изучение которых только началось. В частности, здесь обстоятельно не исследовано еще ни одно поселение со смешанной культурой, но такие несомненно имеются.[39]

Особенно сложным был состав населения еще западнее — на Волыни, речь о чем уже шла выше. Одни исследователи говорят

[36] *Сымонович Э. А.* Северная граница ..., с. 33.

[37] *Сымонович Э. А.* Новые открытия в селищах Авдеево и Воробьевка 2 ..., с. 153—180.

[38] *Махно Є. В.* З історіі дослідження поселень черняхівської культури. — СРС, 1969, с. 28—34.

[39] *Кравченко Н. М.* Исследования в Киевской области, с. 281.

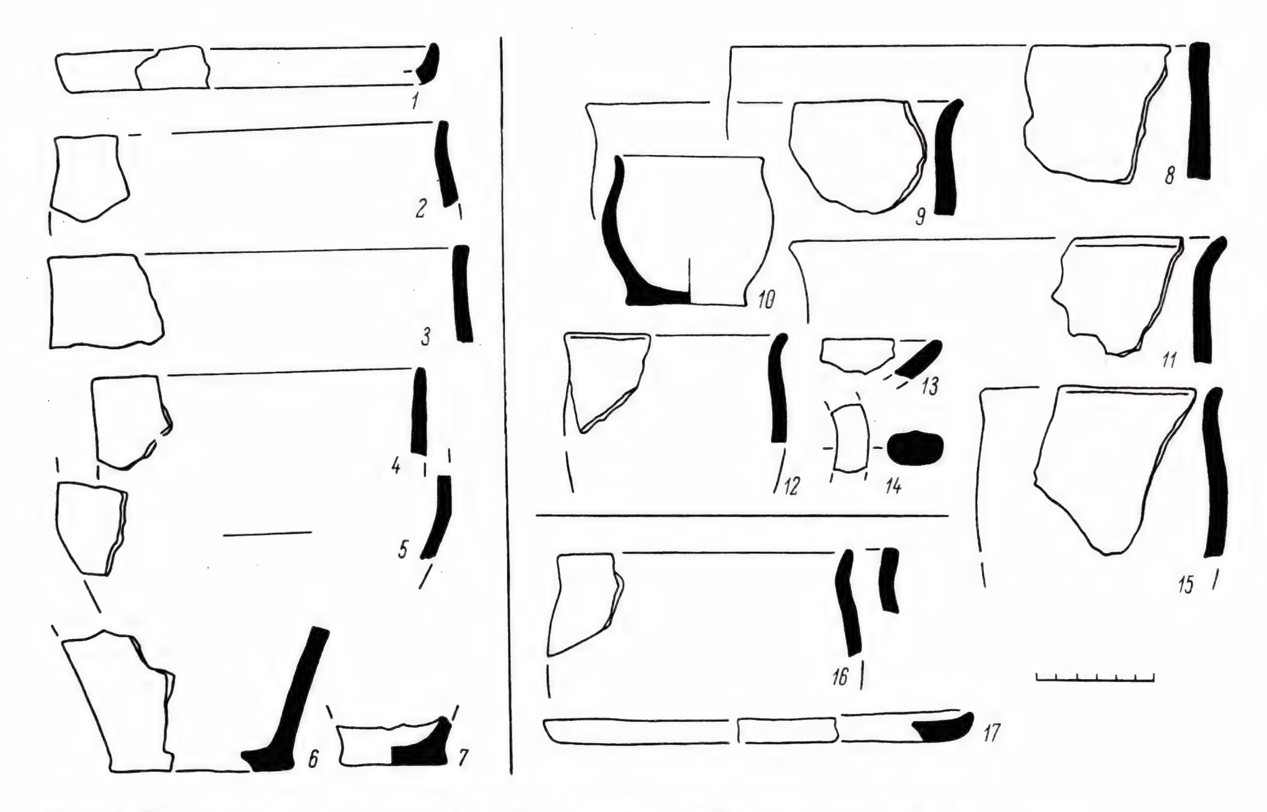

Рис. 14. Лепная керамика днепровских левобережных поселений середины I тыс. н. э.

1—7 — Раковая Сечь; *8—15* — Беседовка; *16, 17* — Правдюки (материалы разведочных работ Е. В. Махнор и Е. А. Горюнова).

об особой культуре, распространенной здесь во второй четверти I тыс., отличавшейся от черняховской; другие — о волынском варианте черняховской культуры. По мнению одних, нельзя забывать о проникшем сюда германском (готском) элементе. Другие высказываются в пользу того, что малопонятные местные жилища-землянки являются чуть ли не праобразом средневековых славянских полуземляных жилищ и что, следовательно, здесь следует искать важнейший центр раннесредневекового восточного славянства.

Мне представляется, что нет оснований говорить ни об особых волынских древностях второй четверти и середины I тыс., ни о волынском варианте черняховской культуры. Здесь обитало **пестрое население — местное** и пришлое (германское). Жили ли эти племена в пределах одной и той же территории в одно и то же время чересполосно или сменяли друг друга во времени, продвигаясь к югу, покажут дальнейшие исследования. Но во всяком случае такой устойчивой полосы с получерняховской культурой, которая определилась в областях Левобережья, тут, очевидно, не было. Здесь полоса со смешанной культурой, состоящей из разных компонентов, была «смята» движением готов на юг.

Выше, когда речь шла о полиэтничности черняховского населения, говорилось о том, что в составе черняховцев были, возможно, и славянские группировки — потомки наиболее южных зарубинецких племен. Люди, жившие вдоль северных черняховских окраин и усвоившие отдельные элементы черняховской культуры, являются наиболее вероятными кандидатами на эту роль. К таким же выводам приводят нас и результаты интересной работы Н. М. Кравченко о разных типах черняховских погребений с трупосожжениями. Оказалось, что зарубинецкие традиции в погребальных обрядах черняховского времени, связанные с трупосожжениями, были живучи главным образом на севере, на сравнительно неширокой черняховской окраине.[40]

Из этого можно сделать вывод, что роль славянских группировок в черняховской среде была сравнительно скромной. Славяне, располагавшиеся вдоль северной черняховской окраины, были отнюдь не создателями, а преимущественно потребителями черняховской культуры, некоторых ее элементов, в основном керамики, приобретаемой на рынке. В дальнейшем эти группировки со своей получерняховской культурой также не имели прочных перспектив в славянском мире. После середины I тыс. н. э. они без остатка растворились, очевидно, в среде своих северных соплеменников, предпринявших в этот период массовое переселение к югу, на прежнюю черняховскую территорию.

Лишь на первых порах в культуре передовой волны славянских переселенцев к югу, в значительной мере сформировавшейся

[40] *Кравченко Н. М.* К вопросу о происхождении некоторых типов обряда трупосожжения на черняховских могильниках. — КСИА, 1970, вып. 121, с. 44—51.

за счет населения южных славянских окраин, ощущалось былое соседство с черняховским миром. К этой теме мы еще вернемся в следующей главе.

VII

Более неясным остается вопрос о северном пограничье восточнославянского населения, проходившем в середине и второй половине I тыс. н. э. по верховьям бассейна Днепра и его периферии. Вопрос этот решается в археологической литературе по-разному в зависимости от различных представлений о времени и характере славянского расселения в Верхнем Поднепровье. По моим наблюдениям, как уже указывалось выше, раннеславянские зарубинецкие племена еще в первых веках новой эры продвинулись вдоль Днепра приблизительно до параллели г. Могилева, а по Десне — вплоть до ее верховьев. В дальнейшем они проникли еще севернее. Но полоса пограничья была, по-видимому, чрезвычайно нечеткой: по мелким притокам Днепра и Десны, в глубине водоразделов, долго сохранялись старые обитатели. Именно они донесли до позднего исторического времени балтийскую гидронимику. Протекавший в этих условиях процесс ассимиляции балтийского населения пришельцами-славянами был крайне неравномерным и завершился лишь через несколько столетий после первого появления здесь раннеславянских зарубинецких племен. Все это значительно усложнило освещение вопроса о зоне славяно-балтийского пограничья в разные века I тыс.

Действительно, какой критерий в археологическом материале в данных условиях следует положить в основу разделения днепровских славянских и балтийских древностей в середине и третьей четверти I тыс.?

Очевидно, для этой цели мало подходит керамика, ее характер и формы. Еще в позднезарубинецкое время керамика пришлого славянского населения оказала заметное влияние на местное гончарство. Среди аборигенного балтийского населения распространились тогда профилированные формы посуды и произошло ее разделение на кухонную и столовую. Вторая стала подвергаться лощению. Наряду с этим в пришлой славянской среде, у племен, проникших на север, керамика становилась более грубой, все больше похожей на местную. Для последней четверти I тыс. часто уже невозможно определить, с керамикой каких племен мы имеем дело — со славянской или оставленной субстратным населением.

Обычно при решении этнических вопросов археологам очень помогают предметы убора и украшения, как правило, долго сохраняющие свою этническую специфику. Но в данном случае и они не могут оказать воздействие в деле разделения культур, потому что в настоящее время этот материал в Верхнем Поднепровье для середины I тыс. крайне ограничен, а нередко и вовсе отсутствует, если не считать некоторых древностей третьей четверти I тыс.

Также недостаточно надежным материалом для разделения местных балтийских и славянских древностей являются погребальные памятники, иначе — погребальная обрядность. Во-первых, в погребальной обрядности славянских и балтийских племен было много общего. Те и другие племена в этот период сжигали своих умерших, а результаты кремации захоранивали в землю. Во-вторых, находящийся в нашем распоряжении материал крайне невелик. Мы располагаем для Верхнего Поднепровья не сериями погребальных памятников, а лишь единичными объектами. Остается до конца неясным, кому принадлежали — славянам или балтам — Кветунские курганы на Десне, Акатовские погребения на Смоленщине и захоронения близ с. Демьянки на Гомельщине.[41]

Единственное, что, по моему мнению, может послужить в настоящее время более или менее надежным и определенным критерием при разделении верхнеднепровских славянских и балтийских древностей середины и третьей четверти I тыс., — домостроительство, формы жилых построек — один из наиболее устойчивых этнических признаков, не связанный с ремеслом и долго сохранявший в балтийской и славянской среде дедовские традиции. У славян, как мы видели, это была квадратная землянка или, как часто говорят, полуземлянка. У днепровских балтов жилищами являлись столбовые наземные постройки, эволюционирующие от больших длинных домов к постройкам меньшего размера, прямоугольной формы. Колоколовидных ям для хранения продуктов, так характерных для славянских поселений начиная от зарубинецкого времени и вплоть до средневековья, в балтийской среде, по-видимому, не встречалось. Как и жилища-землянки, эти углубленные в землю сооружения у балтийского населения не практиковались или встречались очень редко.

Некоторую роль в качестве критерия при разделении славянских и балтийских древностей в ряде северных районов Верхнего Поднепровья может сыграть характер остатков поселений. У окраинных балтийских племен вплоть до середины I тыс. и позднее сохранялись, по-видимому, старые поселения-городища, тогда как славянские поселки в течение всего I тыс. повсюду были лишены каких-либо защитных сооружений. Единичные городища-убежища в расчет приниматься не могут. Лишь на самом исходе I тыс. в восточнославянских землях распространились укрепленные поселки. Но это было качественно новое явление, возникшее вместе с формированием феодальных отношений, нисколько не похожее ни на древние городища, ни на городища-убежища балтийских племен, нередко служившие одновременно языческими святилищами.[42]

[41] *Артишевская Л. В.* Могильник раннеславянского времени на р. Десне. — МИА, 1963, № 108, с. 85—96; *Шмидт Е. А.* Некоторые археологические памятники Смоленщины ..., с. 51—67; *Соловьева Г. Ф.* Славянские курганы близ с. Демьянки. — СА, 1967, № 1, с. 187—198.

[42] *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины, с. 25—34, 59—70, 93—103, 107—117.

Это были, во-первых, первые древнерусские города, во-вторых, современные им города-замчища — места обитания нарождающейся древнерусской знати. Но скоро такие поселения появились и в балтийской среде, а следовательно, формы поселений вряд ли могут рассматриваться в качестве надежного признака при разделении славянских и балтийских древностей.

Обращаясь к древностям более западных областей, входящих ныне в пределы Северной Белоруссии, прежде всего необходимо остановиться на некоторых положениях в работах Л. Д. Поболя, по моему мнению, явно ошибочных. Они являются полной противоположностью представлений В. В. Седова, так сказать, другой крайностью, в неменьшей степени искажающей ход этногенетического процесса в Северном Поднепровье. Если, по Седову, Верхнее Поднепровье вплоть до средневековья принадлежало балтам, местным и пришлым (зарубинецким!), то, согласно Поболю, эта обширная область, включая ее северные пределы, с середины I тыс. была якобы сплошь славянской.

Выше уже упоминалось, что Л. Д. Поболь причисляет к зарубинецкой культуре не только те древности, которые, по всем данным, действительно к ней относятся, но и древности более северных областей, в составе которых имеются лишь отдельные зарубинецкие элементы. Таково, например, городище у д. Щатково, расположенное на правом берегу Березины, в ее среднем течении.[43] Нижние напластования городища принадлежат местной культуре раннего железного века, о чем свидетельствует керамика — южнобелорусская милоградская и штрихованная, обычная для более западных областей Западного Поднепровья. Слои первых веков новой эры характеризуются на Щатковском городище грубой лепной посудой, лишь отдаленно напоминающей зарубинецкую. Из 13 000 обломков только 130 (1%) от лощеных сосудов, причем формы их отнюдь не являются зарубинецкими. Среди находок с городища нет зарубинецких глиняных пряслиц биконических форм. С позднезарубинецкими древностями материалы городища сближает, по сути дела, лишь одна железная фибула позднелатенской схемы. Принятая Поболем за прямоугольную землянку яма, углубленная под стенку раскопа, осталась неисследованной. Вероятно, она относится к поселениям не первых веков новой эры, а более поздним — к селищу, находящемуся рядом с городищем. В пределах этого селища Поболем были исследованы две квадратные землянки: одна без печи, другая с разрушенной печью-каменкой в углу. Время селища точно не установлено: оно не старше середины I тыс., скорее же относится ко второй половине I тыс. И только его, по моему мнению, можно связать со славянской культурой или с культурой, испытавшей на себе серьезное славянское воздействие.

Славянские древности середины и третьей четверти I тыс.,

[43] *Поболь Л. Д.* Поселение железного века около д. Щатково Бобруйского района. — В кн.: Белорусские древности. Минск, 1967, с. 182—242.

по мнению Л. Д. Поболя, представлены в Белорусском Поднепровье хотомельской культурой в бассейне Припяти, быховской на Днепре и банцеровской в более северо-западных областях, включающих верховья Немана и отрезок среднего течения Западной Двины.[44]

По моему мнению, славянскими можно считать лишь две первые культуры, распространенные в южной и юго-восточной частях Белорусского Поднепровья, — хотомельскую и быховскую. Они характеризуются определенными признаками и сохраняют ряд черт зарубинецкого происхождения (керамика, жилища-землянки, погребальная обрядность). Что же касается банцеровской культуры, то в ее рамках Л. Д. Поболь объединяет древности, разные как по времени, так и по характеру. Их ареалы различны и далеко выходят за банцеровские пределы. Так, например, на северо-западной окраине банцеровской культуры известны круглые, удлиненные и длинные курганы с сожжениями, общая территория распространения которых, как известно, чуть ли не в 10 раз превышает очерченные Поболем банцеровские границы. Само Банцеровское городище (верхний слой) очень близко синхроничным городищам Смоленщины (Тушемля и др.), принадлежность которых местным балтам никто не оспаривал. Лишь в конце I тыс., буквально накануне образования Древнерусского государства, в северо-западных областях Верхнего Поднепровья культура приобретает в основном славяно-русский характер.

Мне представляется, что более реальную картину северо-западных областей Белоруссии во второй половине I тыс. рисует другой белорусский археолог — А. Г. Митрофанов, который пишет о лежащей здесь «широкой зоне смешанной культуры», о медленном многовековом процессе ассимиляции позднезарубинецким славянским населением местных балтов.[45] Тогда как у Л. Д. Поболя этот процесс, по сути дела, стирается, ему отводится в истории очень мало места: с середины I тыс. территория всей Белоруссии — это страна якобы с более или менее однородным славянским населением. Процесс ассимиляции балтов пришлым славянским населением сдвигается в глубину времен почти на 500 лет и оказывается нерассмотренным.

Итак, где проходила северная граница славянских племен в середине I тыс. н. э.? Очевидно, при настоящем состоянии знаний точно определить ее местоположение не представляется возможным. Сейчас мы можем говорить не о границе, а о широкой пограничной полосе, где располагаются древности, этническая принадлежность которых не может быть точно определена.

[44] *Поболь Л. Д.* Раннесредневековые древности Белоруссии (VI—IX вв. н. э.). — Berichte über den II Intern. Kong. für Slawische Archäol., Berlin, 1973, Bd 3, S. 491—500.

[45] *Митрофанов А. Г.* О происхождении культуры типа верхнего слоя Банцеровщины (V—VIII вв.). — В кн.: Беларускія старажытнасці. Менск, 1972, с. 150—163.

Митрофанов А. Г. Железный век Средней Белоруссии. Минск, 1978, с. 151—153. — *Прим. ред.*

ДВИЖЕНИЕ СРЕДНЕДНЕПРОВСКИХ ПЛЕМЕН В ЮЖНОМ НАПРАВЛЕНИИ В СЕРЕДИНЕ I ТЫС. Н. Э.

I

Если в первой половине I тыс. н. э. областью восточных группировок раннеславянских племен были северные пределы Среднего Поднепровья, лежащие выше ареала черняховских поселений, главным же образом обширные пространства южной части верхнеднепровского бассейна с поречьем Припяти на западе и Десны на востоке, то позднее картина существенно изменилась (рис. 15). Начиная с рубежа V—VI вв., а может быть, и несколько раньше поднепровские славянские группировки приняли активное участие в грандиозном движении славян в южном и юго-западном направлениях. Вместе со своими западными сородичами, продвигавшимися на юг из бассейна Вислы по Западному Прикарпатью, они основательно перекроили этническую карту Средней и Восточной Европы, в результате чего были созданы предпосылки формирования не только средневековой, но в какой-то мере и современной географии славянского мира.

Движение славянских племен к югу, завершившееся в VII в. их завоевательными походами на Балканском полуострове, представляло собой один из заключительных эпизодов «великого переселения народов» — важнейшего события в истории Средней и Восточной Европы на рубеже древности и средневековья. Главным содержанием «великого переселения» было выступление европейских племен — сначала германцев, затем славян — против Римской империи, пораженной в это время глубоким социальным и политическим недугом. Рабовладельческий строй доживал свои последние годы. Северные варвары являлись силой, с которой одряхлевшая империя уже не могла справиться. Движение германцев и славян было усложнено вторжением в Европу ряда кочевых группировок с Востока: гуннов, болгар, аваров и др. Участие в «великом переселении» славян привело к наиболее значительным и устойчивым переменам на этнической карте. Область славянских поселений значительно передвинулась к югу. В результате колонизации славянами Балканского полуострова и ассимиляции ими ряда местных группировок было положено начало южной группы

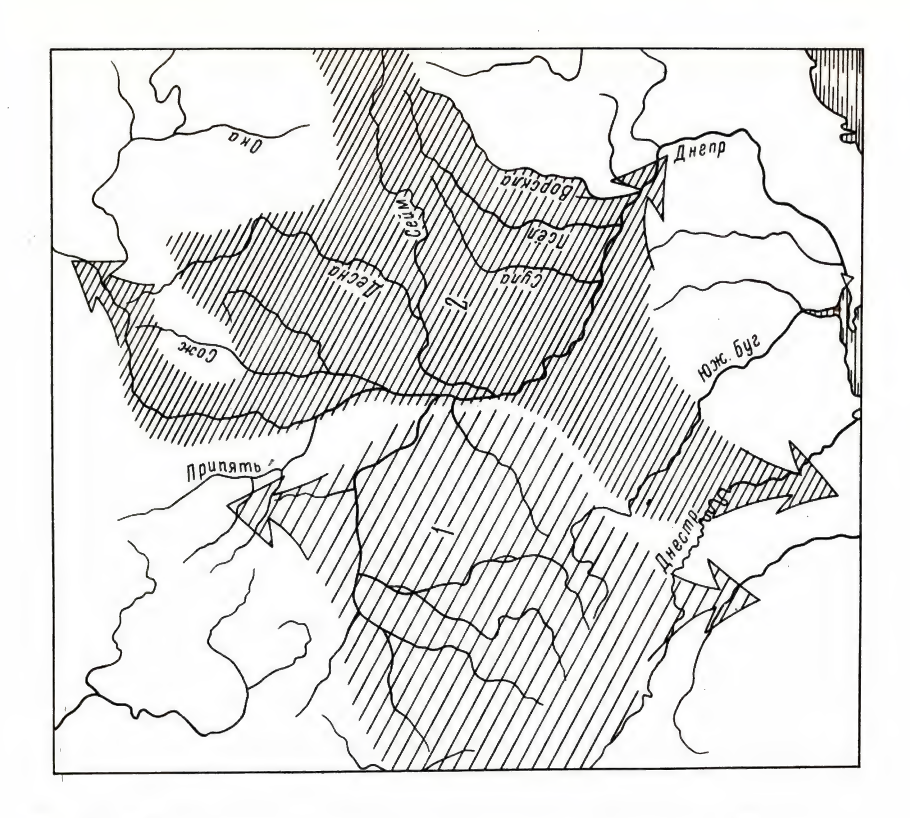

Рис. 15. Область распространения раннеславянских древностей в Поднепровье.

1 — культура Корчак (пражский тип); *2* — памятники типа Колочина и Пеньковки.

славянских народностей, существующей вплоть до настоящего времени.

Но прежде чем восточные группы славян достигли берегов Дуная и задунайских земель на полуострове, ими были основательно освоены обширные территории на юго-западе европейской части нашей страны с их богатыми почвами и сравнительно благоприятным климатом, принадлежавшие ранее населению с черняховской культурой. В середине I тыс. эти области в значительной мере обезлюдели в результате вторжения гуннов, прошедших огнем и мечом по восточноевропейскому югу. Сотни черняховских поселений навсегда запустели. Их население бежало главным образом в западном направлении. Последовавшая вслед за этим колонизация славянами юго-западных районов не встретила поэтому серьезного противодействия со стороны местного населения. Славянское продвижение на юг и юго-запад протекало в основном в мирных условиях. Здесь, на Среднем Днепре, Южном Буге и на берегах Днестра, славянскими племенами была подготовлена

материальная база, позволившая им в дальнейшем осуществить как балканские завоевания, так и колонизацию обширных пространств на полуострове.

Несмотря на значительные успехи раннесредневековой славянской археологии, достигнутые в нашей стране за последнюю четверть века, их следует расценивать не более как первые шаги в изучении соответствующих древностей. Область славянских поселений второй половины I тыс. в Верхнем и Среднем Поднепровье, Побужье, Поднестровье и Заднестровье изучена пока что недостаточно и, главное, неравномерно. Районы, обстоятельно обследованные, где обнаружены места многих десятков раннеславянских поселений и отдельные могильники, перемежаются с почти неизученными пространствами. Сравнительно незначительным является число пунктов, подвергнутых археологическим раскопкам. Известно лишь несколько остатков поселений, исследованных полностью, путем вскрытия всей площади, что необходимо для капитального их изучения. Поэтому еще далеко не все вопросы, стоящие перед археологией восточных славян раннесредневекового времени, получают в настоящее время вполне бесспорные ответы. Если взглянуть на археологическую карту восточнославянских земель, то нетрудно убедиться, что на ней представлена не столько истинная картина расселения древних племен в третьей четверти I тыс., сколько степень археологической изученности той или иной области.

Левобережье Днепра и земли, лежащие в бассейне Северского Донца, только начали изучаться археологами, занимающимися раннеславянской тематикой. До самого недавнего времени поиски раннеславянских древностей к востоку от Днепра не производились вследствие распространения ошибочных представлений исследователя левобережных славянских древностей И. И. Ляпушкина, полагавшего, что славяне пришли в Левобережье не раньше конца VIII в. Роменские городища VIII—X вв. Ляпушкин считал наиболее ранними здесь славянскими древностями. Известные археологам отдельные находки более архаичных древностей — середины и третьей четверти I тыс. — не связывались им со славянской культурой. Более того, он полагал, что в третьей четверти I тыс. в левобережной лесостепи вообще не было оседлого земледельческого населения. В течение нескольких веков в послечерняховское время Левобережьем якобы безраздельно владели кочевники.[1]

Лишь в конце 60-х гг., особенно после обследования, проведенного В. А. Ильинской в верхнем течении Сулы, Псла и по берегам Сейма, раннесредневековые славянские древности на Левобережье приобрели «права гражданства», были признаны археологами.[2]

[1] *Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. — МИА, 1961, № 104, с.16, 181—186.

[2] *Ильинская В. А.* Новые данные о памятниках середины I тыс. н. э. в днепровской левобережной лесостепи. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 55—61.

Тогда же и несколько раньше славянские древности третьей четверти I тыс. стали обнаруживаться работами Б. А. Шрамко и других исследователей еще восточнее — в бассейне Северского Донца.[3] Окончательное положительное решение вопроса о раннесредневековых славянах в лесостепном Левобережье было достигнуто в результате многолетних работ Е. А. Горюнова на Суле, Псле и в бассейне Ворсклы. В их итоге было найдено и раскопано несколько сельских славянских поселений середины и третьей четверти I тыс.[4]

На правом берегу Среднего Поднепровья, от устья Припяти до Надпорожья, раннеславянские древности известны в настоящее время преимущественно вдоль берегов самого Днепра. В 50—70-е гг. здесь развернулось строительство больших днепровских гидроэлектростанций, в связи с чем украинскими археологами были осуществлены значительные археологические обследования и раскопки. Славянские древности, преимущественно остатки поселений, предшествующие образованию Древнерусского государства, были обнаружены повсюду: по обоим берегам Днепра от устья Припяти и ниже по реке вплоть до Запорожья, а также в низовьях Роси, Тясмина и других днепровских притоков. Первое обобщение результатов этих исследований, к сожалению без убедительной хронологической классификации древностей, было сделано в начале 60-х гг. Д. Т. Березовцом и В. П. Петровым.[5] Славянские памятники среднего и верхнего течения Роси, Тясмина и других правобережных притоков Среднего Днепра до сих пор остаются неизученными. В глубине Днепровского Правобережья обстоятельному обследованию подверглись лишь раннесредневековые славянские поселения в бассейне Тетерева, а также по правым притокам Припяти, где раскопки велись в 60-х гг. И. П. Русановой.[6] Но здесь, в относительно северных районах, особенно в лесных местностях, ранние славянские древности пока не найдены.

По берегам Южного Буга, в среднем течении, и в бассейне его левобережного притока — р. Соба значительные археологические работы — обследование и раскопки — производил в последние годы П. И. Хавлюк. На сравнительно небольшой территории им обнаружено свыше 75 пунктов с остатками раннесредневековых славянских поселений. Несколько поселений разного возраста подверглось раскопкам, в ряде случаев весьма значительным.

[3] *Шрамко Б. А.* Дослідження пам'яток в басейнах Сіверського Дінця і Ворскли. — АИУ 1969 г., 1972, с. 125—127.

[4] *Горюнов Е. А.* 1) Некоторые вопросы истории Днепровского лесостепного Левобережья в V—начале VIII в. — СА, 1973, № 4, с. 99—112; 2) Памятники пеньковского типа в левобережном Поднепровье. — В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Киев, 1975, ч. 3, с. 60.

[5] *Березовец Д. Т.* Поселения уличей на р. Тясмине. — МИА, 1963, № 108, с. 145—208; *Петров В. П.* Стецовка, поселение третьей четверти I тыс. н. э. — Там же, с. 209—233.

[6] *Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом. — САИ, 1973, вып. Е1-25.

Южнее, в степное Нижнее Побужье, по наблюдениям Хавлюка, раннеславянские древности не распространялись.[7]

Еще западнее — на левом берегу Днестра и в междуречье Днестра, Припяти и Западного Буга — изучение раннеславянских древностей в последние годы также привело к положительным результатам. Археологическая разведка на сравнительно небольшом участке Верхнего Поднестровья показала, что остатки раннеславянских поселений здесь не менее обильны, чем в бассейне Южного Буга.[8] Немало следов древних славянских поселений оказалось на притоках Днестра и на правых притоках Верхней Припяти, где И. С. Винокуром, О. М. Приходнюком, Б. А. Тимощуком, Г. И. Смирновой и другими лицами, особенно В. Д. Бараном, в ряде пунктов были произведены значительные раскопки.[9] В. В. Аулихом обобщены и коротко опубликованы результаты раскопок на городище у с. Зимно, около Владимира-Волынского — крупного славянского укрепленного убежища VI—VII вв., в свое время разгромленного кочевниками. Раскопками на городище выявлен богатейший материал для изучения кузнечного и ювелирного дела восточных славян начала и третьей четверти I тыс. Получена большая коллекция орудий труда, предметов вооружения, украшения и убора — всего того, чего, как правило, не дают исследования обычных славянских сельских поселений этого времени.[10]

Зимно — не единственное славянское городище-убежище третьей четверти I тыс. на юго-западе нашей страны. В бассейне правого берега Верхней Припяти Ю. В. Кухаренко исследованы городища у сел Хотомель и Бабка, по своему устройству похожие на Зимно.[11] Но они меньше его по площади и, судя по находкам, не были связаны, как Зимно, с древним ремесленным центром, а являлись рядовыми общинными убежищами или укреплениями, свидетельствующими о беспокойной жизни славянских племен в тот период их истории.

Несколько неожиданным явилось обилие остатков древних славянских поселений на территории Молдавии и Восточной Румынии. В Молдавии, главным образом вдоль правого берега Днестра и в верховьях Прута, обнаружено в настоящее время более 120 пунктов с остатками славянских поселений третьей—начала четвертой четверти I тыс. Свыше чем в 20 пунктах Г. Б. Федоровым,

[7] *Хавлюк П. И.* 1) Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга. — МИА, 1963, № 108, с. 350—370; 2) Славянские поселения VIII—начала IX в. на Южном Буге. — АСГЭ, 1962, вып. 4, с. 116—126; 3) Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга. — РВД, 1974, с. 181 сл.

[8] *Приходнюк О. М.* Раннеславянские памятники в Среднем Поднестровье. — РВД, 1974, с. 216—228.

[9] *Баран В. Д.* Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ, 1972.

[10] *Аулiх В. В.* Замнівське городище. Київ, 1972.

[11] *Кухаренко Ю. В.* Средневековые памятники Полесья. — САИ, 1961, вып. EI-57, с. 22—24, 34—36.

И. А. Рафаловичем и другими исследователями были произведены раскопки.[12] Оказалось, что домостроительство, керамика и иные детали материальной культуры в основных чертах повторяют ту картину, какую рисуют раннесредневековые находки в других частях восточнославянского мира, в том числе в восточных частях Поднепровья.

Славянские материалы того же характера имеются, наконец, по правую сторону Прута и в бассейне Серета, доходя на западе до подножия Карпат.[13] По южной придунайской части Румынии они распространены и далее на запад, смыкаясь со славянскими древностями Средней Европы. На севере, в междуречье Припяти и Верхней Вислы, памятники восточных славян также соприкасаются с западнославянскими.

На всей обрисованной выше обширной территории, протянувшейся от поречья Северского Донца на востоке до предгорий Карпат на западе, славянские древности второй половины I тыс. оказались более или менее однородными. Во многом они сохранили те черты, которые сложились у славянских племен еще до их продвижения к югу и юго-западу. Это относится к характеру поселений, к формам домостроительства, к производственному и бытовому инвентарю; в конечном счете — к образу жизни и хозяйствования. Незначительные локальные различия, присущие отдельным группировкам восточных славян до расселения, в ходе последнего все более перемешивались и стирались. В итоге культура славян в третьей четверти I тыс. явилась более монолитной, чем ей предшествовавшая, в одних местах сохранявшая более или менее в чистом виде свои зарубинецкие реминисценции, в других — подвергшаяся влиянию со стороны соседей, на юге испытавшая, как мы видели, черняховское воздействие, на северо-западе, — по-видимому, известное влияние культуры пришлых германских племен — готов, на юго-западе — влияние культуры населения, оставившего карпатские курганы.

Славянские древности второй половины I тыс., как и более ранние, — это, как правило, остатки маленьких поселений, занимавших ровные невысокие места невдалеке от воды. Чаще всего поселения располагались на краю надпойменной террасы, иногда на всхолмлениях в пределах поймы. Возвышенные места, окруженные крутыми склонами, избирались для поселений очень редко, очевидно, лишь в тех случаях, когда последние требовали надежной постоянной защиты. Но и тогда под поселение часто предпочитали занимать речные острова или места, окруженные болотами, а не возвышенности с крутыми склонами. При раскопках в пределах поселений обнаруживаются остатки квадратных жилищ-землянок площадью 8—15 м^2, обязательной принадлежностью которых в третьей четверти I тыс. становится печь-каменка

[12] *Рафалович И. А.* Славяне VI—IX вв. в Молдавии. Кишинев, 1972.

[13] *Teodor Dan Gh.* Reginnile Răsăritene ale României in secolele VI—VII. — Mem. antiquitatis, 1969, facs. 1, p. 181—206.

или печь, сделанная из глины, заменившая прежний открытый очаг. Обычны на поселениях хозяйственные ямы-хранилища колоколовидной формы; их глубина и диаметр у горизонтального дна достигали 1 м. Остатки бытового и хозяйственного инвентаря рисуют картину сельского быта, покоящегося на земледельческом и скотоводческом труде. До конца I тыс. в восточнославянской среде отдельные ремесла были развиты слабо. Глиняная посуда, как и в предыдущее время, изготовлялась вручную, в домашних условиях. В отличие от зарубинецкой она характеризовалась значительной грубостью и толстостенностью. Особенно это свойственно огромным сосудам, предназначенным для хранения зерна, — зерновикам. Их обломки составляют при раскопках основную массу находок.

Около некоторых поселений удается отыскать могильники, где захоронены остатки трупосожжений. Обычно могильники небольшие, соответствующие размерам поселений, иногда же, наоборот, очень значительные, принадлежавшие, по-видимому, населению целой округи. В погребальном обряде тоже сохраняются традиции, восходящие к раннеславянскому, еще зарубинецкому и отчасти черняховскому, времени. Если во многих областях на севере, там, где расселяющиеся славяне сталкивались с аборигенами-балтами, с третьей четверти I тыс. результаты кремации стали помещать нередко под курганную насыпь, то на юге продолжали практиковать захоронения с сожжениями в бескурганных могильниках, не имеющих в настоящее время никаких внешних признаков. Известны эти древности поэтому очень плохо; число найденных могильников значительно уступает числу остатков поселений.

Такой характер восточнославянские древности сохраняли вплоть до последних веков I тыс., когда в культуре мало-помалу появились новые черты. Они были следствием, во-первых, общего роста производства, особенно развития ремесел и торговли, что привело к возникновению первых в восточнославянской среде поселков городского типа. Во-вторых, значительные сдвиги наблюдались в общественной и семейной структуре — распадались древние формы патриархального большесемейного устройства. Это наглядно отразилось на облике поселений и жилищ. Наконец, в последние века I тыс. на развитие культуры оказали большое влияние этнические процессы, прежде всего ассимиляция славянами балтийских и финно-угорских племен на севере и остатков разноэтничного неславянского населения на юге. С образованием Древнерусского государства, по сути дела, окончилась длившаяся несколько веков история восточных славян и началась история древнерусской народности.

II

Переходя к обрисованным выше славянским древностям Среднего Поднепровья, бассейна Южного Буга, Поднестровья и Заднестровья, словом, всех тех земель, которые стали славянскими после середины I тыс., нужно прежде всего еще раз обратиться к вопросу о происхождении оставившего эти древности населения. Необходимо познакомиться с моими доводами в пользу того, что это многочисленное население, во всяком случае его значительная часть, распространилось сюда не с Запада, как предполагали раньше многие археологи-славянисты, а преимущественно из северных пределов Среднего Поднепровья и бассейна Верхнего Днепра. Об этом говорят различные данные, полученные в ходе археологических исследований последних лет.

Интересные наблюдения, имеющие отношение к движению днепровских славян в южном направлении, были сделаны в 50—70-е гг. во время археологических исследований автора этих строк в бассейне р. Десны. Оказалось, что в середине I тыс. значительная часть поселений на этой реке и ее притоках была покинута своими обитателями. Такое явление было отмечено на берегах Десны повсюду — в верхнем и среднем течении, в низовьях, а также на многочисленных притоках.

К поселениям, покинутым в середине I тыс., относятся Жуковка в верховьях Десны, ряд селищ около с. Хотылева выше Брянска, большинство пунктов выше и ниже Новгорода-Северского, Посудичи и несколько других пунктов на правом притоке Десны — р. Судости, Форостовичи на другом маленьком деснинском притоке — р. Роме, Вишенки на правом берегу Десны выше устья Сейма, Киреевка на р. Убеди и т. д. Из семи поселений, найденных в низовьях р. Малотечки (ниже Новгорода-Северского), лишь одно — Стрелица — пережило середину I тыс. Причем возможно, что в его истории после середины I тыс. был перерыв, исчисляемый 1.5—2 столетиями.

Но поречье Десны в эти столетия совсем не обезлюдело. Места поселков третьей четверти I тыс., принадлежавших тому же самому славянскому населению, оставшемуся на старых местах, известны в ряде пунктов. Это селище Смольянь выше Брянска, городище Макча и могильник у с. Усох около Трубчевска, группа селищ на р. Снове у с. Макишин и мн. др. Таким образом, с Десны в середине I тыс. ушла лишь часть обитателей; состав населения в основном не изменился.

Еще одно интересное наблюдение, сделанное в ходе исследований на берегах Десны, нужно принять во внимание. Оказалось, что все поселения, покинутые в середине I тыс., чрезвычайно бедны находками. На долю исследователя в их пределах приходятся обычно только обломки глиняной посуды — преимущественно корчаг-зерновиков. Изредка встречаются отдельные глиняные пряслица и лишь единичные мелкие металлические изделия, выброшенные из-за их дефектности или утерянные.

По числу находок деснинские поселения середины I тыс. не идут ни в какое сравнение, скажем, с деснинскими позднезарубинецкими селищами начала новой эры типа Почепского, как правило, сохранявшими в своих наслоениях много предметов из металла и массу обломков керамики.

Как известно, количество и характер находок на древних поселениях зависят от условий, при которых они были покинуты обитателями. В тех случаях, когда жители бросали свои жилища в спешке, например в предвидении или тем более в результате вражеского набега либо стихийного бедствия, археолога ожидает совсем иная картина, чем та, которую рисуют исследования многих деснинских поселений середины I тыс. Эти последние были покинуты, очевидно, в таких условиях, когда жители не торопились, имели возможность взять с собой все свое имущество, включая глиняную посуду, жернова, орудия земледелия и другой труднотранспортабельный инвентарь. Нет никаких сомнений, что перед нами переселения, происходившие в спокойных условиях.[14]

Первоначально, когда указанное явление только лишь начало проясняться, я пытался его интерпретировать как факт, говорящий о движении раннеславянского населения с берегов Десны в северном направлении — в верховья бассейна Днепра и за его пределы. Эта точка зрения не нашла, однако, в дальнейшем подтверждения в археологических данных. На Смоленщине и в Северной Белоруссии не обнаружилось ничего такого, что указывало бы на проникновение сюда в середине I тыс. многочисленного населения из поречья Десны или междуречья Десны и Днепра.

Но факты такого рода выявились в других областях — не на севере, а на юге и юго-западе от Подесенья. При раскопках наиболее ранних славянских поселений, относящихся к первой половине VI, а может быть, к V в., на Среднем Днепре, Южном Буге, в Поднестровье и Заднестровье встретились элементы материальной культуры верхнеднепровского, в частности и деснинского, происхождения.

Прежде всего здесь имеется в виду северная форма жилых построек — квадратные землянки (полуземлянки) с открытыми очагами и нередко с вертикальным столбом в центре помещения, поддерживающим кровлю, вероятно четырехскатную. Такие землянки в первой половине и середине I тыс. были широко распространены в Верхнем Поднепровье и бассейне Десны у позднезарубинецких племен и их ближайших потомков. На Десне они оказались на всех поселениях, покинутых жителями после середины I тыс. И когда такие же точно жилища обнаруживаются в южных областях, где славянское население появилось в середине или начале третьей четверти I тыс., есть все основания говорить о переселенцах с северо-востока, сооружавших на новых местах жилища традиционного для них облика.

[14] *Третьяков П. Н.* Древности второй и третьей четвертей I тыс. н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье. — РВД, 1974, с. 40—118.

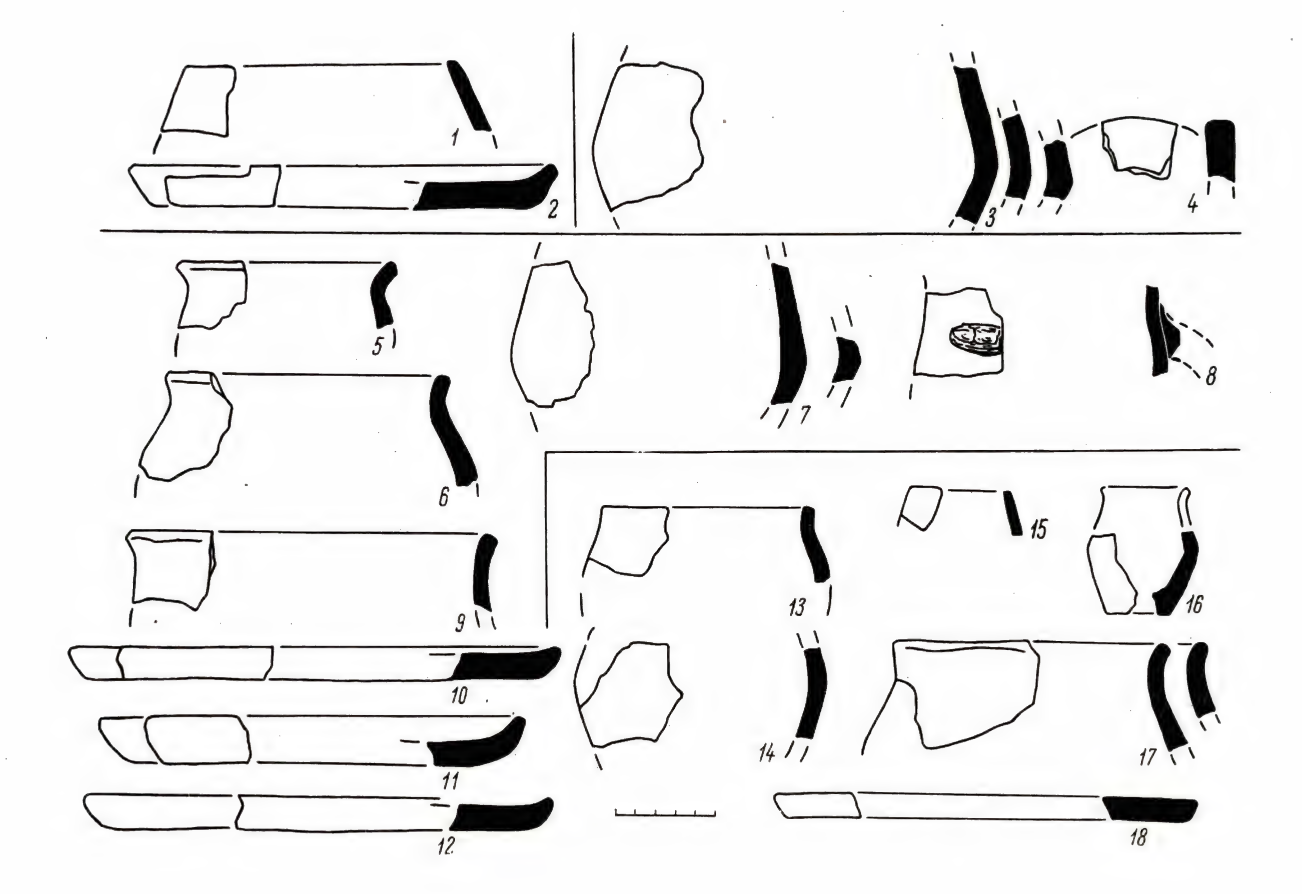
Северные формы жилищ сочетаются на наиболее ранних славянских поселениях южных областей и с другим характерным признаком. Речь идет о глиняной посуде — горшках и мисках биконических и цилиндроконических форм. В этот комплекс керамики входят и иные сосуды: округло-биконические, баночные с узким дном, суженной шейкой и отогнутым наружу венчиком. Такой посуде сопутствуют глиняные диски с невысокими закраинами — глиняные крышки сосудов-зерновиков, позднее превратившиеся в известные славянские сковороды и тарелки. Данный комплекс керамики получил наименование пеньковского по названию селища у с. Пеньковка в низовьях р. Тясмина — правого притока Среднего Днепра (рис. 16, 17).

Истоки посуды пеньковских типов следует искать, по моему мнению, в двух направлениях. Они усматриваются прежде всего в северных областях Среднего Поднепровья и в Верхнем Поднепровье в керамике поселений с охарактеризованными выше жилищами со столбом в центре. До середины I тыс. здесь сохранились зарубинецкие традиции, в частности, в формах глиняной посуды. Наряду с выпуклобокими горшками со слабо профилированными шейкой и венчиком имелись сосуды биконической и цилиндроконической формы. Долго сохранялось деление посуды на грубую кухонную и столовую лучшего качества, нередко лощеную, что обнаруживается и в ранней группе славянских поселений на юге. Распространены были на этих поселениях и диски-крышки с невысокими закраинками.

Но появление на юге и юго-западе пеньковской керамики одними лишь зарубинецкими традициями объяснить, по-видимому, нельзя. Здесь сыграло роль, как мне представляется, еще и черняховское гончарство, продукция которого в свое время попадала на южные славянские окраины, речь о чем уже шла выше.

В середине I тыс., когда в славянскую среду прекратился приток черняховской посуды, изготовленной на гончарном круге, на южных окраинах славянской территории стали лепить вручную миски реберчатых форм, заменявшие столовую посуду черняховского происхождения. Являясь, таким образом, в известной мере чуждым славянской культуре, пеньковский керамический комплекс оказался, как и следовало ожидать, весьма недолговечным. Он характеризовал культуру нескольких поколений пионеров тех славянских группировок, которые первыми двинулись на юг и культура которых была «смята» в последующее время расселением более северных славянских группировок, не встречавшихся в прошлом с черняховцами и не знавших их керамики.

Мне представляется, что сказанное выше относится прежде всего к биконическим пеньковским сосудам, не имеющим отогнутого наружу венчика. Правда, по своим очертаниям они, на первый взгляд, заметно отличаются от черняховских мисок. Но откуда еще могла возникнуть такая форма глиняной посуды, как не из желания повторить четкий, с острым ребром, профиль черняхов-

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18

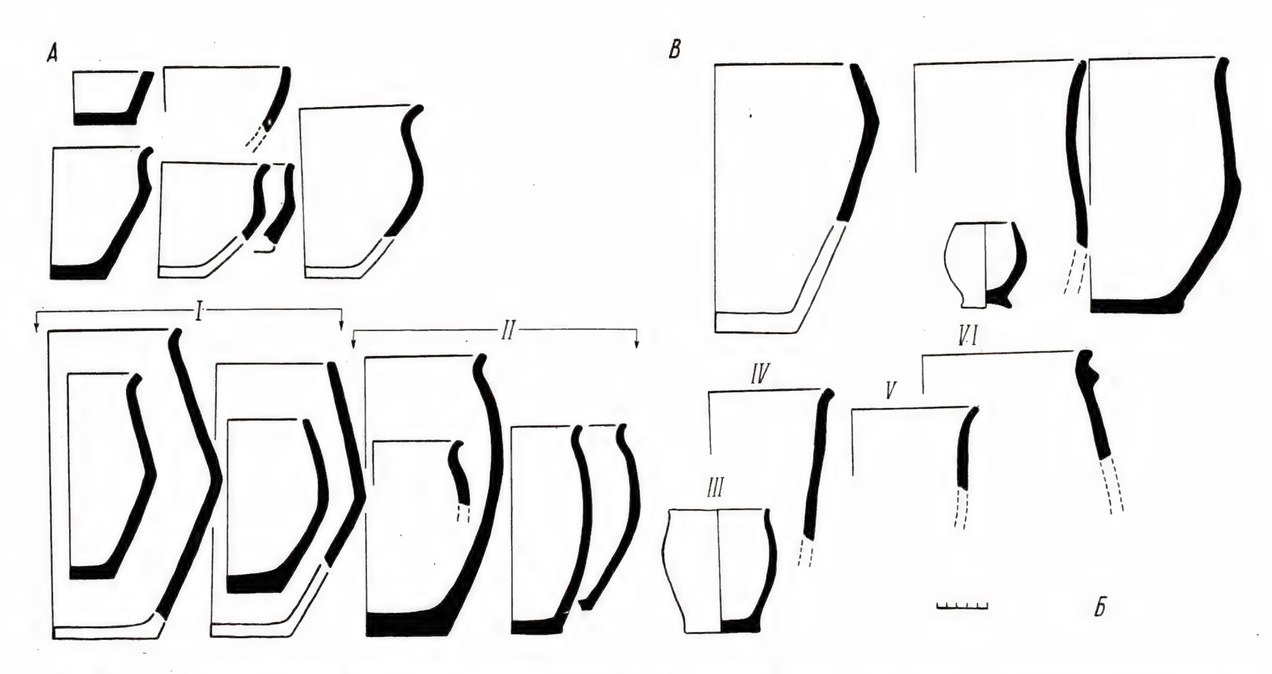

Рис. 16. Лепная керамика днепровских левобережных памятников типа Пеньковки (материалы разведочных работ Е. А. Горюнова).

1, 2 — Вороньки; *3, 4* — Писаривщина; *5—12* — Вязовок; *13—18* — Городище.

Рис. 17. Классификация керамики пеньковского типа (по Е. А. Горюнову).

А — миски; *Б* — корчаги, горшки; *В* — сосуды редких форм с поселения Хитцы; *римские цифры* — виды сосудов.

ского сосуда? Какие-либо другие истоки этой формы посуды в Среднем Поднепровье указать как будто бы нельзя.[15]

Говоря о посуде биконических форм, характеризующей наиболее раннюю группу славянских памятников в Среднем Поднепровье, на Южном Буге, в Поднестровье и Заднестровье, мой постоянный оппонент В. В. Седов ищет им параллели далеко на северо-западе Польши, хотя и не делает на этом основании каких-либо решительных выводов этногенетического характера.[16] Действительно, в указанной области, как и в земле средневековых полабских славян между нижним течением Одера и Эльбы, есть посуда биконических очертаний. Но она не имеет никакого отношения к нашей пеньковской керамике. Она не одновременна, а моложе ее приблизительно на 1.5—2 столетия. Это бесспорно в отношении керамики полабских славян, у которых древнейшей была посуда пражского типа, причем не в ранних, а скорее в поздних ее вариантах. Биконические сосуды появляются в полабских землях в последней четверти I тыс., накануне распространения в этих местах гончарного круга.[17]

Вероятно, так же обстоит дело и на северо-западе Польши, в правобережье Одера. Правда, по хронологии Ю. Костшевского и некоторых его последователей, биконическая керамика появилась на территории севера Польши якобы в третьей четверти I тыс. Но эта хронология явно ошибочна, как и стремление Костшевского отнести к раннему времени для всей территории Польши появление гончарного круга.[18] В северных польских областях гончарный круг распространился вряд ли раньше последних веков I тыс.

Не менее существенно и то, что биконическая посуда северо-запада Польши и полабских земель по своим формам существенно отличается от нашей. Собственно-биконические сосуды с ребром в верхней трети или четверти близки раннесредневековой посуде Псковщины и Новгородских земель. Полагаю, что истоки данной формы лежат в культуре северных балтийских группировок. Эта керамика на Одере и Эльбе, как и у нас на севере, была субстратным явлением.

Таким образом, В. В. Седов совершенно прав, не делая из относительного сходства биконических сосудов Восточной Европы и славянского северо-запада каких-либо определенных, далеко идущих выводов этногенетического порядка. Биконические и цилиндроконические формы восточнославянской раннесредневе-

[15] *Симонович Е. О.* Деякі типи ранньосередньовічної кераміки. — Археологія, 1972, т. 7, с. 66. — *Прим. ред.*

[16] *Седов В. В.* Славяне Вернего Поднепровья и Подвинья. — МИА, 1970, № 163, с. 65, 66.

[17] *Knorr G.* Die slawische Keramik zwischen Elbe und Oder. Bearbeitet von J. Herrmann. Leipzig, 1937; Kulture und Kunst der Slawen. Berlin, 1965; Die Slawen in Deutschland. Nerausgegeben von J. Herrmann. Berlin, 1970, S. 16—21.

[18] *Kostrzewski J.* 1) Kultura prapolska. Poznań, 1947; 2) Zur Frage der Siedlungstätigkeit in der Urgeschichte Polens. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1965.

ковой керамики являются местными по происхождению. Они представляют собой не что иное, как дальнейшее развитие форм, восходящих к позднезарубинецкой посуде Верхнего Поднепровья, а также бывших следствием влияния черняховского ремесленного гончарства. Последнее сказалось в свое время преимущественно на южных славянских окраинах, вдоль границ черняховского мира, население которых было первым эшелоном продвигавшихся на юг в середине I тыс. восточнославянских племен.

Наконец, имеется еще один факт, по моему мнению, также убедительно свидетельствующий о том, что в середине I тыс. в бассейне Днепра была подвижка населения с севера на юг. Это распространение в указанное время в Среднем Поднепровье бронзовых украшений геометрического стиля, инкрустированных цветной эмалью.

Вещи с эмалью, как известно, долгое время являлись среди археологов предметом дискуссии. Они не связывались в Среднем Поднепровье с какой-либо археологической культурой; их время определялось по-разному. В начале нашего века эти эффектные украшения обычно относились к культуре готов или аланов. В последние десятилетия некоторые археологи, особенно украинские, делали попытки связать их с черняховской культурой.[19] Наконец, было высказано мнение, что предметы с эмалью в Среднем Поднепровье принадлежали древним славянам. Обилие таких находок вокруг Киева наталкивало на предположение, что здесь был крупный центр их изготовления.[20]

В настоящее время можно считать окончательно установленным, что основной центр изготовления предметов с цветной эмалью восточноевропейских форм находился в Южной Прибалтике и что они были распространены преимущественно среди балтийских племен, как западных, так и восточных — днепровских.[21] Но эти яркие украшения встречались и у другого восточноевропейского населения. Их находки нередки на городищах и в могильниках волго-окских финно-угров. В Верхнем Поднепровье изделия с эмалью были усвоены позднезарубинецким раннеславянским населением. На верхнеднепровских позднезарубинецких селищах Абидня и Тайманово, речь о которых шла выше, были найдены не только такие украшения, но и доказательства их местного изготовления в виде литейных формочек.[22] Находки в Казаровичах и других пунктах на Киевщине свидетельствуют, что вещи с эмалью часто встречались на поселениях киевского типа.

[19] *Махно Е. В.* К вопросу о памятниках черняховского типа и прорезных выемчатых эмалях. — КСИИМК, 1956, вып. 62, *Брайчевский М. Ю.* Ромашки. — МИА, 1960, № 82, с. 118, 119, 143, 144; *Брайчевський М. Ю.* Біля джерел слов'янської державності. Київ, 1964, с. 170—173.

[20] *Рыбаков Б. А.* Поляне и северяне. — СЭ, 1947, т. 6—7, с. 99—101.

[21] *Моора Х. А.* О древней территории расселения балтийских племен. — СА, 1958, № 2.

[22] *Поболь Л. Д., Наумов Д. В.* О некоторых предметах материальной культуры селища Абидня. — В кн.: Докл. к XI конф. молодых ученых БССР. Минск, 1967.

Но в конце второй четверти I тыс. в Среднем Поднепровье предметы с эмалью не были, по-видимому, широко распространены. Об этом свидетельствует хотя бы то, что они ни разу не встречены в составе инвентаря поселений и могильников черняховской культуры, древности которой на Киевщине частью синхроничны с древностями киевского типа и территориально близко с ними соприкасались. Два-три сомнительных случая, когда с черняховскими могильниками, быть может, связываются находки вещей с эмалью (Черняхов, Ромашки), не меняют общей картины. Перекладчатые фибулы из погр. 2 (сожжение) Компаниевского черняховского могильника [23] имеют к вещам с эмалью весьма отдаленное отношение и в расчет приниматься тоже не могут. Даже в том случае, если при дальнейших исследованиях черняховских древностей будут найдены вещи с эмалью, их следует рассматривать как исключение, не меняющее общей картины.

Нет никаких сомнений, что основной приток изделий с эмалью в Среднее Поднепровье относится не к черняховскому, а к несколько более позднему времени. Можно думать, что они попали сюда с первой волной продвижения верхнеднепровских славян к югу в начале VI или даже в V в. Именно поэтому их ареал в Среднем Поднепровье относительно невелик: далеко на юг и на юго-запад они не распространились. Как-либо иначе объяснить появление многочисленных вещей с эмалью на берегах Среднего Днепра, кажется, нельзя.

III

То, что славянские поселения с биконической и цилиндроконической керамикой, а также с верхнеднепровскими формами жилищ являются в юго-западных областях европейской части СССР наиболее ранними, оставленными первыми группами расселяющихся на юг славян, стало очевидным далеко не сразу. Первоначально казалось, что славянские раннесредневековые древности повсюду являются более или менее однородными, характеризующимися двумя основными признаками: грубой лепной керамикой и квадратными жилищами-землянками. Такими же признаками отличаются раннеславянские древности на Западе — в Чехословакии и на территории Польши.

Позднее в связи с некоторым накоплением материала, происходящего из раскопок в Среднем Поднепровье, стало несомненным, что восточнославянские раннесредневековые древности в разных областях неодинаковы, что они образуют по крайней мере две локальные группы. Древности Житомирщины и Волыни представлены культурой Корчак, названной по имени с. Корчак на р. Тетереве. Древности берегов Среднего Днепра и земель, лежащих

[23] *Махно Є. В.* Типи поховань та планування Компаніївського могильника. — В кн.: Середні віки на Україні. Київ, 1971, с. 87—95.

западнее по полосе лесостепи, получили наименование пеньковских по названию с. Пеньковка. Посуда корчакской культуры заметно отличается от пеньковской своими однообразными удлиненными баночными формами со слегка профилированными шейкой и венчиком. Она близко напоминает раннесредневековую славянскую керамику Средней Европы пражского типа, что никак нельзя сказать о керамике пеньковских поселений. На этом основании возникло даже предположение, что раннесредневековыми славянами в Восточной Европе являлись лишь носители корчакской культуры, а пеньковская культура, быть может, к славянам не имела прямого отношения.[24] М. И. Артамонов в свое время даже предпринял попытку начисто исключить пеньковские древности из славянской тематики, речь о чем уже шла выше.

Наконец, дальнейшие исследования показали, что древности типа Пеньковки не являются ограниченным небольшой территорией локальным вариантом. Биконическая и цилиндроконическая посуда была найдена на всех наиболее ранних поселениях на Среднем Днепре и в лесостепном Левобережье вплоть до поречья Северского Донца. Западнее Днепра пеньковская посуда была обнаружена в бассейне среднего течения Южного Буга, в Среднем и Южном Поднестровье и в Заднестровье — на территории Молдавии. Поселения с пеньковской керамикой выделяются обычно землянками без печей, с остатками очагов в средней части пола. Во всех этих областях поселения с наиболее ранней пеньковской керамикой датируются VI—VII вв., а может быть, восходят и к более раннему времени. Из узколокального тип Пеньковки стал, таким образом, характерным для огромной территории, составлявшей едва ли не половину той области, которая была занята восточными славянами, расселившимися на юге и юго-западе Восточной Европы в середине I тыс. Очень возможно, что верхняя хронологическая граница культуры пеньковского типа — аварский погром в третьей четверти VI в. Об этом свидетельствуют следы пожаров, приведших к прекращению жизни на многих поселениях этого времени.

При оценке культуры с керамикой типа Пеньковки и землянками с очагами особенно существенным является то, что время бытования этой культуры сравнительно непродолжительно. Она просуществовала 1.5—2 столетия и сменилась культурой, обычной для всех славянских земель, с однообразной грубой керамикой и землянками с печами в углу. По-видимому, более продолжительным был «век» пеньковской культуры в Днепровском Левобережье, более коротким — в юго-западных и западных областях. Предполагаемая краткость существования пеньковской культуры объясняется, очевидно, тем, что, являясь в значительной мере заимствованной, чуждой, она не имела прочных оснований в быту, главным же образом тем, что население, среди которого она была

[24] *Русанова И. П.* О керамике раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 143—150.

распространена, в течение V—VI вв. все время «разбавлялось» пришельцами с севера, незнакомыми с черняховской культурой и ее керамикой. Распространение на юге северного населения не могло не способствовать скорейшему изжитию пеньковских традиций.

Вот так я представляю себе прекращение бытования пеньковской керамики. Что касается землянок с очагами, то они изжили себя, как весьма примитивные. Может быть, некоторую роль здесь сыграл и аварский погром, способствовавший прекращению пеньковских традиций.

А теперь обратимся к поселениям пеньковской группы, вероятно, предшествовавшим аварскому вторжению. Некоторые исследователи высказывают предположение, что именно с ними следует связывать племена антов, исторические сведения о которых обрываются, как известно, на 602 г. Эти поселения отличаются не только землянками с открытыми очагами и реберчатыми (биконическими и цилиндроконическими) формами керамики, но и другими архаичными чертами культуры — круглыми глиняными крышками с небольшими закраинами, еще не ставшими характерными славянскими сковородами или тарелками, железными арбалетными фибулами позднего типа и некоторыми иными вещами, уходящими по времени в начало VI и даже, как уже сказано, в V в.

В области Днепровского Левобережья к ранней группе относятся прежде всего древние селища типа Курган-Азака, отысканные В. А. Ильинской в среднем течении Сулы, Псла и в низовьях Сейма.[25] Они принадлежат славянскому населению, едва переступившему в середине I тыс. свою южную границу, существовавшую в черняховское время. В последующий период, характеризующийся типичными пеньковскими древностями, граница славянских поселений в Левобережье продвинулась еще дальше к югу.

В настоящее время указать на юге группу наиболее ранних славянских древностей — задача невыполнимая. Специально их поисками никто не занимался. Раскопкам подвергались, как правило, более поздние древности того времени, когда жизнь в южных областях уже вошла в привычную колею. В большинстве случаев мы будем иметь дело не с самыми ранними славянскими древностями, а с остатками культуры, сохранявшей древние традиции.

Так, в области Днепровского Левобережья, в верховьях Северского Донца около с. Дмитровского, находятся селище и могильник третьей четверти I тыс., исследованные С. А. Плетневой. В могильнике наряду с салтовскими захоронениями обнаружены славянские трупосожжения с цилиндроконическими пеньковскими сосудами. В культурном слое селища вместе с салтовской керамикой, изготовленной на гончарном круге, имеется лепная посуда

[25] *Ильинская В. А.* Новые данные ..., с. 55—61.

пеньковских форм.[26] Ниже по течению Северского Донца остатки поселения с такой же керамикой исследованы Б. А. Шрамко у с. Задонецкого южнее Харькова.[27] На левом притоке Днепра — р. Орели, верховья которой близко подходят к течению Северского Донца, пеньковская керамика найдена Л. М. Рутковской.[28] Еще южнее, в районе Надпорожья, остатки поселений и могильников с трупосожжениями и пеньковской керамикой известны в ряде пунктов главным образом по материалам, собранным А. В. Бодянским и обобщенным в свое время Д. Т. Березовцом.[29]

Систематические исследования в Левобережье, как уже указано, были проведены в последние годы Е. А. Горюновым. В центральных частях этой области — на Полтавщине, в бассейне среднего течения Сулы, Псла и Ворсклы — им обнаружены остатки нескольких поселений с характерной пеньковской керамикой — биконической и цилиндроконической формы, иногда с налепным валиком под венчиком. Найдены глиняные крышки в виде дисков с едва выступающими закраинками. Вскрыты остатки неглубоких квадратных землянок обычного размера с очагом и столбом в центре помещения.[30] Концепция И. И. Ляпушкина об отсутствии в Левобережье славянского и вообще оседлого населения между черняховским временем и периодом распространения роменских городищ явно потерпела крах.

На правом берегу Среднего Днепра наблюдается точно такая же картина, как и в Левобережье, хотя среди раннесредневековых славянских поселений там не встречено пока ни одного с «чистым» слоем этого периода. Обычно считают, что наиболее древним из славянских поселений, известных в Правобережье в низовьях р. Тясмина, являются два: Луг 1 и Молочарня у с. Пеньковка. Но поселение Луг 1 многослойное, хотя слои разного времени стратиграфически плохо отделяются друг от друга. Можно думать, что к его раннему слою относится архаичная по форме землянка без печи со столбовой ямой в центре (№ 18). Рядом с ней исследовано другое, кажется, подобное же сооружение без печи, пол которого находился на слое мергеля, где не было видно следов от столбовых ям. На полу лежали обломки лепного приземистого горшка биконической формы. Основания обеих построек сохранились очень плохо, значительно хуже, чем остатки других, более поздних землянок с печами, обнаруженных в пределах того же всхолмления.

Керамика, найденная на поселении Луг 1, также неодновре-

[26] *Плетнева С. А.* 1) Работа Северо-Донецкого отряда. — АО 1966 г., с. 54; 2) Работа Левобережного Днепровского отряда. — АО 1970 г., с. 72.

[27] *Шрамко Б. А.* Дослідження пам'яток в басейнах Сіверського Дінця ..., с. 125—129.

[28] *Рутковская Л. М.* Исследование раннесредневековых памятников на р. Орель в 1968 г. — АИУ 1968 г., 1971, с. 47—48.

[29] *Березовец Д. Т.* Поселения уличей на р. Тясмине, с. 194—201.

[30] *Горюнов Е. А.* 1) Некоторые вопросы истории ..., с. 99—112; 2) Памятники пеньковского типа ..., с. 60.

менна: наряду с ранней лепной посудой биконических и цилиндроконических форм и глиняных дисковидных крышек с невысокими бортиками там имеется более поздняя — горшковидная. Ей сопутствует встреченная в небольшом числе гончарная керамика — обломки средневековых причерноморских амфор, а также сосудов салтовского типа. Наличие биконической и цилиндроконической лепной посуды позволило Д. Т. Березовцу рассматривать поселение Луг 1 как древнейшее в тясминской группе. Название «пеньковские» было присвоено в дальнейшем всем другим поселениям с биконической и цилиндроконической посудой.

Второе пеньковское поселение — Молочарня, занимавшее небольшое всхолмление в пойме недалеко от края коренной террасы, оказалось маловыразительным. Там были исследованы остатки четырех жилищ, углубленных в землю, с печами-каменками в углу. Найдена исключительно лепная керамика преимущественно биконических форм, нередко с налепным валиком под венчиком. По мнению Д. Т. Березовца и других исследователей, Молочарня — самое раннее среди пеньковских поселений. Датирующим предметом, встреченным при раскопках, считается серебряная зооморфная фибула. Но она вряд ли старше начала VII в. и, быть может, является случайной находкой, отнюдь не датирующей поселение.[31]

Мне представляется, что хронологические взаимоотношения ранних пеньковских поселений на Среднем Днепре выглядят несколько иначе. Судя по древним типам жилых сооружений, раньше всего население появилось в пункте Луг 1, а уж затем, когда распространились землянки с печами, но в керамике еще сохранялись старые формы, на сравнительно короткий период была заселена Молочарня. Жизнь на пункте Луг 1 продолжалась еще долгое время уже после того, как в результате контактов с кочевническим миром в славянскую среду проникла специфическая керамика пастырско-канцирского типа, сделанная на гончарном круге.

В недавно опубликованной статье Л. М. Рутковской дается хронологическая классификация славянских древностей того же района на основании стратиграфии поселения у с. Стецовка, находящегося вблизи с. Пеньковка тоже в низовьях р. Тясмина.[32] Это поселение многослойное; к древнейшему слою относятся прямоугольные землянки со срубными стенами и печью-каменкой в углу, как считает Рутковская, северного типа. Керамика данного слоя исключительно лепная, относительно тонкостенная, биконических форм. Такие сосуды сопровождаются крышками с невысокими бортиками. Керамика нижнего слоя Стецовки (Стецовка 1), по мнению Рутковской, близка посуде из Молочарни, несколько

[31] *Березовец Д. Т.* Поселения уличей на р. Тясмине, с. 148—154, 161, 166—167, 173—175, 187—190.

[32] *Рутковская Л. М.* О стратиграфии и хронологии древнего поселения около с. Стецовка на р. Тясмине. — РВД, 1974, с. 22—39.

старше ее. Поселение Луг 1 является более поздним. Следующий слой Стецовки (Стецовка 2) содержит среди керамического материала обломки сосудов пастырско-канцирского типа VII—VIII вв.

Хронологическая классификация многослойного поселения Стецовка, данная Л. М. Рутковской, является вполне убедительной. Но прежде чем сравнивать Стецовку 1 с соседним поселением — Луг 1, следовало бы попытаться и его материалы расчленить хронологически и выделить среди них то, что может относиться к населению, жившему в древнейших землянках — без печей, со столбом в центре. Как мне кажется, этот материал будет несколько древнее Стецовки 1.

В той же статье Л. М. Рутковской дан перечень среднеднепровских раннеславянских поселений с керамикой типа Стецовки 1— Молочарни, в том числе поселений района Надпорожья. Упоминается также несколько славянских бескурганных могильников с трупосожжениями и керамикой типа Стецовки 1, например могильник 4 у с. Андрусовка, известный по публикации Д. Т. Березовца.[33]

Несколько ранних поселений исследовано в среднем течении Южного Буга и по его притоку — р. Собу. Здесь, как и на Днепре, они характеризуются двумя основными признаками: жилищами-землянками с открытыми очагами, иногда со столбом в центре и биконическими или цилиндроконическими формами лепных горшков и глиняными крышками в виде дисков с невысокими бортиками.[34] Первый признак является, очевидно, особенно древним: землянки с очагами, как правило, не встречаются с керамикой более поздних форм, тогда как биконическая посуда нередко сопутствует жилищам более развитого типа — с печами, что мы видели на поселениях Стецовка 1 и Молочарня.

Одно из наиболее ранних славянских поселений в Побужье находится на правом берегу р. Соба в местности Карьер, около с. Голики. При раскопках здесь были открыты основания четырех жилищ, углубленных в землю: одного — с печью-каменкой в углу и трех — со следами очагов на полу. Керамика, связанная с тремя последними жилищами, вся лепная, по форме биконическая, нередко с налепным валиком под венчиком. Реже встречаются выпуклобокие горшки с несколько суженной шейкой и отогнутым наружу венчиком. Одно из жилищ было уничтожено в результате пожара; в его пределах сохранились железный серп, костяные «струг» и лощило, биконические пряслица и мелкие косточки с отверстиями, вероятно амулеты. Два других жилища с очагами кроме обломков керамики также дали находки. В одном из них встречены нож, бронзовое кольцо, пряслица, два песчаниковых бруска, обломок глиняной льячки и маленький реберчатый сосудик. В последнем жилище оказались брусок с отверстием для подвешивания к поясу и обломки глиняных дисков-крышек.

[33] *Березовець Д. Т.* Могильники уличів у долині р. Тясміну. — СРС, 1969.
[34] *Хавлюк П. И.* Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга, с. 181 сл.

П. И. Хавлюк перечисляет и другие поселения Среднего Побужья, содержащие керамику, аналогичную найденной в землянках с очагами у с. Голики. Одно из них — Кунявское — датируется железной фибулой позднего арбалетного типа, вероятно, V в.

Жилища-землянки раннего типа были открыты П. И. Хавлюком на известном славянском поселении между селами Скибинцы и Мытковка, на о-ве Мытковском. Они особенно интересны тем, что в деталях повторяют деснинские жилища середины I тыс., исследованные автором в конце 60-х гг. Но они моложе деснинских. Судя по сделанным в них находкам, они не старше начала VI в.

На о-ве Мытковском были раскопаны остатки четырех землянок, относящихся к двум периодам жизни людей на этом месте. Две землянки принадлежат древнему слою селища. Их основания представляют собой квадраты размером около 4 × 4 м, с глубокой столбовой ямой в центре. Иных столбовых ям в землянках не обнаружено; очевидно, их деревянные стены представляли собой срубы. В одной из землянок рядом с центральным столбом некогда находился очаг; в другой — на этом месте имелись следы огня. Особенность второй землянки — наличие двух столбовых ям за ее пределами, находящихся друг против друга на одной линии с центральным столбом. Вероятно, крыша этой постройки была не четырехскатной, а двухскатной, свидетельствуя об изживании здесь древней формы жилища. Судя по наблюдениям П. И. Хавлюка, находки в заполнении первой землянки лежали двумя слоями, причем в верхнем слое они состояли главным образом из обломков керамики. Такое же явление наблюдалось автором этих строк во время раскопок землянок середины I тыс. н. э. на р. Десне. Крыша у деснинских землянок, видимо, была земляной. Сверху на крышу клали крупные обломки керамики, что предохраняло ее от размывания во время дождей.[35] Эта керамика и составляла верхний слой находок.

На полу обеих мытковских землянок, особенно первой из них, было сделано при раскопках много находок. Кроме обломков керамики здесь встречены части формочек и тиглей для литья металлических изделий, свидетельствующих о занятии обитателей землянок ювелирным делом, железный нож, брусок из песчаника, изделия из кости и рога. Уникальная находка из первой землянки — литая бронзовая фигурка льва, по стилю аналогичная фигуркам известного Мартыновского клада.[36] То, что мытковский лев был инкрустирован эмалью, по мнению П. И. Хавлюка, служит доказательством его большей древности по сравнению с мартыновскими находками. Фигурка льва датируется исследователем V в. С поправкой на половину столетия (начало VI в.) эту дату, вероятно, возможно принять как ориентировочную. К кругу «древ-

[35] *Третьяков П. Н.* Древности ..., с. 104—106 и др.

[36] *Хавлюк П. И.* 1) Раннеславянские поселения в средней части Южного Побужья. — СА, 1961, № 3, с. 193; 2) Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы ..., с. 321.

ностей антов» кроме фигурки льва относятся бронзовые изделия, изготовленные с помощью литейных формочек, найденных в той же землянке. Хавлюк совершенно прав, когда указывает, что мытковские находки впервые совершенно бесспорно связывают вещи типа «древностей антов» со славянской раннесредневековой культурой.

Керамика, найденная в мытковских землянках со столбом в центре, является вполне характерной для восточнославянских поселений раннего для Побужья времени. Здесь имеются обломки биконических и цилиндроконических сосудов, части выпуклобоких горшков со слегка профилированной верхней частью, сосуды с налепным валиком под венчиком, глиняные крышки с невысокими закраинками и т. д.

Две другие землянки, раскопанные на о-ве Мытковском, судя по находкам, были несколько моложе вышеописанных. Между двумя периодами обитания жизнь на острове, вероятно, совсем замирала. Иначе в руки археологов не попали бы интересные находки, сделанные в древних землянках, погибших, по-видимому, во время пожара, может быть связанного с аварским вторжением.

Два периода заселения оказались еще на одном древнем поселении Среднего Побужья — на селище у с. Семенки, где П. И. Хавлюком в ходе крупных раскопок на площади 5500 м^2 было вскрыто 29 землянок, 8 прямоугольных хозяйственных построек и 19 хозяйственных ям. Из них к раннему периоду застройки исследователь относит 11 землянок. Все они имели в углах печи-каменки и принадлежат, судя по керамике и другим находкам, к несколько более позднему времени, чем землянки без печей, исследованные на о-ве Мытковском.[37]

Еще западнее, на левом берегу Среднего и Нижнего Днестра, известно пока немного пунктов с остатками ранних славянских поселений, и там не исследовано ни одного с древним слоем, по времени таким же, как описанные выше поселения на Южном Буге. Но несомненно, что и в названных местах славяне появились с керамикой пеньковского типа. Об этом свидетельствуют материалы Городского селища на р. Смотриче — левом притоке Днестра, опубликованные недавно И. С. Винокуром и О. М. Приходнюком.[38]

В пределах Городокского селища обнаружены остатки 27 землянок, относящихся, по данным геомагнитного датирования, к VI—началу VIII в. Наиболее ранними — середины и второй половины VI в. — оказались землянки 21 и 23, выделяющиеся среди других своим керамическим материалом, а именно обломками сосудов биконической формы. Но по своему облику эти

[37] *Хавлюк П. И.* 1) Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы ..., с. 320—350; 2) Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга, с. 196—200.

[38] *Винокур И. С., Приходнюк О. М.* Раннеславянское поселение на р. Смотрич. — РВД, 1974, с. 241.

землянки не отличаются от всех других жилищ Городокского селища — они имели печи-каменки, а не открытые очаги.

Еще дальше на запад, за Днестром, также обнаружены остатки славянских поселений с культурой пеньковского типа. Здесь встречаются как древние формы землянок — без печей, с открытыми очагами, — так и остатки жилищ с центральным столбом, поддерживавшим кровлю. Была распространена, наконец, глиняная посуда пеньковского характера, в которой значительное место занимали горшки биконической формы и сковороды с невысокими бортиками.

Но если в Среднем Поднепровье — Левобережье и Правобережье — эти черты отчетливо определяли поселения наиболее ранней группы, то на западе, между Днестром и Прутом, дело обстояло, по-видимому, несколько иначе. В качестве раннего признака автор монографии о славянских древностях Молдавии И. А. Рафалович называет лишь наличие пеньковской керамики. По находкам нескольких фибул — маленькой пальчатой дунайского типа, ранневизантийской с псевдоподвязным приемником и двухпластинчатой — эта керамика датируется VI—VII вв. Что касается жилых построек, то те формы, которые считались выше ранними, в частности землянки со столбом в центре, в междуречье Днестра и Прута присущи, очевидно, поселениям не только ранним — V—VI вв., — но и несколько более поздним — третьей четверти I тыс. Они рассматриваются как одна из форм славянского жилища, бытовавшая в эпоху средневековья наряду с другими. Правда, землянки со столбом в центре имеют в Молдавии одну существенную особенность, свидетельствующую об их позднем времени, а именно вместо типичных для таких землянок открытых очагов они отапливались обычными печами. Встречаются указанные землянки относительно редко. На поселениях с древней керамикой преобладают жилища других форм — столбовой или срубной конструкции.

На поселении Ханска II, которое рассматривается молдавскими археологами как одно из наиболее ранних среди славянских древностей междуречья Днестра и Прута, в жилище 8 вместо печи (как исключение) находился открытый очаг, несколько углубленный в пол. Можно предполагать, что в результате дальнейших исследований в междуречье Днестра и Прута землянки с очагами будут найдены и в других пунктах.

Таким образом, древности территории Молдавии в основном не противоречат тем наблюдениям, которые были сделаны по материалам других частей восточнославянской территории. Они подтверждают, в частности, высказанную выше мысль о том, что славянское население междуречья Днестра и Прута имело в своем составе выходцев из бассейна Днепра — пеньковцев.

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА В ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ I ТЫС. Н. Э.

I

Подавляющее число пунктов с остатками славянских поселений, известных в области, где в начале третьей четверти I тыс. н. э. были распространены древности типа Пеньковки, относится к последующему времени — к VII—IX вв. Их дата может быть определена лишь приблизительно, так как в большинстве случаев мы не располагаем материалами для сколько-нибудь точного определения хронологии памятников. Находки из раскопов — почти исключительно обломки глиняной посуды, которые в лучшем случае могут быть использованы лишь для относительной датировки. Изредка встречающиеся изделия из железа — ножи, наконечники стрел, острия, серпы и др. — еще менее благодарный для определения времени памятников материал. Изделия из бронзы и серебра — предметы убора и украшения, по которым археологи обычно определяют дату древностей, — попадаются при исследовании славянских поселений как редкое исключение.

Надежным признаком, позволяющим отличить более поздние славянские поселения от наиболее ранних, пеньковских, является наличие жилищ-землянок с печью в одном из углов. Во второй половине VI—начале VII в. они распространяются повсюду, сменяя старые формы жилищ, отапливаемых с помощью открытых очагов.

Но признать землянки в качестве точного мерила времени, конечно, тоже нельзя. Кстати, землянки бывают двух типов: у одних стены образуют сруб; у других налицо столбовая конструкция стен, когда их основой служили вертикальные столбы, вкопанные по углам и в середине стен постройки. Оба типа построек имелись в Поднепровье еще в первой половине I тыс. В дальнейшем по мере накопления материала из различия типов жилищ можно будет сделать выводы о первоначальном месте обитания той или иной группы славянских племен.

В VII—IX вв. исчезают старые пеньковские формы глиняной посуды, биконические и цилиндроконические. Господствуют высокие, изготовленные вручную плоскодонные горшки со слегка выпуклым, несколько расширяющимся кверху туловом и слабопрофилированным венчиком, обычно немного суженным и чуть

отогнутым наружу. В последней четверти I тыс. венчики становятся более профилированными. Посуда не орнаментировалась; ее поверхность была обычно очень неровной из-за грубых примесей к глине (песок, шамот). Изредка край венчика украшался насечками, ямками или защипами. Возможно, в этом следует видеть старую зарубинецкую традицию. В позднезарубинецкое время она распространялась кое-где на севере, а во второй половине I тыс. вместе с проникновением населения с севера на юг обнаружилась на некоторых славянских поселениях в южных областях.

Не менее характерной группой славянской раннесредневековой керамики, сравнительно малочисленной, являются тарелки или сковороды, прототипом которых были глиняные крышки сосудов-зерновиков. В зарубинецкое время крышки имели вид дисков, верхняя, наружная сторона которых иногда украшалась рядами защипов, прочерченными линиями и др. Позднее крышки приобрели невысокие бортики, благодаря которым они более плотно закрывали сосуды. Вскоре перевернутые крышки стали употребляться как самостоятельный вид посуды — тарелки или сковороды. Высота бортиков выросла до 3—4 см.

В небольшом количестве среди керамических остатков VII—VIII вв. встречаются обломки посуды, сделанной на гончарном круге, попадавшей к славянскому населению со стороны. В отличие от местной керамики, вылепленной в домашних условиях из глины с примесью грубого песка или шамота, приобретенная на стороне посуда изготовлялась из глиняного теста лучшего качества, хорошо обжигалась. Нередко ее поверхность украшалась узором из прочерченных линий. Обычным типом привозной посуды являются высокие кувшины с ручками, амфоры и более высокие горшки.

Эта керамика свидетельствует, что славянское раннесредневековое население, продвинувшееся к югу, установило тесные торговые связи с ремесленными центрами, существовавшими в то время по славяно-кочевническому пограничью. Таких центров в Поднепровье в настоящее время известно археологам несколько. Из них особой популярностью пользуются два: балка Канцирка на правом берегу Днепра около с. Федоровка Запорожской области, где сохранились остатки печей, служивших для обжига описанной выше керамики,[1] и Пастырское городище на правобережье р. Сухой Ташлык, где на старом скифском городище находятся остатки ремесленного поселка VII—начала VIII в., среди населения которого были кузнецы, ювелиры, резчики по кости, гончары и др.

В начале VIII в. Пастырское поселение было разгромлено, вероятно, хазарами и сожжено. Несколько поколений археологов, начиная с В. В. Хвойки, собирали в пределах городища древние

[1] *Брайчевська А. Т.* Розкопки гончарського горна в балці Канцирка в 1955 р. — Археологія, 1961, т. 13, с. 114—118.

Сміленко А. Т. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II—XIII ст.). Київ, 1975, с. 118—140. — *Прим. ред.*

бронзовые и серебряные украшения. В 1949 и 1951 гг. во время раскопок М. Ю. Брайчевского на Пастырском городище были найдены остатки многочисленных построек VII—VIII вв. — наземных с глинобитными стенами на деревянном каркасе и типичных славянских землянок с печами в углу, частично вырезанными в материковом суглинке, частично сложенными из камня. Обнаружены кузница с разнообразным набором инструментов, обильные следы железоделательного мастерства (шлаки, крицы), остатки гончарного горна и др.

Средневековая керамика с Пастырского городища подразделяется на две основные группы. Первую составляет гончарная посуда, аналогичная находимой в небольшом количестве на славянских сельских поселениях, такая же, какую выделывали гончары Канцирки. По центрам изготовления она получила наименование канцирской или пастырской. Обычно ее связывают с кочевническим миром. Но подлинные истоки следует искать в более раннее время в причерноморских античных городах. В недавнем прошлом некоторые археологи ошибочно рассматривали данную керамику как позднечерняховскую, якобы связывающую черняховские древности со средневековыми славянскими. Но это было явной ошибкой. К черняховской посуде она не имеет никакого отношения.

Вторую группу на Пастырском городище составляет вылепленная вручную славянская посуда.[2] Она несколько отличается по формам от славянской керамики, происходящей из поднепровских селищ, обладая, в частности, округлыми очертаниями. Но пока что ничего определенного по данному поводу сказать нельзя, так как материала недостаточно. Окрестные селища совсем не изучены. Во всяком случае эта керамика и упомянутые выше землянки не оставляют сомнения в том, что среди обитателей Пастырского городища в раннем средневековье имелся немалый славянский элемент. Принимали ли славяне непосредственное участие в ремесленном деле, представленном на поселении, или они составляли преимущественно земледельческую часть его обитателей — точно сказать, конечно, трудно. Но, видимо, на первый вопрос следует дать положительный ответ. Ремесло с третьей четверти I тыс. мало-помалу распространялось повсюду в славянской среде. На некоторых поселениях, как мы видели, находят при раскопках литейные формочки, служившие для изготовления бронзовых украшений. Были популярны железоделательное производство и кузнечное дело. Другой вопрос — насколько в третьей четверти I тыс. ремесло было развито и обособлено от земледелия. По-видимому, этот процесс еще не вышел тогда из своих первичных стадий.

[2] *Брайчевский М. Ю.* 1) Работы на Пастырском городище в 1949 г. — КСИИМК, 1951, вып. 36; 2) Исследование Пастырского городища в 1955 г. — КСИАУ, 1957, вып. 7; *Брайчевський М. Ю.* Нові розкопки на Пастирському городищі. — АП, 1955, т. 5.

Следует вернуться еще раз к «древностям антов», ибо именно с Пастырского поселения происходит наиболее значительная их коллекция. Они несомненно изготовлялись здесь и отсюда расходились среди обитателей обширной области. На том основании, что на славянских раннесредневековых поселениях уже неоднократно находили эти древности, их рассматривали выше как элемент славянской культуры. Но в литературе имеется, как известно, и другое мнение, связывающее «древности антов» с кочевническим миром. Совокупность данных, полученных в результате раскопок на Пастырском поселении, по моему мнению, окончательно решает вопрос в пользу славянской атрибуции их основной массы. Но они распространялись и в кочевнической среде, например наборные пояса, на которых имеются знаки явно не славянского происхождения. Но такие вещи, как фибулы, браслеты с утолщенными концами, височные кольца со спиралями, подвески разного рода, принадлежали бесспорно славянскому населению. Это подтверждают находки, происходящие из славянских могильников с трупосожжениями. Остается неясным происхождение фигурных украшений Мартыновского клада и фигурки из землянки на о-ве Мытковском у с. Скибинцы из раскопок П. И. Хавлюка. Скорее всего, они имели северокавказское происхождение — аланское.

II

Рядовые славянские поселения VII—IX вв. по сравнению с более ранними, как правило, значительно увеличиваются в размерах, насчитывая нередко 20—40 жилищ-землянок. В их расположении по площади поселений также заметны новые черты. Если раньше, в середине I тыс., поселения состояли нередко из компактной группы жилищ, примыкающих вплотную друг к другу, то теперь жилища размещаются в пределах поселения разбросанно, на расстоянии 5—15 м одно от другого. Более того, в тех случаях, когда производились значительные раскопки, было возможно установить, что жилища на поселении нередко образовывали как бы ряды. Хозяйственные сооружения также не группировались вместе, а рассредоточивались по всей площади поселения, очевидно, сопутствуя отдельным жилищам. Словом, если маленькие поселения середины I тыс. можно было охарактеризовать как единые хозяйственные дворы, обитатели которых составляли общины, вероятно патриархальные, ведущие нераздельное хозяйство, причем такие поселочки-дворы располагались обычно группами на небольшом расстоянии один от другого, то селища более позднего времени дворами уже не назовешь. Видимо, к последним столетиям I тыс. большие семьи-общины в славянской среде повсеместно распались. На первое место в качестве хозяйственной единицы выдвинулась малая семья, чем и объясняются перемены в размерах и планировке поселений. Конечно, все эти перемены совершались не сразу и не синхронно в различных областях. Следы патриархаль-

ного устройства улавливаются, как известно, еще и в исторических свидетельствах древнерусского времени. Но в основном, судя по археологическим данным, патриархальный большесемейный строй на Руси изжил себя еще накануне рубежа II тыс. н. э.

В качестве примера поселения нового типа можно указать на полностью раскопанное Городокское селище на р. Смотриче, 20 жилищ которого образовывали два неровных ряда.[3] Такая планировка становится особенно ясной, если разделить жилища этого поселения на две группы: со следами пожара и без таковых, хотя, конечно, данное подразделение является весьма приблизительным, ибо неизвестно, один или несколько пожаров пережило поселение. Землянки Городокского селища не имели опорных столбов, и, следовательно, их стены представляли собой срубы, что указывает, по-видимому, на северное происхождение обитателей этих жилищ.

Судя по керамике, жизнь на Городокском поселении продолжалась относительно долго. Наиболее ранней, как указано выше, была керамика реберчатых форм с чуть отогнутым наружу маленьким венчиком. Более поздними являются стройные горшки с профилированным верхом. Интерес представляют сосуды из землянки 2, украшенные в верхней части неправильными узорами.

Следует еще указать, что в северной части поселения, за оврагом, рядом с остатками большого жилища были встречены остатки сооружения в виде ровной площадки, выложенной плоскими камнями, на которой сохранились следы огня. По мнению авторов публикации — И. С. Винокура и О. М. Приходнюка, в этом сооружении следует усматривать место для отправления культовых действий — святилище.

Примерно такую же картину представляет собой второй этап заселения южнобужского поселения Семенки, где также намечается расположение жилищ двумя неправильными рядами. На этом поселении жилища имели как срубную, так и столбовую конструкцию. Столбовые постройки, рубленные из более коротких бревен лиственного дерева, могут рассматриваться как создания более южной архитектуры.

Самое примечательное в Семенках — восемь построек производственного назначения, также углубленных в землю, но по форме прямоугольных, а не квадратных, как жилища. В их пределах найдены пряслица, костяные лощила, обломки льячек и литейных формочек, куски шлака, точильные камни, не оставляющие сомнения в назначении помещений. Это несомненно были мастерские, где выделывалась кожа, ткались полотно и шерсть, обрабатывались кость, черный и цветные металлы. Очевидно, в Семенках в период второго этапа заселения ремесла стали важным и постоянным делом его обитателей.

[3] *Винокур И. С., Приходнюк О. М.* Раннеславянское поселение на р. Смотрич. — РВД, 1974, с. 227—241.

Древнейшие землянки в Семенках датируются, по-видимому, концом VI—началом VII в. Об этом говорит биконическая керамика, в том числе сосуды, украшенные налепным валиком под венчиком. Второй этап заселения определяется профилированной посудой горшковидных форм.[4]

В Днестровском Левобережье пока нет поселений, исследованных полностью. Раскапывались лишь отдельные землянки, а если несколько, то нельзя быть уверенным в их одновременности. Примером может служить поселение Зеленый Гай, обнаруженное В. Д. Бараном. Исследованные там восемь славянских жилищ-землянок, вероятно, входивших в состав одного поселения, судя по керамике, оказались несколько разновременными. Они расположены на значительном расстоянии одно от другого, в разных раскопах, хотя по своему устройству походят друг на друга. Все землянки имели стены столбовой конструкции. Признаков ремесленного производства, таких как в Семенках, в Зеленом Гае не встречено.[5]

На правом берегу Днестра находится известное многослойное поселение Незвиско, в пределах которого Г. И. Смирновой было раскопано 10 славянских жилищ-землянок. Они относятся к двум этапам жизни на поселении. Первый этап, к которому принадлежат две землянки (№ 5 и 8), датируется, по-видимому, началом VII в. н. э. Землянки второго этапа более поздние в пределах третьей четверти I тыс. Кроме землянок на поселении открыто несколько колоколовидных хозяйственных ям с горизонтальным дном.[6]

Выше по Днестру, на левом берегу, группа древних поселений исследована на его притоке — р. Гнилая Липа. Это Бовшев I на правом берегу реки и Бовшев II и Демьянов на всхолмлениях левого берега. Все поселения многослойные; помимо остатков раннеславянской культуры там имеются как более ранние напластования, так и следы культуры древнерусского времени. Выкопанные в мощном культурном слое землянки не всегда четко обозначались. Печи были сложены из камня. Судя по керамике, поселения разновременные: более ранним является Бовшев I, где раскопано пять жилищ. Происходящая отсюда керамика имеет маленькие, чуть отогнутые наружу венчики, иногда украшенные налепным валиком. Среди землянок, исследованных на поселении Бовшев II, одна дала более позднюю керамику — толстостенную, с защипами по венчику, в том числе тарелки со сравнительно высокими бортиками. В Демьянове найдена керамика с относительно профилированными венчиками. Встречена бронзовая пальчатая фибула, позволяющая датировать поселения VII в. н. э.[7]

[4] *Хавлюк П. И.* Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга. — РВД, 1974, с. 196—198, 201—210.

[5] *Баран В. Д.* Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ, 1972, с. 170—185.

[6] *Смирнова Г. И.* Раннеславянское поселение у с. Незвиско на Днестре. — PA, 1960, sv. 51, s. 22—238.

[7] *Баран В. Д.* Ранні слов'яни ..., с. 143—155, 161—166.

Значительные раскопки были осуществлены в верховьях Западного Буга на поселении Рипнев II. Здесь на обоих берегах р. Рудки, впадающей в Буг, обнаружены остатки огромного поселения или тесной группы поселений третьей четверти I тыс., перекрывающих слой с остатками черняховского селища. В течение пяти лет раскопок, произведенных В. Д. Бараном, там было вскрыто более 6000 м² площади, в пределах которой найдены 110 жилищ-землянок и три печи для изготовления железа. К сожалению, работы велись четырьмя раскопами и общая планировка поселка осталась невыявленной. Известно лишь, что печи для изготовления железа находились на правом берегу реки в урочище «За Липами», где были открыты и четыре жилища. Шесть жилищ обнаружили в трех раскопах на противоположном, левом берегу р. Рудки в урочище «Горохов».

Все землянки имели квадратную форму. Судя по незначительному числу столбовых ям, большинство их было срубной конструкции. Нижние части печей вырезаны в материке, верхние сооружены из глиняных вальков. В некоторых землянках отмечены неглубокие предпечные ямы.

Печи для изготовления железа сыродутным способом имели в плане круглую форму, диаметр, несколько превышающий 1.5 м. Их нижние части были вырезаны в материке, верхние слеплены из глины с включением обломков керамики; толщина стенок равнялась 4—8 см. Найдено много железного шлака и криц. Печи составляли единый комплекс с одним из жилищ, являвшимся, очевидно, мастерской.[8]

На Днестре, в верховьях Западного Буга и в среднем течении р. Горыни, правом притоке р. Припяти, имеется еще несколько поселений, на которых производились раскопки. Но масштаб работ был очень небольшим: исследовались одна-две землянки, находки состояли из обломков лепной керамики.

III

Следует сказать несколько слов о раскопках на городище Зимно, лежащем на левом берегу р. Луги, правого притока Западного Буга. Городище представляет собой интереснейший памятник, к сожалению, плохо сохранившийся и, по-видимому, не до конца понятый его исследователями. Оно занимает среднюю часть удлиненного мыса коренного берега, вытянутого с юго-востока на северо-запад. Его длина 135 м, наибольшая ширина в юго-восточной части 65 м, в узкой северо-западной — 14 м. Над поймой р. Луги городище возвышается на 15—16 м. Во время раскопок выявлены культурные остатки различного возраста, начиная от энеолита и эпохи бронзы и кончая древнерусской землянкой X—XI вв., распо-

[8] *Баран В. Д.* Раннеславянские памятники на Западном Буге. — SA, 1965, sv. 13, č. 2, s. 319—370.

ложенной в северо-западной части городища, и остатками XII—XIII вв. Но основным являлся слой VI—VII вв. С ним связаны сохранившиеся на городище остатки укреплений.

Вдоль западного склона они представляли собой остатки постройки, от которой уцелели два параллельных ряда столбовых ям, расположенных вдоль склона примерно в 3 м друг от друга. В каждой столбовой яме стояло по два столба, между которыми в горизонтальном положении лежали бревна, образующие две стены постройки — наружную и внутреннюю. Бревна сгорели, но их остатки сохранились на высоту 0.7—0.9 м; это говорит о том, что в момент пожара они были засыпаны землей рухнувшей насыпи, подпиравшей постройку снаружи, или крыши. На некоторых бревнах уцелели остатки коры. Бревна были дубовые, сосновые и березовые. Различные породы деревьев, из которых была сооружена постройка, и то, что бревна сохранили кору, — свидетельства сооружения постройки наскоро.

По средней линии внутри постройки располагались несколько кострищ и завалы обожженной глины. Здесь же были найдены обломки керамики, кости животных и различные металлические — железные и бронзовые — изделия. В. В. Аулих в своей книге, посвященной городищу Зимно, сравнивает остатки постройки, обнаруженные вдоль западного склона городища, с сооружениями, исследованными автором этих строк на древних городищах Смоленщины (рис. 18).[9]

С юго-восточной стороны городище было укреплено небольшим земляным валом. Вдоль восточного склона оборонительных сооружений не обнаружено. Предполагается, что крутой склон делал их здесь излишними. Не настаивая на своей правоте, полагаю, что укрепления, подобные сооружениям западного склона, имелись и вдоль восточного. Но они обрушились, когда безымянный приток р. Луги подмывал здесь коренной берег с ее стороны. Сейчас его русло искусственно спрямлено; оно отрезает мыс, на котором расположено городище, и разрушение восточного склона прекратилось.

Принимая во внимание форму укреплений городища, то, что сооружение было не капитальным (кора на бревнах, разные породы деревьев), наконец, то, что на городище не встречено жилищ-землянок, присущих каждому поселению, следует видеть в Зимно не место постоянного обитания, а временное убежище, куда население собиралось в часы опасности.

Мне представляется, что где-то вблизи городища Зимно находилось обычное поселение или «гнездо» небольших поселков, обитатели которых кроме сельского хозяйства занимались еще и ремеслами: кузнечным, ювелирным и др. При приближении неприятеля они перебрались на городище, взяв с собой все, что могли унести, в том числе и орудия труда, вооружение, полуфабрикаты изделий своего ремесла, готовые вещи, запас продовольствия. Но

[9] *Аулiх В. В.* Зимнiвське городище. Київ, 1972, с. 14.

Рис. 18. Исследование древнего городища у д. Мокрядино на Смоленщине.

враг оказался победителем: убежище Зимно стало его жертвой вместе со своими защитниками. При обследованиях О. М. Цинкаловского в 30-х гг. на склоне был найден скелет, похороненный в стоячем положении.[10] Другой скелет защитника городища был обнаружен у ограды во время раскопок последних лет. Его череп разбит. Отдельные человеческие кости, нередко со следами огня, неоднократно попадались при раскопках в разных частях городища

Можно думать, что городище было разграблено и уничтожено аварами, о чем говорят встреченные при раскопках наконечники стрел. Всего на городище найдено 36 наконечников стрел, разных по форме и по способу прикрепления к стреле. Из них выделяются восемь трехлопастных, обычных для аварских древностей. Время городища Зимно — VI—VII вв. — вполне соответствует аварской эпохе.

Кроме наконечников стрел на городище найдены несколько наконечников копий и дротиков, много железных ножей, шилья, удила, молоток, коса, железные пряжки различных форм и размеров. Из ювелирных изделий особенно интересны бронзовые и серебряные браслеты и их полуфабрикаты. Большинство браслетов представлено одной формой — круглыми в сечении, с утолщенными концами, иногда гранеными и покрытыми насечками. Интересны заготовки двух таких браслетов, свидетельствующие, что они

[10] *Цинкаловський О. М.* Матеріали до археологии Володимирського повіту. — Зап. науков. товариства ім. Шевченка, Львів, 1938, т. 154, с. 225—227.

изготовлены путем отливки заготовки и последующей ковки. Подобные изделия в середине и третьей четверти I тыс. н. э. имели чрезвычайно широкое распространение. Несколько аналогичных браслетов происходит из могильников с трупосожжениями, исследованных Ю. А. Липкингом около г. Курска.[11] Они обычны в кладах «древностей антов». Другие предметы убора (пряжки, кольца, бляшки, подвески) также часто находят себе аналогии среди ювелирных изделий VI—VII вв.

Вся керамика из городища Зимно вылеплена вручную; по формам она полностью повторяет посуду, происходящую из окрестных поселений. Так как городище расположено относительно на севере, в бассейне верхнего течения Западного Буга, пеньковских форм керамики на нем не встречено.

Зимно — несомненно не единственное в Полесье городище-убежище третьей четверти I тыс. Имеется в этих местах еще несколько городищ, небольших, круглой или овальной формы, лишенных выраженного культурного слоя, бывших, по-видимому, такими же убежищами. Но они остались неисследованными, и в большинстве случаев точно не выявлены не только их характер, но и время.

Бесспорным убежищем было городище у с. Хотомель в нижнем течении р. Горыни, на ее правом берегу, раскопанное в 1954 г. Ю. В. Кухаренко.[12] Оно находится на невысоком всхолмлении в пойме рядом с остатками открытого поселения, на котором исследовано несколько землянок обычного характера, имеет форму овала, размеры 40 × 30 м. Раньше у подножия городища протекал ручей. Культурный слой разделяется углистой прослойкой на два горизонта; нижний характеризуется лишь лепной керамикой. Кроме нее в этом слое найден трехлопастный «аварский» наконечник стрелы, позволяющий датировать слой VI—VII вв. Верхний слой относится к более позднему времени — среди обломков керамики есть части горшков, изготовленных на гончарном круге.

Культурный слой городища — сыпучий песок, в котором очень плохо сохранились следы сооружений — ямы, столбовые ямы и др. По-видимому, в пределах городища имелись остатки наземных столбовых построек, но каких именно — сказать трудно.

Убежище у с. Бабка на р. Стыри, также расположенное около остатков поселения, оказалось более поздним, видимо соответствующим верхнему слою Хотомля. Примерно половина обломков керамики из числа найденных на городище принадлежит сосудам, изготовленным на гончарном круге. Численность находок очень невелика.[13]

[11] *Липкинг Ю. А.* Могильники третьей четверти I тыс. н. э. в Курском Посемье. — РВД, 1974, с. 139, 145.

[12] *Кухаренко Ю. В.* Средневековые памятники Полесья. — САИ, 1961, вып. EI-57, с. 22—27.

[13] Там же, с. 34—36.

IV

Раннеславянские древности северной части Полесья несколько отличаются от описанных выше своей большей примитивностью. Здесь, в лесном крае, по-видимому, обитали племена, долго сохранявшие старые формы жизни, что сказалось в незначительных размерах поселений, в расположении их тесными группами и в общем облике более простой культуры. Древности эти известны как тип Корчак (по названию с. Корчак на Житомирщине).

Впервые они были исследованы в конце XIX—начале XX в. украинским археологом С. С. Гамченко. Около с. Корчак особенно крупные раскопки он произвел в 1921—1923 гг. Бедность находок, состоявших лишь из обломков грубой лепной керамики, послужила причиной того, что в научный оборот материалы Гамченко были введены лишь в 50-х гг. нашего века, после того как Ю. В. Кухаренко сопоставил их со среднеевропейскими славянскими древностями пражского типа.[14] Вскоре В. П. Петров, заинтересовавшийся корчакскими древностями, опубликовал материалы Гамченко.[15] В конце 50-х и в 60-х гг. древностями корчакского типа занималась И. П. Русанова, предпринявшая широкие обследования по р. Тетереву и правобережным притокам р. Припяти и раскопки в ряде пунктов.[16]

Нечеткая граница, отделяющая эти древности от пеньковских, речь о которых шла выше, проходила по водоразделу между Тетеревом, реками бассейна Припяти и верховьями Днестра, с одной стороны, Росью, Южным Бугом и средним течением Днестра — с другой. На западе, за Бугом, корчакским древностям должны соответствовать славянские памятники с керамикой пражского типа. Северной границей древностей корчакского типа нельзя считать р. Припять, как это можно подумать на основании публикации И. П. Русановой.[17] Ю. В. Кухаренко, а затем Л. Д. Поболь, очевидно, не без основания сближали славянские древности VI—IX вв. обоих берегов Припяти и объединяли их в рамках одной культуры.[18] К сожалению, материалы обследований и раскопок Поболя на левом берегу Припяти остаются неопубликованными. Наиболее восточным пунктом, где представлена корчакская керамика, по Русановой, является г. Киев.

В своих основных чертах корчакские древности очень близки славянским древностям других областей. Те и другие несомненно принадлежали близкородственным племенам. Корчакские поселе-

[14] *Кухаренко Ю. В.* Славянские древности V—IX вв. на территории Припятского Полесья. — КСИИМК, 1955, вып. 57.

[15] *Петров В. П.* Памятники корчакского типа. — МИА, 1963, № 108, с. 16—38.

[16] *Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом. — САИ, 1973, вып. Е1-25.

[17] Там же, табл. 1—3.

[18] *Кухаренко Ю. В.* Средневековые памятники Полесья, с. 7—39; *Поболь Л. Д.* Раннесредневековые древности Белоруссии (VI—IX вв. н. э.). — Berichte über den II Intern. Kongr. für Slawische Archäol., Berlin, 1973, Bd 3, S. 491—500.

ния располагались точно в таких же топографических условиях, как и ранние славянские древности других районов, — на ровных участках невысоких речных берегов, недалеко от воды. Размеры поселений в раннее время были невелики — 100—200 м в длину при ширине 30—60 м. Характерно расположение таких маленьких поселков группами, как бы гнездами по 3—4. Наиболее крупное «гнездо», по И. П. Русановой, находится на берегу р. Тетерева около с. Корчак. Оно насчитывает 14 поселков, расположенных вдоль реки на протяжении 5 км на соседних участках берега. Их разделяют овраги или расстояние в 300—500 м. Подобные «гнезда» поселений обычно удалены одно от другого на 3—5—7 км. Они зафиксированы в ряде мест по р. Тетереву, по среднему течению р. Случи, по ее притокам и в других местах Волыни и Полесья.

При раскопках на поселениях обнаруживаются остатки квадратных в плане жилищ-землянок всегда с печами-каменками в углу. По-видимому, корчакские поселения следует сравнивать не с наиболее ранними пеньковскими либо деснинскими древностями середины или начала третьей четверти I тыс. н. э., характеризующимися землянками с очагом, часто со столбом в центре, а с несколько более поздними пеньковскими поселениями типа Стецовки 1—Молочарни на Днепре или с первым периодом застройки поселения Семенки на Южном Буге, где землянки тоже всегда имели печи. Об этом же говорит расположение землянок в пределах поселений. На корчакских селищах жилища, как правило, не составляли тесных групп, а находились нередко на значительном удалении одно от другого. Такое селище, как указывалось выше, уже нельзя считать единым хозяйственным двором, чем являлись, по моему мнению, славянские поселения более раннего времени. Речь здесь идет, конечно, не об абсолютном хронологическом соотношении древностей, а о степени распада древних большесемейных общин.

Одно из поздних волынских поселений — селище Шумск на р. Гнилопяти, притоке р. Тетерева, — И. П. Русанова интерпретирует как общинный религиозный центр. Кроме остатков жилых и хозяйственных построек рядом с курганным могильником были обнаружены остатки большого крестообразного в плане сооружения, в центре которого и по трем концам находились кострища. Здесь же открыто несколько ям от вертикально стоящих столбов: одна большая (в центре), остальные поменьше, — которые И. П. Русанова предположительно рассматривает как следы стоявших здесь деревянных идолов. Насколько правильна в деталях такая реконструкция, сказать, конечно, трудно. Но то, что сооружение в Шумске было языческим святилищем, представляется весьма вероятным.[19]

По сути дела, единственный материал, позволяющий отчетливо

[19] *Русанова И. П.* Языческое святилище на р. Гнилопяти под Житомиром. — В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 233—237.

различать пеньковские и корчакские древности, — керамика. На пеньковских селищах, как мы видели, представлена посуда нескольких форм: биконическая, цилиндроконическая, горшковидная и др., тогда как для корчакской культуры характерны однообразные высокие горшковидные сосуды с узким дном, чуть выпуклыми, расширяющимися кверху стенками, несколько суженным прямым или еле заметно отогнутым наружу маленьким венчиком. Встречаются горшки с венчиком, слегка загнутым внутрь. Диаметр горла сосудов не более чем в 1.5 раза превышает диаметр дна. Исключением являются сосуды с широко раскрытой горловиной, именуемые тюльпановидными. Низкие сосуды подобной формы правильнее называть мисками. В небольшом количестве попадаются обломки гарелок или сковородок — глиняные диски с невысокими закраинками, такие же как и в пеньковской керамике. Авторы по-разному классифицируют формы керамики, подходя к этому субъективно.[20] Ведь вся корчакская посуда лепилась вручную, в домашних условиях, горшки не подразделялись на четко отличающиеся друг от друга типы.

Размеры сосудов различны: их средняя высота от 10 до 25 см, диаметр горла 10—20 см. Встречены сосуды-зерновики высотой до 40 см и диаметром 30 см. Никакого орнамента корчакская посуда не имеет. Лишь в отдельных случаях под венчиком проходит опоясывающий сосуд горизонтальный валик с косыми насечками.

В более позднее время керамика славянских поселений Волыни и Полесья, сохраняющая в основном старые формы, делается более профилированной: у нее сужена шейка, ясно обозначены плечики и отогнут наружу венчик. Край венчика нередко украшался ямками, защипами или насечками. В целом керамика грубее более ранней, толстостеннее. Ее нередко называют посудой типа Луки-Райковецкой, по имени селища около урочища Лука вблизи с. Райки на Житомирщине.[21] С IX в. повсюду на славянских поселениях распространяется глиняная посуда с волнистым орнаментом, изготовленная на гончарном круге.

Если в VI—VII вв. пеньковские и корчакские сосуды заметно различались, то в последние века I тыс. посуда Волыни и более южных областей во многом сблизилась как по форме, так и по общему облику. Можно думать, что реберчатые формы посуды в более южных областях мало-помалу изжили себя, как и в других областях славянского мира. Но не исключено и другое решение вопроса. Быть может, причину изменения форм в южных областях следует объяснять продвижением с севера на юг значительных групп корчакского населения с их однообразной посудой, похожей на пражскую.

Помимо керамики на поселениях корчакской культуры, как уже указано, не встречается никаких других находок. Отдельные (точнее — единичные) вещи: бронзовые украшения, литейные фор-

[20] Там же, с. 10—12.
[21] *Гончаров В. К.* Лука-Райковецкая. — МИА, 1963, № 108, с. 283—315.

мочки для их изготовления, железные наконечники стрел и копий, ножи, обломок серпа, косарь, — опубликованные И. П. Русановой, происходят преимущественно из поселений, которые относятся к позднему периоду культуры Корчак. Чаще попадаются на рядовых поселениях глиняные пряслица, обычно биконические, иногда с точечным орнаментом, точильные бруски, обломки круглых ручных жерновов.

Специфическими корчакскими предметами, не встречающимися в других областях древнего восточнославянского мира, являются так называемые хлебцы. Это небольшие глиняные лепешки, имевшие вид плоско-выпуклой линзы, диаметром 8—10 см, толщиной в средней части 3—4 см. Попадаются они в жилищах по одному-два. На поселении Корчак IX в яме найдены вместе 10 «хлебцев» и обломки от них. Как все непонятное, археологи обычно рассматривают «хлебцы» в качестве предметов, относящихся к области культа.[22] Нужно еще добавить, что их поверхность бывает заглажена, иногда подлощена. По сообщению И. П. Русановой, на одном «хлебце» по сырой глине пальцем нанесены две перекрещивающиеся линии.

Кроме остатков поселений древностями корчакского типа являются бескурганные могильники или группы невысоких курганов. Те и другие содержат результаты обряда кремации — захоронения пережженных человеческих костей. Можно предполагать, что курганный обряд более поздний, чем захоронение результатов кремации на бескурганных могильниках, но, судя по формам керамики из погребений, оба обряда в VII—IX вв. практиковались одновременно.

В бескурганных могильниках, обычно небольших, содержащих до 10 захоронений, последние помещались в ямы глубиной до 15—25 см. Пережженные кости, очищенные от углей и золы погребального костра, ссыпались в глиняные урны или другие емкости, часто же, по-видимому, непосредственно в яму. Иногда кости бывают накрыты сосудом, перевернутым вверх дном. Ямы в плане разного размера — от 40 см и более в поперечнике. Попадаются большие вытянутые ямы — до 1.5 м длиной. Следовательно, в погребальной обрядности прослеживаются в целом те же традиции, с какими мы встречались на Верхнем Днепре и в Подесенье в более раннее время. Могильники находились вблизи поселений. Известны случаи, когда отдельные захоронения совершались в пределах поселений, рядом с жилищами. Как исключение вместе с пережженными костями в захоронениях находят вещи, составлявшие принадлежность одежды (оплавившиеся стеклянные бусины, пряжка).

Курганы, большая часть которых на корчакской территории относится к последним векам I тыс., нередко составляли значительные группы, расположенные вдали от поселений. Число курга-

[22] *Винокур И. С.* Волынские «хлебцы». — Науч. ежегодник Черновиц. гос. ун-та за 1958 г., 1960. — *Прим. ред.*

нов в группах определить в настоящее время весьма трудно, так как многие из них подвергались распашке или разрушены по другой причине. Курганы обычно невелики — высотой 40—50 см, реже 1 м; диаметр лишь изредка достигает 10 м. Группы курганов бывают очень тесными, насыпи становятся основаниями. Иногда вокруг курганов заметны неглубокие ровики, откуда брали землю для сооружения насыпей.

Большинство раскопок корчакских курганов было произведено С. С. Гамченко и другими лицами еще в конце XIX и начале нашего века, когда техника раскопок была далека от совершенства. В настоящее время поэтому не всегда можно составить полное представление об устройстве корчакских курганов. Следует присоединиться к той критике, которая была высказана И. П. Русановой по поводу раскопок Гамченко около с. Корчак.[23] Говоря о курганах, нельзя не отметить еще одну существенную неясность, явившуюся следствием неполной раскопки курганных насыпей. А именно — осталось неустановленным, во всех ли случаях курганы сооружались для одного захоронения или же среди них были своего рода семейные усыпальницы, известные в других славянских землях. Оставались также непонятными те сооружения — срубы, прямоугольные и круглые ограды из бревен или камней, — которые обнаруживались исследователями под насыпями курганов. По мнению Русановой, сожжения умерших всегда совершались на стороне. Пережженные кости помещались иногда в урну, чаще без нее, в ямках или на горизонте под насыпью кургана, а в отдельных случаях — в толще насыпи. Таким образом, корчакские погребальные памятники не выпадают из круга славянских древностей, известных в области Поднепровья в третьей четверти I тыс.

Если мы обратимся к памятникам Днепровского Левобережья, включая сюда поречье Десны и Сейма, а возможно, и верхнее течение Сулы, Псла и Ворсклы, то в этих местах встретимся еще с одной группой славянских древностей третьей четверти I тыс.; их называют обычно волынцевскими по поселению и могильнику около с. Волынцева Сумской области, находящегося на правом берегу р. Горна, притока р. Сейма. Быть может, к этой же группе относятся славянские древности третьей четверти I тыс., расположенные там, где их никто прежде не ожидал, — в бассейне Северского Донца, в настоящее время еще недостаточно изученные.

Остатки поселения у с. Волынцева, давшие наименование левобережным древностям, расположены на краю невысокой надпойменной террасы р. Горна, выше села в урочище Стан. Место поселения представляет собой широкий мыс с относительно пологими склонами. Рядом с поселением, ближе к селу, находится грунтовый могильник с захоронениями остатков трупосожжений, не имеющий никаких внешних признаков. Во время раскопок, произведенных в 1948 г. Д. Т. Березовцом, на поселении было

[23] *Русанова И. П.* Славянские древности ..., с. 26, 27.

вскрыто пять жилищ-землянок, а на могильнике — 15 захоронений остатков трупосожжений в глиняных сосудах. В последующие годы раскопки на Волынцевском поселении были продолжены. В итоге число исследованных жилищ достигло 36.

Землянки, вскрытые на поселении в разных местах, не отличались от обычных. Они имели квадратную, иногда чуть вытянутую форму, средние размеры 4 × 4 м, были углублены в землю на 0.4—1.2 м. Одна из землянок достигала 6 м в поперечнике и была опущена в грунт на 0.8—0.9 м. Особый интерес представляет землянка 25, размером 4 × 4 м, глубиной 1 м, без печи. Ее особенность — наличие столбовой ямы в центре помещения, глубиной 0.65 м. Место очага не было отмечено автором раскопок, но он несомненно находился в средней части пола помещения, а следовательно, землянка полностью повторяла среднеднепровские левобережные жилища первой половины и середины I тыс.

В двух землянках, отличавшихся большими размерами и имевших производственное назначение, было по три печи. В предпечной яме одной из них собрано много железного шлака, а за печью найдена железная крица. Во всех других землянках в одном из углов находилась печь, вылепленная из глины. Ее свод возводился из глиняных конусов и кирпичей. Под печи располагался на уровне пола землянок. В землянках имелись хозяйственные ямы, а в трех случаях — предпечные углубления. В некоторых землянках удалось проследить места входов. Во многих из них в большом количестве обнаружены куски глиняной обмазки с отпечатками прутьев лозы. Можно полагать, что стены этих землянок были сплетены из лозы и обмазаны внутри и снаружи глиной. Их основой служили вертикальные, вкопанные в землю столбы. Другие землянки имели стены, рубленные из бревен. Во всех землянках найдены обломки керамики, лепной и немного сделанной на гончарном круге, кости животных, глиняные пряслица и другие вещи. Около одного из жилищ при раскопках был обнаружен железный наральник; в другом месте — кресало, железные ножи, серп, коса, обломок бронзового браслета, круглого в сечении, с расширенными концами. Колхозниками была выкопана на территории поселения большая зернотерка.

Захоронения, вскрытые в могильнике, отличались друг от друга по числу глиняных сосудов. Из 15 захоронений в восьми встречено лишь по одному сосуду-урне. Все они грубые, лепные. В некоторых кроме пережженных костей лежали бусины, обычно одна-две. В одном случае были обнаружены примерно 150 бусин и железный перстень. В трех погребениях находилось по два сосуда, причем в одном погребении первый сосуд содержал пережженные кости, два бронзовых браслета с расширенными концами и много бусин, а второй оказался пустым; он был поставлен, вероятно, с какой-нибудь пищей. В двух погребениях встречено по три сосуда с пережженными костями. В одном богатом погребении находилось шесть сосудов; два из них были заполнены результатами кремации, остальные содержали, видимо, пищу. Три сосуда в этом погребении

были изготовлены на гончарном круге. Среди вещей из данного погребения отметим маленький кусок кольчуги, два соединенных друг с другом железных кольца и 25 стеклянных и пастовых бусин. Может быть, здесь были захоронены остатки двух сожженных людей — мужчины и женщины, которой и принадлежали бусы. Наконец, еще в одном погребении обнаружено восемь сосудов, из которых в шести находились остатки трупосожжений. Кроме пережженных костей здесь лежали железные кольца, какие-то проржавелые предметы, бронзовые бляшки и пряжка, пострадавшие от огня. Половина сосудов — грубые, остальные сделаны на гончарном круге.

Керамика, найденная на поселении, повторяет посуду из могильника. И там и здесь преобладает лепная — грубая, в форме горшков с узким дном и слабопрофилированным венчиком, украшенным по верху защипами, и более тонкостенная, с гладкой поверхностью и высоким прямым венчиком. Кроме горшков обе группы лепной посуды представлены еще сковородами, грубыми толстостенными и более аккуратными. В одной из землянок около печи было обнаружено разбитое толстостенное глиняное «блюдо» («противень») четырехугольной формы с округлыми углами, размером 0.77×0.67 м, составляющее с печью одно целое.

Керамика, изготовленная на гончарном круге, имеет форму горшков с прямыми вертикальными венчиками. Они сделаны из относительно чистой, хорошо промешанной глины с примесью мелкого песка, сверху донизу покрыты орнаментом из прочерченных и пролощенных линий, вертикальных, горизонтальных, перекрещивающихся. На днищах есть клейма, обычно круглые с пересекающимися линиями. По фактуре эта керамика близка посуде салтово-маяцких древностей Нижнего Подонья, откуда она, возможно, и происходит.

В небольшом количестве на поселении у с. Волынцева найдены обломки амфор южного происхождения, изготовленных из хорошо вымешанной глины.[24]

Раскопки у с. Волынцева являются наиболее крупными работами в Днепровском Левобережье по изучению славянских древностей третьей четверти I тыс. Можно назвать еще исследования на поселении в урочище Лан около г. Сосницы в низовьях р. Убеди, правого притока р. Десны. Там было раскопано 10 землянок обычного типа, а в соседнем могильнике открыто примерно столько же трупосожжений в глиняных сосудах. Ряд трупосожжений оказался разрушен при прокладке дороги. На поселении кроме обломков керамики, грубой лепной и сделанной на гончарном круге, салтово-маяцкого облика, обнаружены железные ножи, пряслица, в том числе выточенные из черепков амфор, обломок круглого бронзо-

[24] *Березовець Д. Т.* 1) Дослідження на территоріії Путивльского району Сумської області. — АП, 1952, т. 3, с. 242—250; 2) Дослідження слов'янських пам'яток на Сейме в 1949—1950 рр. — Там же, 1955, т. 5, с. 49—66; *Березовец Д. Т.* Новые раскопки в с. Волынцево. — АИУ 1965—1967 гг., 1967, вып. 1, с. 166—169.

вого зеркала, такого же, как зеркала из Салтовского могильника. Найдены глиняные «хлебцы» и конусы, составлявшие своды глиняных печей. На могильнике в сосудах-урнах вместе с обломками пережженных костей встречались стеклянные и пастовые бусины, в большинстве случаев попорченные огнем, и оплавленные бронзовые украшения. Материалы из урочища Лан очень близки волынцевским древностям. Их время — VII—VIII вв., скорее — VIII в., о чем говорят типы бус и другие находки салтово-маяцкого характера.[25]

Изучением волынцевских древностей и выделением их в особую группу мы обязаны Д. Т. Березовцу, который провел раскопки как у с. Волынцева, так и в урочище Лан, упорно отстаивая их относительно ранний возраст (VII—VIII вв.) по сравнению с древностями роменско-боршевского типа. Его главным оппонентом являлся И. И. Ляпушкин, недооценивший памятники славянских племен второй и третьей четвертей I тыс. Он оспаривал положение Березовца об особой группе волынцевских древностей, ошибочно полагая, что славяне впервые появились на левом берегу Среднего Днепра не раньше VIII в., и не отделял волынцевские древности от роменско-боршевских VIII—X вв.[26] Авторитет Ляпушкина заставил многих других исследователей, в числе которых одно время был и автор этих строк, не соглашаться с мнением Березовца, материалы которого к тому же были очень плохо опубликованы. В настоящее время датировка, предложенная Березовцом, и его мнение о выделении особой группы волынцевских древностей являются общепризнанными. Дата последних, как сказано выше, опирается на хронологию наиболее ранних, салтово-маяцких древностей.

В отличие от роменско-боршевских поселений VIII—XI вв., как правило, представляющих собой городища, т. е. поселения, расположенные на труднодоступных отрогах высоких крутых берегов, укрепленных валами и рвами, волынцевские поселения находятся обычно на сравнительно невысоких местах, на краю надпойменных террас или на всхолмлениях в пойме, как например урочище Лан. Они не имели никаких искусственных укреплений. Это были открытые селища, такие же самые, как славянские поселения середины I тыс. н. э., только более крупные. Очевидно, их население представляло собой уже не патриархальные общины, как было раньше, а совокупность малых индивидуальных семей, ведущих каждая свое отдельное хозяйство. Жители волынцевского поселения хоронили сожженные остатки умерших на бескурганных «погребальных полях», повторяя погребальную обрядность, распространенную здесь в предыдущее время.

Отличие волынцевских древностей от роменских наблюдается и в таком массовом материале, как керамика. Для волынцев была

[25] *Березовець Д. Т.* Дослідження слов'янських пам'яток ..., с. 54—56.

[26] *Ляпушкин И. И.* К вопросу о памятниках волынцевского типа. — СА, 1959, т. 29—30, с. 58 сл.

характерна глиняная посуда двух типов: грубые высокие горшки ручной работы с узким дном и венчиком, украшенным защипами, и посуда лучшего качества, с гладкой поверхностью, в виде низких, относительно широких горшков с прямым вертикальным венчиком, гладким, без защипов и насечек. Изредка встречающиеся среди керамического материала обломки сосудов с типичным роменским орнаментом относятся, очевидно, к последним моментам жизни на поселениях, когда в Среднеднепровском Левобережье уже появились с севера роменские племена. Посуда, изготовленная на гончарном круге, как сказано выше, по фактуре и орнаментации близко напоминает салтово-маяцкую. Но в отличие от свойственного ей разнообразия форм, причем форм очень характерных,[27] волынцевская кружальная посуда очень однообразна. Это главным образом невысокие широкие горшки с вертикальной прямой шейкой, близкие волынцевским лепным сосудам второго типа. По-видимому, гончары делали эту посуду в расчете на определенного славянского покупателя или, может быть, они сами происходили из славянской среды.

Несколько слов о хронологии древностей волынцевского типа, которую, вероятно, возможно несколько уточнить. Следует иметь в виду, что салтово-маяцкая культура появилась на берегах Дона не раньше середины VIII в.[28] Приблизительно тогда же стали распространяться в Среднеднепровском Левобережье роменские городища. Поэтому волынцевские поселения типа селища у с. Волынцева и поселения в урочище Лан могут относиться к очень узкому отрезку времени, измеряемому скорее всего половиной столетия. Волынцевские поселения, собственно говоря, не заслуживают выделения их в особую группу, если бы на этой же территории не были известны славянские древности более раннего периода — VI—VII вв., по керамике близкие волынцевским.

Прежде всего здесь имеются в виду два бескурганных могильника, обнаруженных Ю. А. Липкингом вблизи г. Курска.[29] Первый находится на краю надпойменной террасы левого берега р. Суджи, правого притока р. Псла, напротив хут. Княжьего. Он сравнительно невелик: исследованы 24 трупосожжения, большинство из них в грубых сосудах-урнах. Несколько погребений Княжинского могильника было разрушено при распашке и добыче песка, так что их общее число, по мнению Липкинга, равнялось 30—40.

Погребения Княжинского могильника в основном отличались однообразием. В восьми случаях были обнаружены жженые кости в урнах, очищенные от углей и золы. Остатки погребального костра ссыпались предварительно в яму. В ряде погребений небольшие урны были накрыты крупным сосудом; в других — маленькая урна стояла внутри большого сосуда. В трех случаях были встре-

[27] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. — МИА, 1967, № 142, с. 103—134.
[28] Там же, с. 135—143.
[29] *Липкинг Ю. А.* Могильники третьей четверти I тыс. н. э. в Курском Посемье, с. 136—152.

чены пустые сосуды без признаков сожженных костей. В парном погребении (?) кальцинированные кости были разбросаны по дну ямы. Здесь же лежали обломки глиняного сосуда и два железных наконечника копий. Все погребения находились в среднем на глубине 0.4—0.5 м, на разном расстоянии одно от другого. Ни разу погребения не нарушали друг друга; очевидно, над ними были поставлены какие-то знаки.

В могильнике найдены две железные пряжки, столько же керамических пряслиц биконической формы и бронзовое кольцо с несомкнутыми концами — височное или детский браслет. Судя по облику глиняных сосудов, могильник относится к раннему времени, скорее всего к VI—VII вв.

Значительно более интересным оказался могильник, находящийся на правом берегу р. Сейма, напротив Дома отдыха в с. Лебяжьем, в 8 км от Курска. В отличие от Княжинского он очень большой: в двух раскопах исследовано 110 захоронений результатов кремации и не менее чем 100 погребений было испорчено при строительстве дороги, прошедшей через середину могильника. Несколько погребений было повреждено ямами, находящимися в западной части могильника, и при лесопосадках на всей его площади. По соображениям Ю. А. Липкинга, общее число погребений в Лебяжинском могильнике достигало приблизительно 200—250.

Для могильника характерно сравнительное разнообразие погребальной обрядности. Из 110 исследованных захоронений половина — безурновые, причем в одних в яму были ссыпаны очищенные кальцинированные кости, в других кости помещены в яму вместе с остатками погребального костра — углями и золой. В 30 погребениях пережженные кости, очищенные от остатков погребального костра, лежали в глиняных сосудах-урнах. Нередко часть результатов кремации ссыпалась в яму, а сверху ставилась урна. В некоторых погребениях было по две урны; в других урна была накрыта большим перевернутым сосудом; в третьих урна стояла внутри крупного сосуда. В одном погребении урну закрывала дисковидная глиняная крышка. Размеры сосудов сильно варьировали. Самые маленькие принадлежали детским сожжениям; самые большие — ведерной емкости — содержали слабо обожженные кости взрослых людей.

Контуры ям прослеживались на могильнике хорошо; ямы были небольшие круглые или более крупные овальные, в зависимости от числа сосудов, находящихся в погребении. Безурновые погребения, как правило, располагались в ямах большего диаметра.

Глиняные сосуды, найденные в Лебяжинском могильнике, могут быть разделены на два типа. Во-первых, это сосуды, похожие на княжинские, т. е. грубые лепные, слабопрофилированные. В двух случаях их чуть отогнутый венчик орнаментирован насечками. Один маленький сосуд такого типа снабжен тремя рудиментарными ручками на половине высоты. Второй тип сосудов составляют крупные открытые горшки с суженной, слегка профили-

рованной шейкой. Поверхность некоторых из них бугристая из-за зерен примесей, других — гладкая, подлощенная. Один из сосудов этого типа был по форме биконическим, с подчеркнутым ребром на середине высоты. По площади могильника погребения с керамикой разного типа были размещены вперемежку, как урновые, так и безурновые. По мнению Ю. А. Липкинга, урновые погребения с керамикой второго типа являются более древними. Они тяготеют к центру могильника.

В погребениях с урнами обычно никакого инвентаря не было. В безурновых погребениях, наоборот, встречались попорченные огнем бронзовые украшения, чаще всего браслеты в виде круглого прута с утолщенными концами, бляшки поясного набора, бусины, глиняные биконические пряслица. Некоторые браслеты орнаментированы поперечными нарезками на утолщенных концах. Имелись височные кольца, отличавшиеся от браслетов меньшими размерами. Бляшки от поясного набора, пряжка и наконечник пояса могут быть названы прорезными, что свидетельствует об их относительно раннем возрасте — VI—VII вв. Подобные бляшки происходят из «антских» кладов, в частности Мартыновского и Хацкинского.[30]

Железные изделия в песке сохранились очень плохо. Это четыре поясные пряжки, несколько ножей, фрагмент шпоры (?) и наконечник копья, схожий с княжинскими экземплярами. Интересная находка была сделана в одном из урновых погребений — кусок слабокальцинированной человеческой кости с застрявшим в нем железным острием ножа, наконечника стрелы или копья. В двух погребениях встречены кольчужные кольца; в одном — два оселка; в нескольких — кремневые кресала.

Можно назвать еще три-четыре пункта в Левобережье, где обнаружены древности приблизительно того же времени, что Княжинский и Лебяжинский могильники. Это старые материалы, полученные еще Н. Е. Макаренко в результате раскопок около с. Артюховка в бассейне р. Сулы.[31] Время этих находок точно не устанавливается, но они несомненно старше роменских. К VI—VII вв. относится могильник около с. Усох на правом берегу р. Десны в районе г. Трубчевска, исследованный В. А. Падиным.

На могильнике раскопано 18 сожжений в округлых ямах. Результаты кремаций ссыпались в ямы или ставились туда в глиняном сосуде или другом (например, берестяном) вместилище. Часть сожжений была испорчена распашкой; в частности, были разбиты урны, причем большое количество. Вместе с пережженными костями найдены железные и бронзовые вещи: нож, пряжки, обломки браслета с утолщенными концами, часть пальчатой фибулы (?) —

[30] *Рыбаков Б. А.* Древние русы. — СА, 1953, т. 17, с. 55, 77.

[31] *Макаренко Н. Е.* Археологические исследования 1907—1909 гг. — ИАК, 1911, вып. 43, с. 118—119.

и глиняное биконическое пряслице. На нескольких глиняных сосудах заметны следы вертикального заглаживания.[32]

В окрестностях г. Трубчевска имеется и второй могильник, частью бескурганный, частью курганный, расположенный в пойме правого берега Десны около с. Кветунь, не полностью исследованный Л. В. Артишевской.[33] Раскопки в обеих частях могильника дали погребения с трупосожжениями. В бескурганной части они размещались в больших округлых или овальных ямах (диаметром 0.8—1 м, глубиной 0.4—0.6 м); под насыпями курганов — в маленьких ямках или на горизонте. Сожженные кости сопровождались обломками специально разбитой глиняной посуды или целыми сосудами, в которых лежали мелкие кусочки кальцинированных костей. Под курганной насыпью обнаружены следы от двух до семи сожжений в неглубоких округлых ямах. В двух курганах под насыпями вскрыты остатки прямоугольных сооружений размером 5×6 и 3.5×5 м из вертикально поставленных бревен, от которых сохранились канавки шириной 0.2 м, глубиной 0.4—0.6 м. Сооружения были сожжены еще в древности. Внутри их находились кальцинированные кости и фрагменты керамики, — возможно, остатки разбитых урн.

Кроме керамики в погребениях бескурганной части могильника ничего не найдено. Лишь в одном случае вместе с кальцинированными костями были обнаружены обгорелые зерна гороха, в другом — обожженное глиняное пряслице, в третьем — обломок железного ножа. Керамика бескурганных сожжений преимущественно грубая, толстостенная. Черепков с гладкой поверхностью встречено очень мало. Наряду с обломками слабопрофилированных горшков попадались обломки дискообразных крышек.

В курганной части могильника керамика такая же, как в бескурганной (рис. 19). Можно отметить лишь следующее различие. Курганная часть делится на две группы: меньшую северную, примыкающую к бескурганной части, и большую южную, отделенную от северной 75 м. И оказалось, что в северной и бескурганной частях около кальцинированных костей лежали лишь отдельные обломки посуды, тогда как в южной из черепков удалось собрать целые сосуды. Здесь же находилось несколько целых урн, заполненных кальцинированными костями и углями. Только в южной группе среди керамики были выявлены лощеные сосуды. Следует еще отметить, что оба кургана с остатками деревянных конструкций принадлежали к южной группе.

В курганах найдены кое-какие бронзовые изделия. Это фибула из кургана 3, обломок подобной же фибулы и пряжка из кургана 1, круглая бляшка из кургана 10, обломок браслета из кургана 7 и

[32] *Падин В. А.* 1) Раннеславянские поселения и могильник в районе Трубчевска. — СА, 1960, № 3, с. 317—319; 2) Древности VI—VII вв. н. э. в окрестностях Трубчевска. — РВД, 1974, с. 132—135.

[33] *Артишевская Л. В.* Могильник раннеславянского времени на р. Десне. — МИА, 1963, № 108, л. 85—96.

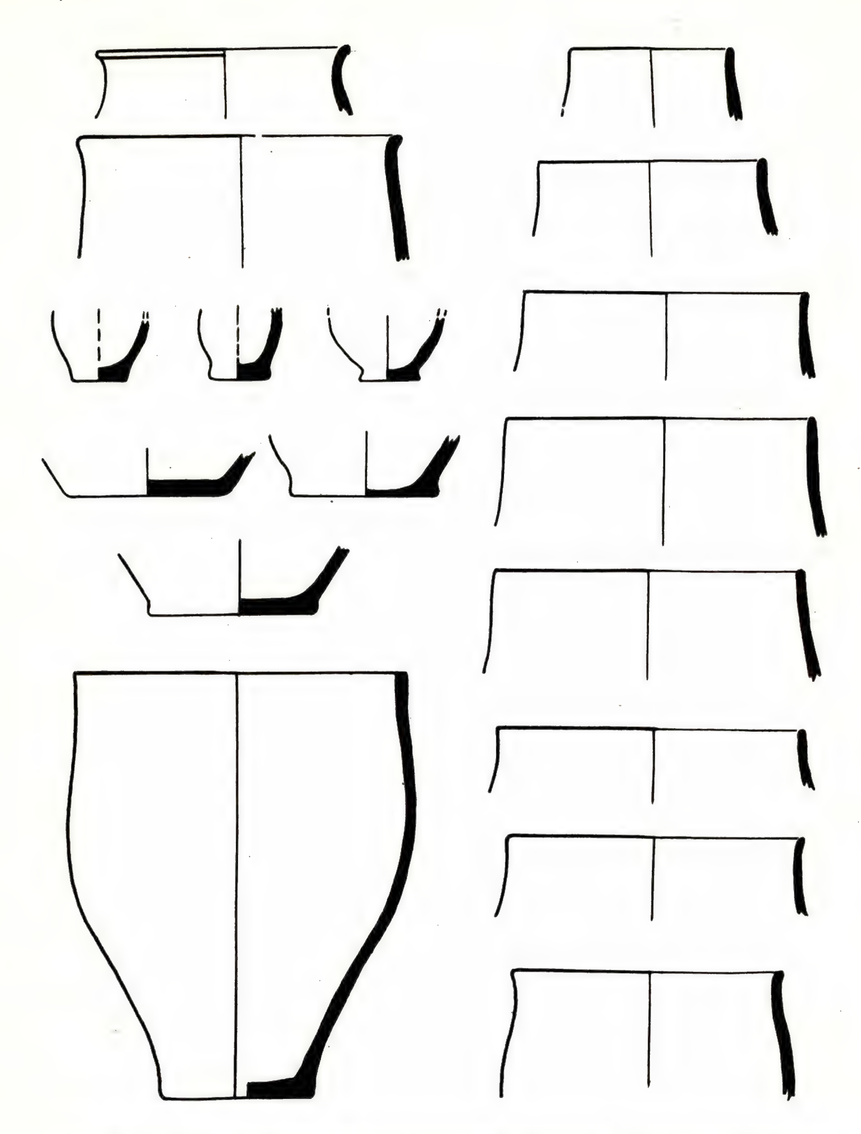

Рис. 19. Лепная керамика из курганного могильника Кветунь-Макорзно (раскопки Л. В. Артишевской).

маленькое крестообразное украшение, инкрустированное эмалью, из кургана 12. Судя по аналогиям, находимым в Прибалтике, все эти вещи датируются периодом от V до VII в. Они свидетельствуют также, что южная группа могильника, по-видимому, несколько моложе северной. Бескурганная часть является, очевидно, несколько более древней. Но разница ее во времени с курганами была, вероятно, очень невелика. Об этом говорит хотя бы то, что, несмотря на близкое соседство, ни один из курганов не нарушил бескурганную часть могильника.

Могильник у с. Кветунь интересен тем, что фиксирует момент перехода от бескурганного обряда захоронения результатов кремаций к курганному, происходящий во второй половине I тыс. повсеместно на восточнославянских землях.

В окрестностях г. Трубчевска имеются также остатки поселения, относящегося к тому же времени, что и названные могильники. Они находятся на мысу правого коренного берега Десны, носящем наименование Макча. Слой с остатками интересующего нас периода является на Макче не единственным. Верхний слой относится к роменскому времени; под нижележащим слоем третьей четверти I тыс. тоже есть культурные наслоения, вероятно, начала новой эры. Слой третьей четверти I тыс. характеризуется как грубой, так и гладкостенной, иногда подлощенной, посудой. Единственный целый сосуд этой группы имеет узкое дно и биконическое тулово с невыделенным венчиком. К более позднему времени относятся обломки сосудов, сделанных на гончарном круге, покрытых линейным орнаментом, близко напоминающих изготовленные на круге керамические изделия из селища у с. Волынцева и могильника из урочища Лан.

В раскопках на Макче удалось обнаружить неправильной формы землянки с печами, сложенными из кусков железной руды и глиняных конусов в верхней части. Открыто несколько хозяйственных ям, сравнительно узких вверху и расширяющихся к горизонтальному дну.

Дата поселения Макча точно не установлена. С одной стороны, судя по керамике, оно относится к волынцевскому времени, может быть к началу VIII в. Но имеется и более ранний материал, и это поселение не случайно было упомянуто нами выше в числе древностей середины I тыс.

В. А. Падиным, произведшим небольшие раскопки в урочище Макча, в районе г. Трубчевска отыскано большое число поселений второй и третьей четвертей I тыс., еще ждущих, как и Макча, своего исследователя.[34]

[34] *Падин В. А.* 1) Роменское поселение в Трубчевском районе. — КСИИМК, 1951, вып. 41, с. 109—113; 2) Раскопки поселения в урочище Макча близ Трубчевска. — СА, 1969, № 4, с. 208 сл.

V

Остается сказать несколько слов еще об одной категории археологических памятников, которая, может быть, принадлежала раннесредневековым славянам. Это древности социальной верхушки VII—VIII вв., обнаруженные в местностях, которыми могли владеть в то время славянские племена. Особый интерес представляют два погребальных памятника, совершенных по обряду трупосожжения. Один из них был открыт на левом берегу Днепра, у его порожистой части, около бывш. с. Вознесенки (ныне г. Запорожье);[35] другой — около с. Глодосы Маловисковского района Кировоградской области, на р. Сухой Ташлык, притоке р. Синюхи, впадающей в Южный Буг.[36]

Первый памятник представляет собой остатки укрепления на высокой точке левого берега Днепра, ниже порогов, имевшие вид площадки размером 62 × 31 м, окруженной расплывшимся валом высотой 0.8—0.9 м, шириной 11 м. Форма площадки прямоугольная; одна из узких сторон, западная, закруглена. Вал сложен из земли с большим количеством камней, сосредоточенных главным образом в верхних горизонтах насыпи. При раскопках внутри вала не обнаружено никаких остатков построек, лишь в средней части западной половины площадки сохранился как будто бы выложенный из камней круг, ограничивающий площадь 29 м^2, разрушенный еще в древности при устройстве захоронения. Круг являлся, по-видимому, основанием жилища в виде шатра, принадлежавшего предводителям отряда, занимавшего укрепление, сооруженное у переправы через Днепр. Отряд потерпел поражение; его предводители при этом погибли. На месте шатра были захоронены их сожженные останки и закопаны в землю вещи. Плохая сохранность сооружения объясняется тем, что площадь укрепления подвергалась распашке.

У южной стороны каменного круга были открыты две ямы. Одна из них заполнена камнями, взятыми из круга, костями животных, пережженными человеческими костями, обломками глиняной посуды, сделанной на круге, углями. Здесь же находились 22 наконечника стрел. Другая яма, размером 0.55 × 0.4 м и глубиной 0.7 м, содержала предметы снаряжения всадников, в том числе из серебра и золота. Вещи лежали как бы слоями. Наверху — стремена (58 целых и поломанных; из них некоторые с золотой инкрустацией); ниже — удила (40); еще ниже — пряжки (139 целых и поломанных) и другие железные предметы: трехлопастные наконечники стрел (7), ножи, кинжалы, кольца и иные вещи, побывавшие на костре. Под ними находились серебряные и золотые изделия, главным образом различные по форме бляшки и наконечники от ремня (1400), фигурка орла и оплавленная фи-

[35] *Грінченко В. А.* Пам'ятка VIII ст. около с. Вознесенки на Запоріжжі. — Археологія, 1950, т. 3, с. 37—63.

[36] *Сміленко А. Т.* Глодоські скарби. Київ, 1965.

гурка льва из серебра, обломки пострадавших от огня серебряных сосудов, на одном из которых сохранилось изображение львицы. На дне лежало трое стремян, пары которых обнаружены в верхнем слое. Вся эта груда вещей была проткнута тремя саблями. Здесь же размещались остатки их дорогих рукояток.

На площади укрепления при раскопках обнаружены обломки керамики, сделанной на гончарном круге, и масса конских костей. На восточном валу встречено большое кострище — место сожжения погибших воинов и их предводителей. К сожжению умерших имела отношение также яма за границами сооружения, с обожженными стенками.

По мнению исследователей, здесь было сожжено около 33 убитых: трое из них — предводители (им принадлежали самые дорогие вещи), четверо — знатные воины, а 26 — рядовые воины и слуги.

Вещи из погребения у с. Вознесенки относятся к раннему средневековью. Погребение было совершено, по-видимому, в начале VIII в. н. э. Об этом свидетельствуют находки византийских монет, неоднократно встречаемые с вещами точно таких же типов на территории Украины. Исключение составляют фигурки орла и льва, которые, по Л. А. Мацулевичу, относятся к более раннему времени, представляя собой изделия византийского происхождения.[37] Если правы исследователи, полагающие, что вознесенская находка принадлежала славянским воинам, то фигурки орла и льва, а также некоторые другие дорогие изделия следует рассматривать как военную добычу времени балканских славяно-византийских войн. Эти изделия могли быть навершиями знамен византийских легионов.

Подобная вознесенской находка — богатое погребение с трупосожжением того же времени — была сделана близ с. Глодосы. Здесь на берегу реки обнаружены остатки двух рвов, свидетельствующие, что погребение было сооружено на месте укрепления. Оно располагалось внутри рва в яме диаметром 1 м, глубиной около 0.7 м и принадлежало, очевидно, одному человеку, очень богатому, с которым была сожжена и похоронена женщина. Вместе с остатками кремации находились нагрудные украшения византийского происхождения, браслеты, перстни, серьги, драгоценные сабля и кинжал, богатый пояс. Найдены остатки четырех византийских серебряных сосудов и дорогое снаряжение двух коней.

Вознесенское и глодосское захоронения являются не единственными на территории Украины. Богатые погребения, или «клады», третьей четверти I тыс. встречались на Украине не раз, особенно в Левобережье, в частности в районе Полтавы, где найден знаменитый Перещепинский «клад» византийских и сасанидских изделий, представляющий собой, вероятно, богатейшее погребение. Подобные «клады» неодинаковы по устройству, по ассортименту состав-

[37] *Мацулевич Л. А.* Войсковой знак V в. — ВВ, 1959, т. 16, с. 183—205.

лявших их вещей и по другим деталям. Сокровища «кладов», как правило, не одновременны; они говорят о накоплении в течение долгих лет входивших в их состав вещей.

Как правило, драгоценные вещи «кладов» имеют византийское происхождение или изготовлены по византийским образцам. Но есть среди них и сасанидские. Кому принадлежали «клады», знати какой народности, остается точно неизвестным. В южнорусских степях в это время господствовали орды кочевников в основном тюркского происхождения; они нападали на Балканские провинции Византийской империи, вели борьбу друг с другом. Перещепинский «клад», по мнению большинства специалистов, принадлежал хазарскому предводителю; вознесенская и глодосская находки — славянским «князьям», во всяком случае об этом свидетельствует погребальный обряд — трупосожжение. О том, что у славян было золото и прочие богатства, сообщают византийские авторы.[38]

[38] Данная глава по замыслу П. Н. Третьякова должна была завершить основную часть исследования. Отсутствие «Заключения» в известной мере компенсируется ясностью предложенных автором гипотез по всем рассмотренным вопросам. — *Прим. ред.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИУ — Археологические исследования на Украине. Киев.
АО — Археологические открытия. М.
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
ВВ — Византийский временник. М.
ВЯ — Вопросы языкознания. М.
ЗРАО — Записки Российского археологического общества. СПб.
ИАК — Известия Археологической комиссии. СПб.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИАУ — Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Киев.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.
МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Київ.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М., Л.
РВД — Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.
СА — Советская археология. М.
САИ — Свод археологических источников. М., Л.
СРС — Слов'яно-руськи старожитності. Київ.
СЭ — Советская этнография. М.
AR — Archeologicke rozhledy. Praha.
PA — Pamatky archeologicke. Praha.
SA — Slovenska archeologia. Bratislava.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Петр Николаевич Третьяков

ПО СЛЕДАМ ДРЕВНИХ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

Утверждено к печати
Отделением истории
Академии наук СССР

Редактор издательства *В. Т. Бочевер*
Художник *В. П. Сысалов*
Технический редактор *М. Н. Кондратьева*
Корректор *Э. Г. Рабинович*

ИБ № 20462

Сдано в набор 17.11.81. Подписано к печати 09.04.82. М-29113. Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Бумага офсетная № 1. Гарнитура литературная. Фотонабор. Печать офсетная. Печ. л. 9. Усл. печ. л. 9. Уч.-изд. л. 9.84. Усл. кр.-отт. 9.25. Тираж 12600. Изд. № 8188. Тип. зак. 922. Цена 70 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

70 коп.

«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ